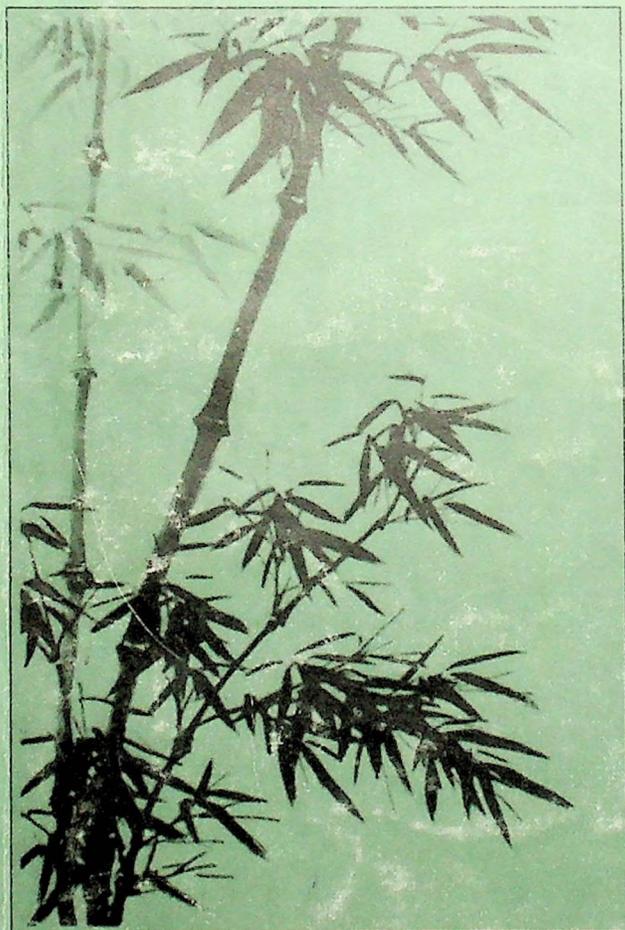

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2015

ISSN 0131-2812

70 лет Великой Победы.
Российско-китайская научная
конференция в ИДВ РАН

●
Стратегия становления Китая
как великой державы

●
«Новая нормальность»
в китайской экономике

●
Китай — Латинская Америка:
торгово-экономические отношения

●
Внешняя политика Японии

●
Шэньчжэнь: социальные процессы
и проблемы

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2015

Май — Июнь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Болятко, д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н., К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), А.И. Денисов, к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин, к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф., Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН, А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н., М.Л. Титаренко, академик РАН, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов
зав. отделом Японии

ВИНОВОДЧЕСКОЕ

© Российская академия наук, 2015

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2015

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН СССР

Содержание

Документы

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества.....	4
Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути.....	13
Приветствие Президента России В.В. Путина участникам и гостям российско-китайской конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне».....	15
Приветствие Председателя КНР Си Цзиньпина участникам и гостям российско-китайской конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне».....	16

Политика

<i>М. Титаренко, А. Ломанов.</i> Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы.....	17
<i>В. Кистанов.</i> Внешняя политика Японии в 2015 году: куда пойдет перезагрузка?.....	29
<i>А. Волошина.</i> Китайско-японские отношения в XXI веке: проблемы и перспективы.....	41
<i>Г. Локшин.</i> Идеи Хо Ши Мина во внешней политике Вьетнама.....	52
<i>А. Курмазов.</i> Арктическая политика Японии и интересы России.....	58

Экономика

<i>О. Борох.</i> «Новая нормальность» с китайской спецификой.....	68
<i>В. Балакин.</i> Нарращивание Китаем совокупной национальной мощи: американский фактор.....	81
<i>М. Александрова.</i> Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая.....	86
<i>Н. Коледенкова, А. Палеев.</i> Китайско-латиноамериканское экономическое сотрудничество.....	95

Государство и общество

<i>В. Портяков.</i> Шэньчжэнь: социальные процессы и проблемы.....	102
<i>А. Карнеев.</i> «Гласность с китайской спецификой»: некоторые современные тенденции в китаезычном информационном пространстве.....	110

ИСТОРИЯ

<i>Б. Горбачев.</i> Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937–1945 гг.).....	123
<i>Д. Кузнецов.</i> «Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев»	136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О российско-китайской международной конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне».....	147
Выступление Почетного председателя Общества российско-китайской дружбы академика С.Л. Тихвинского на конференции «Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне».....	150
Всероссийский круглый стол.....	152
Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН «Китай на новом этапе экономической реформы».....	156

РЕЦЕНЗИИ

<i>В. Мясников.</i> Проверенный историей диалог культур. Самойлов Н.А. Россия и Китай в ХУП — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия.....	163
<i>П. Каменнов.</i> Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР.....	169
<i>Ю. Чудодеев.</i> Головачев В.Ц., Молодяков В.Э. Тайвань в эпоху японского правления.....	174
<i>Т. Виноградова.</i> Х.М. Скьявоне Камачо. Миграция китайских мексиканцев через Тихий океан и поиски родины	177

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

75-летие А.А. Козлова	182
Александру Игоревичу Салицкому — 60 лет.....	184
Contents	186
Summary.....	188

Документы

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества

8 мая 2015 года

По приглашению Президента Российской Федерации В.В.Путина Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин 8–10 мая 2015 года посетил Российскую Федерацию с визитом и принял участие в торжественных мероприятиях по случаю 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. В Москве прошли переговоры глав государств, а также встреча Си Цзиньпина с Председателем Правительства Российской Федерации Д.А.Медведевым.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, далее именуемые Сторонами, заявляют о нижеследующем.

I

Благодаря совместным усилиям Сторон российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, являющиеся наилучшими за всю их историю, неуклонно продвигаясь вперед, вышли на новый этап и стали важным фактором развития двух стран, обеспечения их безопасности и укрепления международных позиций, а также надежной гарантией поддержания мира и стабильности в мире.

Россия и Китай, рассматривая дальнейшее углубление двусторонних связей как приоритетное направление своей внешней политики, намерены на основе Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года и достигнутых между ними стратегических договоренностей и впредь последовательно укреплять всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие, наращивать взаимную поддержку и содействие в защите своих жизненных интересов по таким вопросам, как обеспечение суверенитета, территориальной целостности и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела, самостоятельный выбор пути развития, сохранение культурно-исторических и морально-нравственных ценностей.

Стороны будут поддерживать тесные контакты на высшем и высоком уровнях, всесторонне реализовывать договоренности о сотрудничестве, достигнутые между главами государств, совершенствовать действующие механизмы межправительственных, межпарламентских, межведомственных, межрегиональных и общественных связей, создавать новые каналы взаимодействия, в полной мере использовать благоприятные возможности, открывающиеся благодаря беспрецедентно высокому уровню политических отношений, для достижения максимальных практических результатов во всех сферах сотрудничества в интересах решения задач развития и возрождения России и Китая.

Новым проявлением особой доверительности двусторонних отношений стало создание механизма обменов и сотрудничества между Администрацией Президента Российской Федерации и Аппаратом Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, а также Центральной Комиссией Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины/Министерством контроля КНР. Стороны придают большое значение дальнейшему налаживанию всестороннего взаимодействия на этом направлении.

II

Стороны единодушно отмечают, что Вторая мировая война, развязанная германским фашизмом и японским милитаризмом, явилась величайшей трагедией в истории человечества. Советский Союз и Китай, ставшие основными театрами военных действий в Европе и Азии, приняли на себя главный удар фашизма и милитаризма, подверглись самым суровым испытаниям, понесли самые большие потери и совершили великий исторический подвиг во имя отстаивания человеческого достоинства и восстановления мира во всем мире. Человечество будет вечно помнить о том, ценою каких огромных жертв народы России, Китая и других стран-союзниц обеспечили победу, поставили заслон человеконенавистнической идеологии и практике фашизма и милитаризма, вернули мир во всем мире.

Стороны подчеркивают, что Россия и Китай как основные державы-победительницы во Второй мировой войне, основатели Организации Объединённых Наций и постоянные члены Совета Безопасности ООН будут твердо отстаивать итоги Второй мировой войны, выступать против попыток отрицания, искажения и фальсификации ее истории, защищать авторитет ООН, решительно осуждать действия, направленные на обеление фашизма, милитаризма и их пособников и очернение освободителей, делать все возможное для того, чтобы не допустить повторения трагедии мировой войны.

Китайский народ бережно хранит память о советских воинах, отдавших свои жизни за свободу Китая.

III

Стороны намерены предпринимать скоординированные целенаправленные усилия для раскрытия потенциала двустороннего практического взаимодействия по следующим направлениям:

обеспечение стабильного расширения торгово-экономического сотрудничества; планомерное улучшение, наряду с увеличением количественных показателей двустороннего товарооборота, структуры взаимной торговли при активном выявлении новых точек ее роста;

последовательное наращивание масштабов инвестиционного сотрудничества, продвижение ускоренными темпами крупных инвестиционных проектов в таких областях, как транспортная инфраструктура, включая высокоскоростное железнодорожное со-

общение, энергетика, горнодобывающая и лесная промышленность, отрасли обрабатывающей промышленности, сфера услуг;

продолжение работы, направленной на активизацию использования национальных валют при расчетах в двусторонней торговле, во взаимных инвестициях, кредитовании; углубление взаимодействия в сферах торгового и проектного финансирования, платежных услуг;

укрепление российско-китайского всеобъемлющего энергетического партнерства, содействие дальнейшему развитию комплексного сотрудничества в нефтяной области, сооружение в соответствии с согласованными планами российско-китайского трубопровода для поставок газа по «восточному» маршруту, обеспечение своевременного завершения его строительства и введения в строй, принятие мер для скорейшего завершения переговоров по проекту поставок газа по «западному» маршруту, укрепление взаимодействия в разведке и освоении топливно-энергетических ресурсов, осуществление на практике совместных проектов в угольной промышленности, электроэнергетике и в сфере возобновляемых источников энергии, продвижение технологических обменов и производственной кооперации в разработке и производстве энергетического оборудования, укрепление стратегического взаимодействия в мирном использовании атомной энергии;

тесное взаимодействие в реализации Программы российско-китайского сотрудничества в области космоса на 2013–2017 годы, в первую очередь по таким приоритетным направлениям, как ракетные двигатели, электронная компонентная база, спутниковая навигация, дистанционное зондирование Земли, исследование и освоение Луны и изучение дальнего космоса;

укрепление взаимодействия по ключевым проектам сотрудничества в сфере гражданского авиастроения, таким как создание широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета и тяжелого вертолета; интенсификация обменов и сотрудничества в области телекоммуникационных и информационных технологий;

создание эффективных механизмов инновационного взаимодействия, определение перспективных проектов в области совместного промышленного освоения высокотехнологичных разработок ученых России и Китая; обеспечение успешного участия Китая в качестве главного гостя на шестой Международной выставке «Иннопром» в России;

расширение на плановой основе сотрудничества в сфере сельского хозяйства и рыболовства, поддержание взаимных инвестиций в создание современных предприятий в сферах растениеводства, животноводства, производства и переработки продукции аквакультуры, переработки и торговли сельскохозяйственной продукцией, производства сельскохозяйственной техники и оборудования; укрепление взаимодействия в области ветеринарного и фитосанитарного контроля;

усиление плановых начал в межрегиональном сотрудничестве, повышение его практической отдачи, углубление взаимодействия между регионами Приволжского федерального округа (Россия) и верхнего, среднего течения реки Янцзы (Китай), учреждение с учетом этого опыта Совета сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая; продолжение практики проведения ежегодных российско-китайских ЭКСПО;

продвижение сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока Китая; Российская Сторона приветствует участие Китайской Стороны в проектах на территориях опережающего развития на российском Дальнем Востоке;

ускорение сооружения объектов трансграничной транспортной инфраструктуры, включая железнодорожный мостовой переход в районе пункта пропуска Нижнеленинское — Тунцзян и автомобильный мостовой переход в районе пункта пропуска Благовещенск — Хэйхэ, укрепление сотрудничества в области интермодальных перевозок с использованием портов и другой транспортной инфраструктуры Дальнего Востока России;

углубление взаимодействия в таких областях, как рациональное использование и охрана трансграничных водных ресурсов, противодействие наводнениям и уменьшение последствий стихийных бедствий на трансграничных водах, улучшение качества вод трансграничных водных объектов, содержание ключевых трансграничных особо охраняемых природных территорий, сохранение биоразнообразия;

использование в полной мере уникального потенциала Российско-Китайской Комиссии по границе и других механизмов в целях поддержания стабильности, добрососедства, сотрудничества и взаимопомощи на российско-китайской границе, дальнейшего углубления взаимодействия по всему спектру пограничных вопросов, включая завершение в запланированные сроки первой совместной проверки линии государственной границы, регулирование деятельности Сторон на пограничных водных объектах и борьбу с трансграничной преступностью;

приумножение достижений российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере, продолжение успешного проведения мероприятий в рамках Годов дружественных молодежных обменов между Россией и Китаем, наращивание масштабов обменов между молодежью двух стран, начало подготовки Года обменов между российскими и китайскими средствами массовой информации.

IV

Россия и Китай отмечают, что наряду с ускоренным становлением полицентричного мироустройства растет нестабильность и неопределенность в международных отношениях, обостряются существующие противоречия и возникают новые очаги конфликтов, усиливается конкуренция во многих сферах. Обозначились риски углубления межконфессиональных и межцивилизационных разломов. Нерешенными остаются такие угрожающие мировой стабильности и устойчивому развитию человечества проблемы, как распространение оружия массового поражения, терроризм и экстремизм, трансграничная преступность, дефицит продовольствия, изменение климата, массовые эпидемии.

Стороны разделяют уверенность в том, что реалиям XXI века отвечает не обособление, а гармонизация отношений между различными государствами, их коллективные действия по решению современных проблем и урегулированию кризисов, основанные на принципах равной и неделимой безопасности, взаимном учете интересов строго в рамках международного права.

Основываясь на своем успешном опыте установления и развития межгосударственных отношений нового типа, следуя принципам сохранения мира, продвижения сотрудничества и совместного строительства будущего, Россия и Китай призывают все государства мира:

уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, ключевые интересы и основные озабоченности друг друга, суверенный выбор народами всех государств своего общественного строя и пути развития, выступать против деятельности, направленной на подрыв легитимной политической власти;

придерживаться положений Устава ООН, пяти принципов мирного сосуществования и других базовых принципов международного права и международных отношений; добросовестно выполнять международные договоры, продвигать в качестве основ-

ных направлений своей внешней политики концепцию мирного развития и выгодного для всех сторон сотрудничества, оказывать содействие укреплению тенденций многополярности, демократизации и верховенству права в международных отношениях;

разрешать разногласия и конфликты между государствами политико-дипломатическим путем, не допуская практики «игры с нулевой суммой» и идеологии «победитель получает все», характерных для эпохи «холодной войны», выступать против применения силы или угрозы силой, противодействовать введению односторонних санкций и угрозам их введения;

способствовать конструктивному взаимодействию различных цивилизаций, выступать за их взаимообогащение, уважать многообразие и культурные различия, противостоять нетерпимости;

совместно отметить 70-летнюю годовщину образования Организации Объединенных Наций, укреплять ее центральную роль в международных делах, прерогативы Совета Безопасности по поддержанию международного мира и безопасности, отстаиванию общих интересов государств-членов, сделать ООН ключевым механизмом обеспечения мирного сосуществования государств с различными общественно-политическим строем, культурными традициями и путями развития, формирования более справедливого полицентричного миропорядка, основанного на выгодном для всех сторон сотрудничестве. Любой проект реформы Совета Безопасности ООН должен быть нацелен на усиление сплочения и взаимодействия в ООН и Совете Безопасности, приносить реальную пользу продвижению мира, безопасности и развития человечества. Добиваться этого необходимо путем равноправных межправительственных переговоров и выработки пакетного решения на основе широкого единства мнений. Необходимо продолжать упорную работу без установления искусственных временных ограничений с целью выработки зрелого проекта реформы, по которому будет достигнуто максимально широкое согласие государств-членов;

последовательно отстаивать принцип неделимости безопасности в международных отношениях. Одностороннее развитие и размещение в глобальном масштабе систем ПРО неблагоприятно сказывается на международной ситуации и может нанести ущерб глобальной стратегической стабильности и безопасности. Необходимо совместными политико-дипломатическими усилиями всех заинтересованных стран предотвращать распространение баллистических ракет и ракетных технологий. Недопустимы попытки обеспечения безопасности отдельных государств и групп государств за счет безопасности других государств;

обеспечивать безопасность космической деятельности и использование космического пространства исключительно в мирных целях, предпринимать меры по предотвращению гонки вооружений в космосе, прилагать усилия к скорейшему запуску переговоров на Конференции по разоружению в Женеве в целях заключения международного юридически обязывающего соглашения на основе предложенного Россией и Китаем проекта договора о предотвращении размещения оружия в космосе, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов. Россия и Китай вновь заявляют о недопустимости размещения оружия в космосе и призывают все космические державы придерживаться этой политики;

продолжать всемерно укреплять координацию и взаимодействие в рамках Комитета ООН по космосу, в первую очередь по таким вопросам повестки дня, как долгосрочная устойчивость космической деятельности, включая безопасность космических операций, а также пути и средства сохранения космического пространства для мирных целей;

продолжая твердо придерживаться принципов и целей Рамочной конвенции ООН об изменении климата, в том числе принципов «общей, но дифференцированной ответственности», справедливости и имеющихся возможностей, прилагать усилия по укреплению международного сотрудничества по вопросам глобального изменения климата, совместно работать в пользу принятия на 21-й Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата / 11-м Совещании Сторон Киотского протокола в Париже в 2015 году решений с учетом интересов всех стран в целях эффективного и справедливого урегулирования проблемы изменения климата;

на основе взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды совместными усилиями создавать мирное, безопасное, открытое, партнерское информационное пространство. Выработать универсальную и эффективную модель поведения государств в информационном пространстве, противодействовать использованию информационных и телекоммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, а также в целях подрыва их политической, экономической и социальной стабильности. Рассмотреть представленный в текущем году Россией, Китаем и рядом других стран в Генеральной Ассамблее ООН обновленный проект «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» с тем, чтобы в скорейшем времени достичь международного консенсуса по данному вопросу.

Стороны полагают, что углубление сотрудничества в области использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) крайне важно и соответствует интересам обоих государств. Они будут активно развивать практическое сотрудничество на этом направлении, укреплять взаимодействие, в том числе в сфере государственной политики, технологий, бизнеса и гуманитарного взаимодействия, продвигать совместные инициативы, нацеленные на предупреждение использования ИКТ, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в террористических и криминальных целях и противодействие такой деятельности.

Стороны продолжают прилагать совместные усилия по поддержанию стратегической стабильности и укреплению международной и региональной безопасности, а также осуществлять тесное сотрудничество в вопросах нераспространения оружия массового уничтожения на основе ДНЯО, КБТО и КЗХО.

Стороны полагают, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) стала важным фактором обеспечения мира, безопасности, стабильности и развития в глобальном и региональном масштабах. Она являет собой образец равноправных, доверительных, добрососедских, партнерских межгосударственных отношений нового типа, предлагая основанную на партнерстве, а не на блоковых принципах модель сотрудничества в рамках многосторонней организации. В нынешних геополитических реалиях перед ШОС открываются новые перспективы. Китай всемерно поддерживает председательство России в ШОС. Стороны намерены совместно с другими партнерами прилагать усилия в целях дальнейшего совершенствования деятельности Организации, повышения ее роли в противодействии вызовам и угрозам безопасности государств-членов, эффективном поддержании региональной стабильности, ускоренной реализации целей социально-экономического развития.

Стороны поддерживают непрерывное поступательное развитие механизма сотрудничества между государствами — участниками БРИКС, которое вносит активный вклад в совершенствование глобального экономического управления и поддержание международного мира и безопасности. Стороны полагают, что государства — участники БРИКС должны, следуя духу открытости, инклюзивности, взаимодействия и общей выгоды, сотрудничать по всем направлениям, выстраивать более тесные отношения парт-

нерства, в ближайшем будущем завершить подготовительную работу по созданию Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС. Китайская Сторона будет активно содействовать российскому председательству в БРИКС.

Стороны усилят координацию в рамках «Группы двадцати», будут совместно добиваться того, чтобы «Группа двадцати» играла более важную роль в таких вопросах, как стимулирование роста мировой экономики, обеспечение стабильности международных финансов, совершенствование глобального экономического управления, строительство открытой мировой экономики. Стороны намерены совместно со страной-председателем Турцией и другими членами «Группы двадцати» добиваться позитивных результатов саммита в Анталии. Россия и Китай выступают за скорейшую реализацию проекта реформирования Международного валютного фонда, дальнейшее повышение репутации «Группы двадцати» и раскрытие ее возможностей. Российская Сторона будет активно поддерживать Китайскую Сторону в успешном проведении саммита «Группы двадцати» в 2016 году, сообща отстаивать позиции «Группы двадцати» как главного форума международного экономического сотрудничества, раскрывая ее важную роль в таких вопросах, как продвижение роста мировой экономики, обеспечение стабильности международных финансов, усиление глобального экономического управления.

Россия высоко оценивает инициативу Китая о создании «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» и считает ее важной концепцией, направленной на развитие торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия в регионе. Стороны продолжают поиск точек сопряжения региональных экономических интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» в интересах обеспечения устойчивого экономического роста на евразийском пространстве на основе укрепления равноправного сотрудничества и взаимодоверия. Стороны приветствуют начало переговоров между Евразийским экономическим союзом и Китаем о заключении Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве.

Россия и Китай придают исключительно важное значение продолжению взаимодействия в формате Россия — Индия — Китай. Стороны считают, что данный механизм внешнеполитического сотрудничества способствует укреплению позиций трех стран в глобальных и региональных делах, позволяет выстраивать общие подходы к актуальным международным и региональным проблемам.

Стороны намерены углублять сотрудничество России, Китая и Монголии, придать ему полномасштабный комплексный характер путем развития трехстороннего взаимодействия в политической, экономической, научно-технической, гуманитарной сферах, в приграничных и межрегиональных связях, на международной арене.

Россия и Китай считают, что в условиях неуклонно возрастающей роли Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в мировой политике и экономике первоочередной задачей является обеспечение мира, стабильности и устойчивого развития в регионе. Стороны продолжают прилагать усилия по строительству в АТР надежной, отвечающей современным реалиям, транспарентной и всеобъемлющей архитектуры равноправной и неделимой безопасности, основанной на верховенстве международного права, взаимном доверии, принципах мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой, уважении интересов всех государств. Россия и Китай совместно с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и другими заинтересованными партнерами будут добиваться дальнейшего развития диалога по этой проблеме в рамках Восточноазиатского саммита и других многосторонних объединений.

Стороны высоко оценивают решения саммита форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), прошедшего в ноябре 2014 года в Пекине под председательством Китая, рассматривая их в качестве ориентира в дальнейшей совместной работе по углублению экономической интеграции в АТР, содействию инновационному развитию, реформированию и росту, усилению комплексной взаимосвязанности и инфраструктурного строительства. Россия и Китай намерены и впредь тесно взаимодействовать в целях увеличения вклада этого форума в продвижение экономического развития в АТР.

Россия и Китай отмечают важную роль Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в качестве востребованного элемента формирующейся в регионе архитектуры безопасности и сотрудничества. Россия поддерживает цели и задачи китайского председательства в СВМДА в 2014–2016 годах. Стороны продолжают тесную координацию и конструктивное взаимодействие в ходе их реализации.

Россия и Китай рассматривают форум «Азия—Европа» (АСЕМ) в качестве востребованной площадки для политического диалога, экономического сотрудничества, контактов в социальной, культурной и других сферах между странами Азии и Европы. Стороны выступают за повышение эффективности деятельности форума и в связи с его предстоящим в 2016 году 20-летием считают крайне важной подготовку содержательного концептуального документа о видении будущего развития АСЕМ.

Стороны приветствуют энергичное развитие российско-африканских и китайско-африканских отношений и будут продолжать углублять диалог и стратегическое взаимодействие в африканских делах, в том числе путем обсуждения совместных шагов по наращиванию сотрудничества с Африкой в рамках БРИКС, оказывать содействие в обеспечении устойчивого развития, усилении способности государств континента к самостоятельному развитию.

Стороны продолжают консультации по латиноамериканской проблематике, будут укреплять взаимодействие в продвижении отношений со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, изучать отвечающие устремлениям и нуждам латиноамериканских государств формы сотрудничества в регионе в экономической и социальной сферах, соображая играть позитивную роль в развитии этих государств.

Стороны вновь заявляют о поддержке суверенитета, единства и территориальной целостности Сирии. Они считают, что использование политико-дипломатических средств — единственный путь урегулирования сирийского кризиса, и выступают против любых попыток силового вмешательства в ситуацию в этой стране. Россия и Китай призывают все стороны конфликта в Сирии к скорейшему прекращению вооруженного противостояния, запуску межсирийского диалога и переговоров на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года в интересах достижения долгосрочного политического урегулирования в Сирии, отвечающего чаяниям сирийского народа.

Стороны, подтверждая свою приверженность становлению Афганистана в качестве мирного, стабильного, демократического, нейтрального и экономически процветающего государства, свободного от терроризма и наркотиков, выражают обеспокоенность продолжающимся обострением обстановки в этой стране, вызванным в том числе появлением «Исламского государства» и активизацией подрывной деятельности его боевиков. Россия и Китай заявляют о необходимости продолжения оказания Афганистану содействия по широкому кругу вопросов, включая повышение эффективности Афганских национальных сил безопасности, выступают за дальнейшее продвижение процесса национального примирения, возглавляемого и проводимого афганцами, в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН по этому вопросу.

Россия и Китай выражают озабоченность тем, что уже долгое время не разрешается украинский кризис, призывают все стороны конфликта неуклонно придерживаться политического пути его урегулирования и, в полной мере принимая во внимание законные интересы всех регионов и народов Украины, а также учитывая законные интересы и обеспокоенности задействованных сторон, в самом скором времени реализовать всеобъемлющий, сбалансированный, долгосрочный план политического урегулирования во имя стабильности и развития Украины.

Россия и Китай положительно оценивают двустороннее взаимодействие в процессе политико-дипломатического урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы, призывают всех участников переговоров воспользоваться уникальной исторической возможностью и, нарастив дипломатические усилия, в установленный срок до конца июня 2015 года выйти на справедливое, сбалансированное, выгодное для всех сторон всеобъемлющее соглашение.

Стороны едины в том, что обеспечение мира и стабильности на Корейском полуострове, его денуклеаризация, решение соответствующих проблем путем диалога и консультаций отвечают общим интересам и имеют важное значение для мира, стабильности и процветания региона. Россия и Китай рассматривают шестисторонние переговоры как эффективный формат решения ядерной проблемы Корейского полуострова и призывают заинтересованные стороны двигаться навстречу друг другу с тем, чтобы сформировать условия для разблокирования шестистороннего процесса.

Стороны положительно оценивают итоги первого раунда российско-китайских консультаций по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА) и намерены в духе всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем углублять диалог и укреплять координацию и взаимодействие, сообща поддерживать мир, стабильность и безопасность в СВА, продвигать формирование в субрегионе новой архитектуры мира и безопасности, базирующейся на равном учете законных интересов и озабоченностей всех находящихся в нем государств.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и экономического пояса Шелкового пути

8 мая 2015 года

Российская Федерация и Китайская Народная Республика (далее именуемые Сторонами), подтверждая намерение углублять отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами в интересах сбалансированного и гармоничного развития евразийского региона и мира в целом, заявляют о следующем.

I

Российская Сторона поддерживает строительство Экономического пояса Шелкового пути и готова к тесному взаимодействию с Китайской Стороной в продвижении этой инициативы.

Китайская Сторона поддерживает активные усилия Российской Стороны по продвижению интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и начнет переговоры о заключении с ним соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве.

Стороны, руководствуясь стремлением обеспечить поступательный и устойчивый экономический рост в регионе, активизировать в нем экономическую интеграцию и сохранить региональный мир и развитие, будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Они будут налаживать совместную работу в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего на площадке Шанхайской организации сотрудничества, твердо придерживаясь принципов транспарентности, взаимного уважения, равноправия, взаимодополняемости различных интеграционных механизмов и открытости для всех заинтересованных сторон в Азии и Европе.

II

В интересах продвижения к указанной цели Стороны будут осуществлять шаги по наращиванию регионального сотрудничества на следующих приоритетных направлениях:

– расширение торгово-инвестиционного взаимодействия, оптимизация структуры торговли, культивирование новых факторов экономического роста и увеличения занятости;

– содействие упрощению взаимного инвестирования и развитию производственной кооперации, реализация крупных совместных инвестиционных проектов, совместное создание индустриальных парков и трансграничных зон экономического сотрудничества;

– укрепление взаимосвязанности в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок, реализация проектов инфраструктурного сотрудничества в целях расширения и оптимизации региональных производственных сетей;

– создание механизмов для упрощения торговли в тех сферах, где для этого созрели условия, разработка совместных шагов по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов; рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем;

– создание благоприятной среды для роста малых и средних предприятий, играющих важную роль в развитии региональной экономики;

– содействие увеличению расчетов в национальных валютах в сферах торговли, прямых инвестиций и кредитования, создание валютных свопов, углубление сотрудничества в области экспортного кредитования, страхования, проектного и торгового финансирования, банковских карт;

– укрепление сотрудничества по линии различных финансовых институтов, включая такие механизмы, как Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Межбанковское объединение ШОС;

– продвижение кооперации в многосторонних региональных и глобальных форматах в интересах гармоничного развития, расширения мировой торговли, формирования и распространения современных эффективных правил и практик регулирования мировой торговли и инвестиций.

III

Стороны поддерживают запуск между ЕАЭС и Китаем диалогового механизма по сопряжению евразийской экономической интеграции и строительства Экономического пояса Шелкового пути. Они также будут способствовать обсуждению с участием экспортного сообщества вопросов взаимодействия в интересах формирования общего экономического пространства.

Стороны сформируют рабочую группу с участием представителей заинтересованных ведомств под руководством МИД России и МИД КНР для координации сотрудничества в указанных сферах. Стороны будут осуществлять контроль за ходом реализации достигнутых договоренностей в рамках регулярных встреч глав правительств России и Китая, а также других двусторонних механизмов взаимодействия.

Приветствие Президента России В.В. Путина участникам и гостям российско-китайской конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне»

Дорогие друзья! Уважаемые ветераны!

Сердечно приветствую вас по случаю открытия конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне».

В этом году исполняется 70 лет Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Для России и КНР эти юбилейные даты имеют особое значение. Народы наших стран понесли самые страшные потери в борьбе с нацизмом и милитаризмом. Сражаясь плечом к плечу, они внесли решающий вклад в Победу над врагом.

В России никогда не забудут о мужестве и героизме китайских братьев по оружию, отдавших свои жизни ради общей Победы. Столь же бережно в КНР относятся к памяти советских солдат и офицеров, павших в боях с захватчиками на китайской земле.

Для нас совершенно неприемлемы циничные попытки переписать историю в угоду конъюнктурным политическим интересам, реабилитировать нацистов и их пособников. Подобные действия не только безнравственны, но и крайне опасны — они подталкивают мир к новым конфликтам, к жестокости и насилию.

Уверен, что ваша конференция будет способствовать утверждению правдивого видения событий военных лет, поможет увековечить подвиги наших отцов и дедов, внесёт существенный вклад в воспитание молодёжи в духе патриотизма, гуманизма и дружбы народов.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Владимир Путин

Приветствие Председателя КНР Си Цзиньпина участникам и гостям российско-китайской конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне»

В преддверии 70-летия победы России в Великой Отечественной войне от имени правительства и народа Китая и от себя лично передаю искренний привет и наилучшие пожелания участникам Вашей юбилейной конференции, российским ветеранам и представителям обеих стран, посвятившим свои многолетние усилия делу китайско-российской дружбы.

70 лет назад народы Китая, России и всех миролюбивых стран мира, сплотившись плечом к плечу, в ходе героической непреклонной борьбы, проливая кровь и жертвуя собственными жизнями, одержали победу над фашистскими и милитаристскими агрессорами. Сегодня, 70 лет спустя, совместное празднование этой победы в память о героических борцах, лучших сынах России и Китая, павших за справедливость, свет и свободу, имеет чрезвычайно важное значение.

Россия была основным полем битвы в ходе Второй мировой войны в Европе, ее армия и народ одержали победу ценой величайших жертв, сыграли решающую роль в разгроме фашистских агрессоров. Главным театром боевых действий в Азии во Второй мировой войне был Китай, который вступил в войну раньше всех и воевал дольше всех. Его армия и народ в упорной и тяжелой борьбе сковали и уничтожили крупные силы японских агрессоров, внесли весомый вклад в координацию стратегических действий в Европе и на Тихом океане, что в конечном итоге привело к великой победе в войне сопротивления японским захватчикам. Китайский народ вместе с российским народом принес огромные жертвы во имя победы в этой справедливой войне. Героические действия армий и народов двух стран вписали блестящую и славную страницу в историю борьбы человечества против агрессоров.

Мы празднуем великую победу китайского народа в войне сопротивления и российского народа в Великой Отечественной войне, чтобы не забывать историю, воздать дань памяти погибшим, сохранять мир и открыть путь в будущее. Историческая память нужна не для сохранения ненависти, а для более успешного созидания прочного мира.

Надеюсь, что эта юбилейная конференция будет способствовать укреплению традиционной дружбы народов Китая и России, скрепленной кровью, пролитой для победы, вдохновит народы двух наших и всех остальных стран на то, чтобы положить начало подъему и развитию России и Китая, мирному процессу и более прекрасному будущему всего человечества.

Желаю предстоящей конференции полного успеха !

5 мая 2015 г.

*Председатель Китайской Народной Республики
Си Цзиньпин*

Политика

Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы

© 2015

М. Титаренко, А. Ломанов

В статье рассматриваются характеристики и специфические особенности поведения Китая в качестве новой великой державы. В области дипломатии Китай уделяет повышенное внимание созданию новой парадигмы отношений с сопредельными странами, разработке содержательной концепции совместного развития. Трансформация методологии китайской политики ведет к возрастанию роли традиционной культуры и ценностей, все более заметное место занимают этические категории раннего конфуцианства.

Ключевые слова: Китай, политика, дипломатия, традиционная культура, Си Цзиньпин.

Неуклонный рост потенциала Китая обеспечивает стране все более заметное место на мировой арене. Символический рубеж был пройден в 2014 г., когда по данным международных экономических организаций при подсчете ВВП по паритету покупательной способности объем китайской экономики превзошел экономику США — \$17,6 трлн против \$17,4 трлн¹.

Это условный показатель китайского лидерства, поскольку он получен не из прямого пересчета по курсу валют, а с использованием оценок и сопоставлений, в которых присутствует субъективный элемент. Не учитывалась и разница в уровне ВВП на душу населения, а ведь в Китае жителей в четыре раза больше, чем в США.

И все же эти сравнения выявили важнейшую тенденцию развития современности. Западу, прежде всего США, нужно учиться жить в мировом сообществе, где нынешним лидерам уже не будет принадлежать главенствующая роль в экономике. Идея многополярного мира уже материализуется в виде множественности центров экономической силы.

В 2014 г. Китай продемонстрировал способность проводить взвешенную и независимую внешнюю политику. После кризиса на Украине Пекин не присоединился к за-

---

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, доктор философских наук, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

падной кампании давления на российское руководство. Не прерывая сотрудничества с Западом, Китай добился новых успехов в развитии взаимовыгодного партнерства с Россией. Политические позиции Китая в мире выглядят еще более прочными и стабильными на фоне роста взаимного отчуждения и недоверия между Россией и ее западными партнерами в лице Евросоюза и США.

Долгое время Китай настойчиво стремился сохранить за собой статус «развивающейся страны», которая держится в стороне от международных споров и конфликтов ради проведения реформ, преодоления бедности и отсталости. Все более заметный разрыв между растущей мощью страны и ее подчеркнута скромной самооценкой превращается в источник недоразумений и необоснованных обвинений. Из-за рубежа в адрес Китая звучат упреки в скрытности, отсутствии четко сформулированных внешнеполитических целей, стремлении избежать бремени ответственности за мировые дела, неспособности подкрепить экономическое влияние духовными идеалами и ценностями.

Для китайского руководства настало время обновления и дополнения национальной стратегии в соответствии с уже достигнутым уровнем развития страны и его ожидаемым ростом в будущем. Возник вызов неизбежной адаптации к новой роли глобальной сверхдержавы, когда Китаю хотя бы частично придется брать на себя роль стабилизатора и гармонизатора мировых конфликтов и противоречий. Судя по всему, в Пекине осознают эту необходимость.

В ноябре 2014 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что «Китаю обязательно нужна дипломатия великой державы с собственной спецификой» (*цзыцзи тэсэ дэ даго вайцзяо*)². Помимо особенностей социально-экономического пути развития страны, специфика Китая как крупной державы включает в себя традиционную культуру и ценностные воззрения китайцев.

Си Цзиньпин выделил четыре характеристики Китая как великой державы.

Это *цивилизированная* великая держава, обладающая богатой историей, множественностью и единением различных этносов, многообразием и гармонией культур.

Это *восточная* великая держава, где проводится ясная политика, развивается экономика и процветает культура, общество стабильно, народ сплочен, земля прекрасна.

Это *ответственная* великая держава, которая придерживается политики мира и развития, способствует совместному развитию всех стран, вносит свой вклад в дела человечества.

Это *социалистическая* великая держава, открытая внешнему миру, обладающая привлекательностью, полная надежд и жизненных сил³.

Современная трактовка образа Китая расширилась, в прошлом ее главными атрибутами были социализм и статус крупнейшей развивающейся страны. Теперь важное место в ней занимают идеи глобальной ответственности, а также цивилизационной и социально-политической идентичности, которые не могут быть произвольным образом изменены или отброшены. Встает вопрос о том, как синтезировать эти четыре образа.

За минувшие два десятилетия Китай успешно выдержал удары двух пришедших извне волн экономической нестабильности — азиатского кризиса 1998 г. и глобального финансового кризиса 2008 г. Способность продолжить рост на фоне спада и заметного замедления в других странах повысила уверенность руководства Китая и всего народа в правильности движения по пути социализма с китайской спецификой. Китай не склонен к некритическому заимствованию иностранных рецептов и проведению необдуманных экспериментов в области реформирования политической системы. Однако он заявляет, что не намерен ни сейчас, ни в будущем навязывать свои идеи и свой путь развития другим странам, выдавая его за универсальный эталон общественного устройства. Это важ-

ное отличие Китая как великой державы от ведущих стран Запада, стремящихся переделать окружающий мир, исходя из собственных взглядов и ценностей. Китай также избегает следовать по пути СССР, предлагавшего другим странам социалистическую модель развития.

Китай сумел в ходе реформ накопить огромные экономические ресурсы и превратиться в мощное и незаменимое звено мирового хозяйства. На его долю приходится 25% ежегодного прироста мирового ВВП. Это особенно заметно при сравнении с Россией, которой пришлось реагировать на спровоцированный Западом кризис на Украине недостаточно подготовленной. В течение двух десятилетий Китай следовал стратегии, завещанной Дэн Сяопином — в мировых делах не становиться во главе, не брать в руки знамя лидера, не выставлять напоказ свои возможности. Официально опубликованное в Китае высказывание Дэн Сяопина, сделанное 28 апреля 1992 г. в беседе о проблемах развития страны, гласит: «Нам нужно работать еще годы, скрывая свои возможности, только так сможем действительно стать сравнительно крупной политической силой, весомость слова Китая в международных делах будет иной»⁴.

Ныне китайские аналитики много спорят о том, настало ли время для пересмотра этой стратегии. Слова «архитектора реформ» прозвучали более двух десятилетий назад, они не содержали формулировки неизменного долгосрочного курса. Завершились ли «годы работы», о которых говорил Дэн Сяопин? Сумел ли Китай к настоящему времени обрести достаточный политический вес и авторитет в мировых делах, чтобы прекратить «скрывать возможности»?

До середины XIX в. Китай был крупнейшей экономикой мира, однако ошибочный выбор в пользу политики самоизоляции привел империю к упадку и краху. Военное вторжение империалистических держав грозило стране порабощением, в начале XX столетия началась эпоха революций, без которых у Китая не было шансов сохранить себя в изменившейся ситуации. Теперь Китай воспринимает собственное экономическое возвышение как возвращение на позиции, утраченные два столетия назад.

После прихода к власти в ноябре 2012 г. Си Цзиньпин провозгласил идею осуществления «китайской мечты» о великом возрождении Китая. Ведущим компонентом «мечты» является цель создания «богатого и сильного государства», поставленные ориентиры развития сопряжены с грядущими столетними юбилеями КПК и КНР. Это внутренние планы, направленные на сплочение китайского народа, возвышение нравственного духа китайцев. Чтобы придать «китайской мечте» глобальное значение, руководство страны заявило о стремлении соединить ее с мечтами других стран и народов, увязать усилия по развитию Китая с созданием благ для всего мира.

В 2013 г. Си Цзиньпин предложил создать «экономический пояс Шелкового пути» и «морской Шелковый путь», способные активизировать торговлю и экономическое сотрудничество в регионе. Первый в истории «Шелковый путь» связывал Китай с Римской империей. Выдвижение этих идей в наши дни напоминает о былом процветании Китая, его могуществе и способности оказывать влияние на соседей. Китайские власти намерены выделить \$40 млрд на финансирование строительства инфраструктуры и разведку месторождений вдоль «экономического пояса Шелкового пути».

Появившиеся в зарубежных СМИ сравнения «экономического пояса Шелкового пути» с американским «планом Маршалла» для послевоенной Европы были одобрительно восприняты частью китайских экспертов. По их мнению, создание «пояса» в Центральной Азии сходным образом поможет Китаю перенести за рубеж избыточные производственные мощности, расширить рынки для сбыта своей продукции, а также обрести за вложенные в проект деньги дополнительное политическое влияние.

Но все же трактовка «плана Маршалла» как образцового плана действий крупной державы, желающей расширить свое влияние, не получила в Китае широкой поддержки. Критики указывали, что это сравнение ошибочно, поскольку США использовали «план Маршалла» для подчинения себе Европы и противодействия СССР, тогда как китайский «экономический пояс Шелкового пути» не имеет политической подоплеки и не направлен против интересов третьих стран. Европа нуждалась в краткосрочной внешней поддержке для восстановления разрушенного войной, Китай намеревается создать условия для долгосрочного экономического соразвития с соседними регионами⁵.

Китай провозглашает цели соразвития и взаимного выигрыша. Отождествление «пояса» с «планом Маршалла» невыгодно Пекину потому, что это противоречит китайскому стремлению продемонстрировать отличие своего мирного неконфликтного пути движения к статусу великой мировой державы от действий предшественников среди западных стран, добивавшихся этого силой оружия. Китай хочет, чтобы его влияние опиралось на достижения в экономике и культуре, а не на военную мощь. Подобно тому, как древний «Шелковый путь» создавал возможности для общения разных культур и народов, идущий из Китая в сторону Европы «экономический пояс» создает новые шансы для развития стран, не получивших ощутимых благ от западной модели глобализации. «Азиатско-европейский» вектор нынешнего китайского руководства и евразийский поворот России в сторону Китая и Восточноазиатского региона способны усиливать друг друга, создавая позитивный синергетический эффект. Формирование новых каналов взаимодействия в Евразии создаст благоприятные условия для диалога и взаимного обогащения культур. Российской элите надо осознать и принять этот шанс.

Китай подчеркивает, что не стремится к созданию союзнических отношений с другими государствами. Он также провозгласил, что не будет применять первым ядерное оружие. Американская идея создания тесного партнерства США и КНР в форме «большой двойки» не вызвала у китайской стороны заинтересованного отклика. У этого подхода есть давние исторические корни. Бывший посол в России Ли Фэнлинь назвал советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 г. «неравноправным» потому, что в те годы Китай оказался в положении «опекаемой» и «защищаемой» стороны. На этот подход не влияет признание бесспорного факта — двустороннее сотрудничество имело ключевое значение для политического и экономического становления только что возникшей КНР⁶.

В наши дни Китай не хочет брать на себя бремя поддержки внешней политики США, совершившей значительные ошибки в Ираке, Афганистане и Ливии, а после драматических событий на Украине приведшей к опасному кризису в отношениях между Западом и Россией. В случае создания «большой двойки» американское военное и научно-техническое превосходство заставляло бы китайскую сторону постоянно тревожиться о том, что она состоит в «неравноправном» альянсе и участвует в проведении политики, не соответствующей ее интересам. В союзнических отношениях между США и ЕС постоянно присутствуют элементы американского давления, вынуждающего европейцев принимать невыгодные для себя решения. Глядя на то, как Вашингтон командует европейской внешней политикой, Пекин приходит к выводу, что в случае создания «большой двойки» Китай утратит часть суверенитета, а США продолжат вмешиваться во внутренние дела страны и добиваться смены режима.

С другой стороны, в наши дни потенциал Китая весьма высок. Будет ли Китай и впредь отказываться от создания союзов, в которых он выступал бы как «опекун» и «защитник», памятуя о том, что такой альянс является «неравноправным» в отношении другой стороны?

Этот вопрос заставляет вспомнить давние споры по поводу оценки политики СССР в 1960–70-е гг. Китайская сторона не поняла и не поддержала интернационалистские устремления Москвы, которая была готова бескорыстно помогать странам социализма и борцам за независимость в разных уголках мира. С точки зрения Китая, это было проявление «социал-империализма», «колонимальной экспансии под видом экономической помощи», «сверхдержавного поведения брежневской клики». Эти ярлыки ушли в прошлое. Но Китаю еще предстоит определить формы и пределы собственного альтруизма в статусе ответственной мировой державы, призванной оказывать помощь и поддержку другим странам.

Китай успешно приспособился к американской модели глобализации, он не заинтересован в дроблении и кластеризации единого мирового рынка. Сохранение существующих правил игры, созданных Западом в собственных интересах, позволяет Китаю удерживать и наращивать экономическое присутствие в отдаленных регионах планеты — в Африке, Латинской Америке. В политическом отношении Китай готов негласно признать зоны влияния США, не рассматривая мир как единое целое. Очаги конфликта в Ливии, Ираке и Сирии, представляют для Китая намного меньший интерес, чем территориальные споры с соседями, возможные всплески межэтнической нестабильности в приграничных районах, обострение политических противоречий в Гонконге или на Тайване.

Известный политолог-международник из Университета Цинхуа профессор Янь Сюэтуан указывает, что в Китае спорят представители двух течений. Первое считает, что Китаю достаточно наладить отношения с США, и если со стороны американцев не будет препятствий, то никакая сила в мире не остановит возвышение Китая. Второе исходит из того, что без обретения поддержки со стороны соседей Китай не сможет осуществить возвышение, поэтому дипломатическая работа с соседними странами должна находиться на первом месте. Янь Сюэтуан придерживается второй точки зрения. Он отмечает, что пришедшая из древней китайской культуры стратагема «сближения с дальним для удара по ближнему» (*юань цзяо цзинь гун*) не может быть осуществлена в современном мире, у политики дружественного добрососедства альтернативы нет⁷.

С другой стороны, китайские аналитики осознают, что без достижения взаимопонимания и сотрудничества с США Китай не будет чувствовать себя в безопасности. Эксперты постоянно напоминают, что в прошлом накопление противоречий между новой растущей великой державой и зрелой великой державой, стремящейся сохранить свое лидерство, неоднократно приводило к войне. Китай обещает не использовать силу и не стремиться к гегемонии, однако благие намерения одной стороны не гарантируют желательного ответа от США, все больше опасаящихся последствий потери статуса мирового лидера. «Китаю нельзя не думать о том, что ему делать, если конфликт интересов с США приведет к войне? Конечно, по мере упадка США. Китай будет все больше думать о том, смогут ли США поддерживать систему. Если США потерпят провал, что тогда должен будет делать Китай?»⁸.

Оба сценария вызывают тревогу, поскольку Китай не готов ни к лобовому столкновению с мировым лидером, ни к принятию на себя роли лидера в случае самоустранения США. В 1957–1958 гг. Мао Цзэдун несколько раз говорил о том, что не нужно бояться войны, которую могут развязать западные страны. Он уверял, что даже если в результате применения ядерного оружия погибнет половина тогдашнего населения Китая — 300 из 600 млн человек — оставшиеся в живых смогут восстановить страну, империализм будет сокрушен и наступит вечный мир. Уже в те годы эти рассуждения казались современникам проявлением чрезмерного оптимизма. Повторение подобных высказываний в наши дни немыслимо, но слова Мао Цзэдуна выявили иной подход китайской

культуры к ценности человеческой жизни, другое понимание соотношения индивида с целями государства.

Новая модель отношений Китая с внешним миром должна опираться на ценности, которые смогут признать и поддержать не только соседи, но и ведущие страны. Профессор Сингапурского университета Чжэн Юннэнь полагает, что в истории происходило возвышение стран, которые находили решение, соответствующее духу эпохи. Великобритания преуспела благодаря снятию барьеров для международной торговли, США возвысились с помощью свободы и демократии, Китай способен дать новой эпохе модель мирного, открытого и всеобъемлющего развития⁹.

Проблема философской методологии политики последовательно прослеживается на основных этапах истории КНР. Мао Цзэдун неизменно считал, что в основе развития лежит закон единства и борьбы противоположностей, при этом главным двигателем развития является именно борьба противоположностей. Этот упрощенный догматический подход сформировался под влиянием сталинской трактовки диалектического материализма и сочинений о диалектике советского философа М.Б. Митина.

В процессе китаизации марксизма Мао Цзэдун сделал краеугольным камнем своей методологии принцип «раздвоения единства» (*и фэнь вэй эр*), который возник в китайской традиции много веков назад. К примеру, в комментарии «Сицы» к древней «Книге перемен» говорится о том, что лежащий в основе бытия «Великий предел» (*тайцзи*) разделяется на «два образа» — противоположные друг другу начала инь и ян. Опора на идею «раздвоения единства» помогла популяризации взглядов Мао Цзэдуна на марксистскую диалектику. С конца 1950-х годов Мао последовательно призывал своих сторонников «создавать противоречия». Десятилетие «культурной революции» (1966–1976) стало примером искусственного создания в масштабах всей страны охвативших партию и все население противоречий, которые разрешались методами насилия, запугивания, силовой борьбы.

Не было случайностью и то, что «культурной революции» предшествовала напряженная философская дискуссия 1964–1965 гг. Она была посвящена вопросу о том, как соотносится «раздвоение единства» со «слиянием двух в одно» (*хэ эр эр и*). Можно ли их понимать как две стороны закона единства и борьбы противоположностей? Или же в мире главенствуют «раздвоение» и борьба, тогда как «слияние» и единство ведут к «метафизике» и «ревизионизму»? Участники спора вспоминали о неоконфуцианском мыслителе XVII в. Фан Ичжи, который в работе «Дун си цзюнь» («Уравнение сторон») первым предложил формулу «слияние двух в одно», указывая, что все вещи соприкасаются друг с другом и образуют гармоничное единение раздвоенного. В то время господствовала идеология борьбы, поэтому сторонников «слияния» во главе с философ-марксистом Ян Сяньчжэнем объявили «врагами диалектики» и «защитниками классового примиренчества».

В конце 1970-х в преддверии реформ в Китае возникла потребность в ослаблении накала борьбы и сглаживании искусственно обостренных противоречий. Новые лидеры, пришедшие к власти после трудного переходного периода борьбы с «бандой четырех» и ортодоксальными приверженцами идей Мао, начали переосмысление уроков предыдущего периода, прежде всего разрыва и конфронтации со своим еще недавно ближайшим другом и союзником в лице СССР, а также длительной конфронтации с Западом, прежде всего с США. В этот драматический период, насыщенный глубокими теоретико-идеологическими, историческими, методологическими и политическими поисками, китайское руководство во главе с Дэн Сяопином осуществило принципиальное переосмысление опыта строительства нового общества и методологических подходов к выра-

ботке внутренней и внешней политики. Тезисы Мао Цзэдуна «политика — командная сила», «классовая борьба — ключевое звено» были отброшены, на первый план вышли задачи экономического строительства и преодоления бедности населения. Вместо идеи перманентного классового противостояния был выдвинут лозунг стабильности в обществе и прочности руководства КПК как главных условий развития и подъема страны.

Основой для выработки политики стали прагматизм и реальные интересы. Вместо прежних идеологических клише было поднято на щит прозвучавшее в 1962 г. высказывание Дэн Сяопина о кошках и мышах. В то время Китай преодолевал разрушительные последствия попытки Мао Цзэдуна ускорить развитие и обогнать западные страны с помощью «большого скачка», Дэн Сяопин призвал к восстановлению сельскохозяйственного производства с помощью расширения экономической свободы сельских дворов. Он напомнил поговорку сычуаньских крестьян — «не важно, рыжая или черная кошка, главное чтобы она ловила мышей»¹⁰.

«Рыжая кошка» превратилась в «белую кошку» на закате «культурной революции» под влиянием методологии «раздвоения единого» и борьбы противоположностей. «Перекраска» произошла по воле властей в ходе кампании критики Дэн Сяопина, когда возникла идеологическая потребность подчеркнуть его политическую неразборчивость, неспособность увидеть непримиримую противоположность империализма и социализма — «черной кошки» и «белой кошки». В годы реформ Дэн Сяопин неуклонно подчеркивал свою приверженность социализму, но при этом призывал не вводить неоправданных догматических ограничений при выборе инструментов развития страны. В частности, он трактовал план и рынок как способы регулирования экономики, а не как несовместимые друг с другом атрибуты социализма или капитализма: «Можно задействовать все, что идет на пользу развитию производительных сил. Все, что поставлено на службу социализму, является социалистическим, а все, что обслуживает капитализм — капиталистическим»¹¹.

Изменение методологических подходов руководства КПК явственно проявилось как в приоритетности решения внутренних проблем, так и в сдержанности и готовности к сотрудничеству со всеми странами. Был снят лозунг борьбы против империализма. Произошел отказ от конфронтационных подходов в отношениях с США и крупными развитыми капиталистическими странами, Китай заявил о готовности к тесному всестороннему сотрудничеству с ними. Новый подход наглядно и ярко проявился в нормализации советско-китайских отношений, а затем быстром и благоприятном развитии российско-китайских отношений, ныне достигших небывалого в истории уровня всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства. Во внутренней политике определяющее место заняли идеи примирения социальных конфликтов, их концентрированным выражением в середине 2000-х годов стал официальный лозунг «строительства социалистического гармоничного общества».

Однако сущность диалектики делает невозможными как отказ от единства противоположностей, так и полное забвение об их борьбе. В январе 2015 г. Си Цзиньпин высказался о важности изучения диалектического материализма, в частности, он призвал постигать основные принципы противоречий в движении объектов. Китайский лидер напомнил о всеобщем и объективном характере противоречий, подчеркнув, что диалектическая методология поможет в деле осознания и активного решения стоящих перед Китаем проблем. Си Цзиньпин также указал на важность умения выделять главное противоречие и главную сторону противоречия, что приведет к разрешению остальных противоречий. Именно в контексте учения о противоречии он сформулировал концепцию «четырех всесторонних» (*сы э цюаньмянь*), указывающую на основные задачи в развитии

современного Китая в их взаимосвязи. «Мы выдвинули скоординированное продвижение всестороннего завершения строительства общества малой зажиточности (*сяокан*), всестороннего углубления реформ, всесторонней опоры на закон при управлении страной, всесторонней строгости при управлении партией, это главные противоречия в нынешних делах развития партии и государства, которые нужно разрешить»¹².

Обратившись в прошлое, в эволюции методологических подходов руководства КНР можно увидеть подобие гегелевской триады. Тезисом можно считать акцент Мао Цзэдуна на борьбе противоположностей и классов. Антитезисом стал последующий акцент на стабильности и социальной гармонии, достигший апогея при Ху Цзиньтао. Взгляды Си Цзиньпина указывают на зарождение синтеза, соединяющего китайский марксизм, включая гносеологические подходы Мао Цзэдуна, и традиционное китайское наследие, исконно тяготеющее к гармонизации. В современных условиях противоречия не следует создавать искусственно, но их также не следует игнорировать, поскольку решению противоречия должно предшествовать понимание проблемы и выявление породившего ее противоречия. С этой точки зрения прозвучавший в начале 2013 г. призыв Си Цзиньпина не противопоставлять друг другу период правления Мао Цзэдуна и период реформ, видеть между ними не только различия, но и взаимосвязь, относится не только к трактовке истории, но и к методологии китайской политики.

В начальный период реформ Китай придерживался сдержанного курса во внешних делах, проводил прагматическую политику защиты собственных интересов, образно говоря, «не высывался» в критических ситуациях. Призыв «искать истину на основе фактов» помог стране отказаться от идеологических стереотипов, мешавших осуществлению преобразований. Китай сосредоточился на экономике, в глазах многих людей стремление к богатству затмило не только коммунистические, но и традиционные китайские моральные ценности. Превращение Китая в великую мировую державу требует переосмысления отношения к идеалам и этическим нормам, которые нужны не только для внутреннего сплочения, но и для повышения международного авторитета страны.

Внимание к нравственным ценностям, идеологии и культуре связано со стремлением Китая стать «духовной сверхдержавой», располагающей возможностями нематериального и несилового воздействия на мировые процессы. С выходом на первое место в мире по экономическим показателям Китай хочет превратиться в образцового носителя «нравственной силы», обладание которой было обязательным атрибутом совершенномудрого правителя в китайской традиции. В далекой древности зародилась и утвердилась уверенность в том, что Китай способен с помощью культуры влиять на поведение окружающих царств, находившихся на более низкой ступени развития. Когда Конфуций вознамерился поселиться среди варваров, его спросили: «Как можно? Ведь там грубые нравы!». Мудрец ответил: «Там, где поселится благородный муж, должны исчезнуть грубые нравы!»¹³.

Древнекитайский мыслитель Мо Ди подчеркивал роль морального примера, он полагал, что хорошее или, напротив, плохое влияние способно «окрасить» правителя царства и прослойку образованных служилых людей. Под воздействием носителей человеколюбия, справедливости и честности царство движется к благоденствию, спокойствию и безопасности. Если же образцом становятся высокомерные, самодовольные и своекорыстные персоны, это приведет к упадку, станет источником опасности и утраты репутации¹⁴.

Конфуцианский «благородный муж» и совершенномудрый у Мо Ди были идеальными проводниками культуры, способными своим примером и поучением изменить мир к лучшему. В наши дни проблема распространения своей культуры в мире в интерес-

сах укрепления международного авторитета страны является частью стратегии наращивания «мягкой силы». Китай создает по всему миру Институты Конфуция, которые через освоение китайского языка помогают иностранцам приблизиться к пониманию конфуцианской терминологии и менталитета, ключевых для китайской культуры идей «гармонии без единообразия» (*хэ эр бу тун*) и ненасильственной гармонизации конфликтов.

Идея гармонии «хэ» стала генетическим принципом китайской цивилизации, она лежит в основе заимствования иностранных идей и включения их в канву национальной культуры. В традиционном культурном контексте преодоление дисгармонии означает создание прекрасного. Си Цзиньпин подчеркивает, что гармония «хэ» обуславливает стремление современного Китая к проведению политики мира и развития. По мнению Председателя КНР, китайская нация миролюбива, потому что китайская культура поклоняется гармонии. Он указал, что китайская традиция почитания гармонии «хэ» имеет давние истоки и включает в себя несколько компонентов. Это взгляд на мироздание, исходящий из тезиса о единстве Неба-природы и человека (*тянь жэнь хэ и*); взгляд на международные дела, исходящий из идеи «гармонии десяти тысяч царств»; взгляд на общество, в котором должна быть «гармония без единообразия»; моральные воззрения гармонии и доброты человеческих сердец. Си Цзиньпин отметил, что идеалы восприятия «гармонии как драгоценности», устремленности к добру вместе с другими людьми, максимуму «чего не желаешь себе, того не делай другим людям» в Китае передавали из поколения в поколение, они крепко укоренились в духе китайцев, глубоко воплотились в их поведении¹⁵.

Упомянутые Си Цзиньпином ценностные подходы восходят к наследию раннего конфуцианства. О почитании «гармонии как драгоценности» (*хэ вэй зуй*) говорил Конфуций: «Когда используют Правила, принцип единения через разномыслие должен быть самым ценным»¹⁶. Идея совершения добра вместе с другими людьми (*юй жэнь вэй шань*) почерпнута из рассуждений Мэн-цзы: «Учиться у других делать добро — это значит помогать другим делать его. Поэтому у благородного мужа нет ничего выше, как помогать другим делать добро»¹⁷. Конфуцию принадлежит знаменитое поучение «Не делай другому человеку того, чего не пожелаешь себе» (*цзи со бу юй, у ши юй жэнь*)¹⁸. Появление этих идей в выступлении Председателя КНР указывает на повышение значения традиции в современной политической культуре, что затрагивает также сферу дипломатии.

Впервые набор программных ценностей внешней политики КНР был представлен Си Цзиньпином во время визита в Африку. Выступая в Танзании в марте 2013 г., китайский руководитель заявил, что сотрудничество Китая с Африкой будет опираться на идеи «истинности» (*чжэнь*), «практичности» (*ши*), а также «близости» (*цин*) и «искренности» (*чэн*). Этот список ценностей подчеркивал намерение Китая проводить на африканском континенте политику подлинного партнерства, приносящую реальные плоды¹⁹.

Развитием современного использования категорий традиционной китайской культуры стал провозглашенный в выступлении Си Цзиньпина на совещании по дипломатической работе с сопредельными странами в октябре 2013 г. курс «близости, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» (*цин, чэн, хуэй, жун*) в отношениях с соседями²⁰. Четыре иероглифа, обозначающие эту политику, обладают богатой смысловой палитрой, их трактовка связана с идейным наследием древнего Китая.

Близость (*цин*) означает также «родственность». В конфуцианской культуре высшая степень любви к своим родителям становилась основой всеобщей добродетели гуманности (*жэнь*) в том случае, если человек распространял чувство «цин» на всех людей и на все мироздание. Включение «близости-родственности» в число программных ориентиров во взаимоотношениях Китая с соседями подчиняется внутренней логике тра-

диционной культуры, требующей постепенного расширения сферы «цин» за рамки собственного клана и своего царства.

Искренность (*чэн*) в китайской традиции неотъемлема от доверия (*синь*), ставшего одним из моральных устоев классического конфуцианства. Применительно к внешней политике эта идея указывает на стремление практиковать искренний подход в отношениях с соседями в надежде заполучить их доверие.

Взаимная выгода (*хуэй*) в традиционной культуре была синонимом «милости» и «благоденствия», оказываемых правителем по отношению к своему народу. Ответным моральным долгом людей была преданность своему правителю.

Инклюзивность (*жуи*) в древней китайской мысли указывала на способность мудрого человека уважать многообразие вещей, несмотря на различия между ними. Данная идея соответствует современной китайской политике, утверждающей ценность разных цивилизаций и культур.

Идея «близости — родственности» (*цин*) вновь прозвучала в марте 2014 г. в речи Си Цзиньпина в честь 50-летия установления дипотношений между Китаем и Францией. Вспомнив пророчество Наполеона «Китай — это спящий лев, и когда он проснется, содрогнется мир», Председатель КНР заметил: «Китайский лев уже проснулся, но это мирный, способный быть близким (*кэ цинь дэ*), цивилизованный лев»²¹. Эти слова были произнесены в стране, которая не принадлежит ни к кругу соседей Китая, ни к числу его африканских друзей. Очевидно, что идея «близости» становится одним из ключевых компонентов политики превращения Китая во влиятельную крупную державу современного мира.

В традиционной китайской культуре моральная категория «родственности» предполагает взаимное отношение двух сторон — младшие отвечают на заботу старших своей любовью и преданностью. Современный Китай хочет быть «близким» и даже «родственным», но при этом не желает приближаться ни к одной стране до степени заключения союза. Альтернативой становится конструирование Китаем политики прагматического альтруизма, выраженной в августе 2014 г. в выступлении Си Цзиньпина в Монголии. Председатель КНР сообщил, что Китай намерен предоставить сопредельным государствам шанс и пространство для совместного развития: «Приглашаем всех на поезд китайского развития, садитесь на [наш] экспресс, садитесь на [нашу] попутную машину, мы приглашаем всех, именно об этом говорится: “Одному можно ехать быстро, вместе можно уехать далеко”»²².

Достигнутый уровень развития позволяет Китаю отказаться от прежнего стремления к максимизации прибыли в экономическом взаимодействии с внешним миром, переходя к сопряжению экономических интересов с политическими и дипломатическими целями. Провозглашенная китайским руководством идея установления сбалансированного «взгляда на долг и выгоду» (*и ли гуань*) выглядит новаторской, однако ее корни восходят к раннему конфуцианству, благодаря которому в китайской культуре сформировалось основополагающее противопоставление морально справедливого «долга» низменному стремлению к «выгоде». На этой культурной основе политика заботы об интересах других стран и поддержка их развития превращается в подобие поведения конфуцианского «благородного мужа», готового жертвовать выгодой во имя гуманности и справедливости. Наличие прочного ценностного фундамента способно превратить китайскую политику международного экономического сотрудничества в атрибут поведения влиятельной великой державы, формирующей и реализующей на практике идею «общности судьбы» с сопредельными странами.

За минувшее столетие Китай прошел путь критического переосмысления собственной культуры и широкомасштабного заимствования иностранных идей, включая марксизм. Активные усилия по строительству рыночной экономики и участию в процессах глобализации не подорвали позиции китайской культуры, хотя и поколебали стержень самоидентичности части китайской молодежи и деловой элиты.

Превращение в великую державу современного мира требует от Китая укрепления собственной культурной идентичности, иначе в процессе овладения материальными достижениями западной цивилизации страна рискует превратиться в ее адепта и безликий придаток. Неизбежным последствием утраты культурных устоев станет также потеря инициативы в политической сфере. Китай совершенствует опыт ассимиляции иностранных культур, однако для превращения западного в китайское необходимо сохранение и унаследование китайского ядра цивилизации. Традиционная культура становится незаменимым компонентом стратегии превращения Китая во влиятельную глобальную державу современного мира.

1. Китай — крупнейшая экономика мира, официально. 09.10.2014. URL: <http://rbcdaily.ru/economy/562949992588541> (проверено 19 апреля 2015).
2. Си Цзиньпин чуси Чжунъян вайши гуңцзо хуэйи бин фабяо чжунъяо цзянхуа [Си Цзиньпин принял участие в Центральном совещании по внешнеполитической работе и выступил с важной речью] // «Синьхуаван». 21.11.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (проверено 19 апреля 2015).
3. Си Цзиньпин цзай Чжунгун чжунъян чжэньцзюй ди шиэр цы цзити сюэси цяндяо цзяньшэ шэуэйчжун вэньхуа цянго чжюли тигао гоцзя вэньхуа жуаньшили [Си Цзиньпин на 12-й коллективной учебе Политбюро ЦК КПК подчеркнул: строить сильное государство социалистической культуры, сосредоточить усилия на повышении мягкой силы культуры государства] // Жэньминь жибао. 2014. 1 янв.
4. Дэн Сяопин няньпу (1975–1997 нянь) [Погодичная биография Дэн Сяопина (1975–1997 годы)] / Ред. Лэн Жун, Ван Цзоли. Пекин: Чжунъян вэньсян чубаньшэ, 2004. Т. 2. С. 1346. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/41038/11299520.html> (проверено 19 апр. 2015).
5. Лю Ин. «И дай и лу» чжаньлюэ бу ши Чжунго бань «Масээр цзихуа» [Стратегия «одного пояса и одного пути» не является китайским вариантом «Плана Маршалла»]. 09.01.2015. URL: <http://rdcy-sf.ruc.edu.cn/displaynews.php?id=9561> (проверено 19 апр. 2015).
6. Ли Фэнлин. Из истории китайско-советских отношений (1917–1991) // Пробл. Дальнего Востока. 2008. № 3. С. 164–173.
7. Янь Сюэтин. Чжунго вайцзяо «чжоубянь» би Мэйго гэн чжунъяо [В китайской дипломатии «определьное» важнее, чем США] // Гуаньчачжэ ван. 13.01.2015. URL: http://www.qsttheory.cn/politics/2015-01/13/c_1113977501.htm (проверено 18 апр. 2015).
8. Бао Шэнган. Чжунго вайцзяо чжэньцзэ жухэ инсян шицзе [Как влияет на мир китайская внешняя политика] // Цюшиван. 13.01.2015. URL: http://www.qsttheory.cn/laigao/2015-01/13/c_1113982609.htm (проверено 18 апр. 2015).
9. Чжэнь Юнъянь. Си Цзиньпин дэ шицзе буцзюй ши гэ дашоуби [Картина мира Си Цзиньпина является произведением мастера] // Данцзяньван вэйсинь пинтай. 09.01.2015. URL: http://www.qsttheory.cn/politics/2015-01/09/c_1113942120.htm (проверено 19 апр. 2015).
10. Во время встречи Дэн Сяопина с участниками пленума ЦК КСМК 7 июля 1962 г. поговорка о кошках и мышах появилась со ссылкой на известного военачальника и политического деятеля Лю Бочэна: «Товарищ Лю Бочэн частенько прибегал к сычуаньской поговорке: «Какая бы ни была кошка — рыжая или черная, умест мышей ловить, значит, хорошая». Говорил он это по поводу боевых операций. Мы смогли победить Чан Кайши именно потому, что воевали не по старым шаблонам, не старыми способами, а в любом случае исходили из реальной обстановки, в счет шло только умение выиграть сражение» (Дэн Сяопин. Избранное. Т. 1 (1938–1965). Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1994. С. 410).

11. *Дэн Сяопин*. Избранное. Т. 3 (1982–1992). Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1994. С. 259.
12. Си Цзиньпин цзай Чжунгун чжуньян чжэнчжицзюй ди эрши цы цзити сюэси цяндяо цзяньчи юньюн бяньчжэн вэйчжун шицзегуань фанфалунь тигао цзецзюэ вого гайгэ фачжань цзибэнь вэньти бэньлин [Си Цзиньпин на 20-й коллективной учебе Политбюро ЦК КПК подчеркнул: придерживаться использования мировоззрения и методологии диалектического материализма, повышать навыки решения основных вопросов реформ и развития нашей страны] // Синьхуаван. 24.01.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-01/24/c_1114116751.htm (проверено 19 апр. 2015).
13. Лунь юй IX, 14 / Пер. Переломов Л.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 189.
14. *Титаренко М.* Древнекитайский философ Мо Ди (V в. до н.э.) о мудром управлении страной: Пер. из кн. «Мо-цзы» (свиток 1-й) // Пробл. Дальнего Востока. 2014 № 2. С. 20–21.
15. Си Цзиньпин цзай Чжунго гоцзи юхао дахуэй цзи Чжунго жэньминь дуйвай юхао сехуэй чэнли 60 чжоуньян цзиньян ходун шан дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на Китайской конференции международной дружбы в честь 60-летия создания Китайского народного общества дружбы с заграницей]. «Синьхуаван» 15.05.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-05/15/c_1110712488.htm (проверено 19 апр. 2015).
16. Лунь юй I, 12 / Пер. Переломов Л.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 160.
17. Мэн-цзы IIА, 8 / Пер. Попов П.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 278.
18. Лунь юй XII, 2 / Пер. Переломов Л.С. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. РАН, 2004. С. 200.
19. *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2014. С. 409–420.
20. Там же. С. 400–406.
21. Си Цзиньпин цзай Чжун Фа цзяньцзяо 50 чжоуньян цзиньян дахуэй шан дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на собрании в честь 50-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Францией] // Синьхуаван. 28.03.2014. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0328/c1024-24759418.html> (проверено 19 апр. 2015).
22. Си Цзиньпин цзай Мэнгуто гоцзя дахулаэр дэ яньцзян [Выступление Си Цзиньпина в Великом государственном хурале Монголии] // Синьхуаван. 22.08.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-08/22/c_1112195359.htm (проверено 19 апр. 2015).

Внешняя политика Японии в 2015 году: куда пойдет перезагрузка?*

© 2015

В. Кистанов

В 2015 г. премьер-министру Японии Синдзо Абэ предстоит решить ряд трудных задач по улучшению отношений с азиатскими соседями. Их решение осложняется попытками Абэ пересмотреть оценки японской агрессии в Азии в середине прошлого века. Одним из главных направлений внешнеполитического курса Токно станет укрепление военно-политического союза с США, повышения значимости военного фактора во внешней политике страны.

Ключевые слова: *Синдзо Абэ, Вторая мировая война, территориальные споры, «женщины комфорта», Силы самообороны, активный пацифизм.*

Премьер-министр укрепляет позиции

В 2015 г. премьер-министру Синдзо Абэ предстоит выработать собственное видение глобально ориентированной дипломатической стратегии Японии. Правившая в 2009–2012 гг. Демократическая партия Японии, по его мнению, эту стратегию провалила. Однако несмотря на бурную внешнеполитическую активность японского премьера, вряд ли можно говорить, что за два года пребывания у власти сам он добился впечатляющих успехов на международной арене. Абэ и дальше придется на деле доказывать свою способность проводить эффективный внешнеполитический курс. При этом опорой его будет весьма прочный внутривнутриполитический фундамент громких побед возглавляемой им Либерально-демократической партии на трех последних парламентских выборах.

Разброд и шатания в стане оппозиции дают основание прогнозировать, что, в отличие от своего предшественника в кресле лидера государства в 2006–2007 гг., на этот раз Абэ продержится в нем, как минимум, до 2018 г., когда должны состояться очередные выборы в нижнюю палату парламента. При условии, конечно, что в этот период не произойдет ничего чрезвычайного, например, краха его экономического курса под названием «абэномика», который уже начал пробуксовывать.

Несомненно, что двумя взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу ключевыми задачами внешней политики Абэ в наступившем году является улучшение натянутых отношений со всеми азиатскими соседями (включая Россию), с одной стороны, и усиление военно-политических связей с Соединенными Штатами Америки — с другой. Успешное решение именно этих задач во многом будет определять глобальное позиционирование страны на международной арене на обозримую перспективу.

Кистанов Валерий Олегович, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН, доктор исторических наук, кандидат экономических наук. E-mail: v_kistanov@list.ru.

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 14–27–09001 (тема исследования: «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии»).

Однако их решение серьезно осложняется попытками правоконсервативных кругов Японии пересмотреть оценки японской агрессии в Азии в первой половине прошлого века, что вызывает особое неприятие в соседних странах (и даже в США) в год, когда отмечается 70-я годовщина окончания Второй мировой войны. Важным фактором, корректирующим внешнюю политику Абэ в сторону усиления в ней военного фактора, явилась казнь японских заложников экстремистами Исламского государства в начале этого года.

Оценка Абэ военного прошлого Японии — шаг назад?

Учитывая критику во многих странах наметившейся тенденции к пересмотру в Японии оценок ее прошлой агрессии на материке, Абэ еще на январской пресс-конференции высказал намерение выступить 15 августа, в день объявления императором Хирохито по радио о капитуляции Японии, с заявлением по поводу 70-й годовщины окончания Второй мировой войны. По словам Абэ, заявление «должно продемонстрировать миру ясное намерение Японии и далее осуществлять международный вклад» стремлением его администрации к «активному пацифизму»¹. Однако в стране уже высказываются опасения по поводу содержания этого заявления. Как пишет газета Japan Times, заявленное Абэ намерение сделать в нем упор на будущее не должен стать попыткой размыть ответственность Японии за ее прошлое поведение. Ему необходимо взвесить потенциальные дипломатические последствия планируемого заявления, особенно для напряженных связей с Китаем и Южной Кореей².

Конкретизируя свои намерения, японский премьер-министр пояснил, что его администрация привержена позиции предыдущих кабинетов министров относительно истории войны. И новое заявление будет содержать раскаяние Японии по поводу нее, упор на послевоенное мирное развитие страны и на ее вклад в дело мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире³.

В то же время ссылка нынешнего главы японского правительства на заявление бывшего премьера Мураямы заставляет газету вспомнить сомнения, которые Абэ однажды высказал по поводу текста этого заявления. Как бы отмежевываясь от «глубокого раскаяния и искренних извинений» за «агрессию и колониальное правление» Японии в странах Азии, высказанных социалистом Мураямой, Абэ заявил в 2013 г. в парламенте, что его администрация «не наследует заявление Мураямы как оно есть» и что дефиниция «агрессии» еще не установлена «ни в академических, ни в международных терминах»⁴.

Издание указывает и на то, что после возвращения на высший государственный пост Абэ избегал ссылок на покаяния своих предшественников на официальных церемониях скорби по японцам, погибшим на войне. У японских комментаторов вызывает также тревогу высказывание Абэ на январской пресс-конференции о том, что он принимает заявление Мураямы лишь «в целом». Как предупреждает Japan Times, шаг назад от этого заявления определенно усилит критику в Китае и Южной Корее и нанесет еще больший ущерб отношениям с двумя этими странами⁵.

Рупор японских деловых кругов, газета Nikkei также обеспокоена по этому поводу. В статье «Противоречивая речь, с которой Абэ еще не выступил» издание пишет, что в ней Абэ может захотеть подчеркнуть будущее, однако США, Китай и Южная Корея имеют собственные идеи о том, что ему следует сказать в связи с 70-й годовщиной капитуляции Японии во Второй мировой войне⁶. Газета подчёркивает, что Вашингтон, обеспокоенный историческими обидами на Японию ее восточноазиатских соседей, подталкивает Абэ к сохранению приверженности прошлым японским декларациям с раскаяниями за колонизацию Кореи и вторжение в Китай, поскольку эти обиды мешают США проводить политику сдерживания Китая.

По поводу возможности негативного влияния на отношения с зарубежными странами планируемого на август выступления японского премьер-министра тревожится и влиятельная газета «Асахи симбун», опубликовавшая статью под заголовком «Иностранные правительства сфокусировались на деталях заявления Абэ в связи с годовщиной войны»⁷. Она обращает внимание, что Коммунистическая партия Китая объявила 2015 г. годом «70-летия Победы в войне против фашизма».

В то же время, по сведениям Nikkei, многие депутаты парламента, близкие к Абэ, говорят, что он не собирается превращать планируемое на август заявление в извинение перед Китаем или Южной Кореей, поскольку сам находится под давлением у себя в стране: демонстрация чрезмерного почтения к Пекину или Сеулу может подорвать его консервативную базу⁸. Очевидно, что именно в этих столицах будут пристальнее других следить за словами и делами Абэ в наступившем году.

Япония — Китай: лед тронулся?

На пресс-конференции в Пекине 6 января с.г. представитель МИД КНР заявил: «Мы будем обращать внимание на характер сигналов и позицию в отношении иностранных государств, занятую правительством Японии и ее лидерами в этом году, принимая во внимание историю ее милитаристской агрессии». Он также выразил надежду, что Япония сохранит приверженность сделанным ранее оценкам исторических проблем⁹.

Именно расхождения в оценках японской агрессивной войны против Китая явились в последние годы одной из базовых причин нарастания «толстого слоя льда» в отношениях между Токио и Пекином. Другим источником ледяного похолодания является конфликт вокруг небольшой гряды расположенных в Восточно-Китайском море островов Сенкаку (по-китайски Дяоюйдао). В настоящее время они контролируются Японией, которая отвергает настойчивые притязания на них Пекина, утверждая, что территориального спора в отношениях между Японией и КНР вообще не существует. Китай, со своей стороны, демонстрируя серьезность намерений вернуть спорные острова под свой суверенитет, в последнее время регулярно направляет в их район свои гражданские и военные суда и самолеты.

Все это создает опасность возникновения чрезвычайной ситуации в случае неспровоцированного военного столкновения двух стран, особенно в свете обещания Абэ в момент его повторного прихода к власти — твердо отстаивать территориальные и другие интересы страны в отношениях с соседними государствами. С тех пор в двух своих новогодних посланиях японский премьер выражал твердую решимость защищать территорию Японии на фоне нарастания наступательной деятельности Китая вокруг спорных островов.

Правда, в послании 2015 г. Абэ этой темы не коснулся. Есть и другие сигналы, свидетельствующие о возможном потеплении японо-китайских отношений. Так, накануне саммита АТЭС в Пекине в ноябре прошлого года было опубликовано примирительное двустороннее заявление, проложившее дорогу к неформальной, мимолетной встрече лидеров двух стран на полях этого саммита. А в начавшемся году была достигнута договоренность о начале переговоров по поводу установления «горячей линии» между японскими и китайскими военными с целью снизить риск возникновения вооруженного столкновения между двумя странами.

Абэ и Си Цзиньпин во время их первой с момента прихода к власти встречи согласились работать в направлении снижения напряженности вокруг Сенкаку. Однако вскоре произошел очередной всплеск японо-китайского морского противостояния в связи с направлением в территориальные воды Японии большого числа китайских судов—

добытчиков кораллов. А в январе правительство Японии запросило у парламента рекордную сумму военных расходов в 4,98 трлн иен.

Японские эксперты не скрывают, что львиная доля их будет потрачена на реформирование Сил самообороны, вызванное напряженностью вокруг спорных островов, а также возросшей активностью вокруг Японии китайских ВВС и ВМС. Эта тенденция сохранится и на обозримую перспективу. Так, в период 2014–2019 гг. правительство планирует потратить 24,7 трлн иен на закупку беспилотников, подводных лодок, истребителей и автомобилей-амфибий. Эти намерения, утверждают эксперты, отражают сдвиг острия военной стратегии страны с Севера (России) в сторону Юга и Запада (Китая).

В то же время критики Абэ внутри Японии указывают, что укрепление мощи вооруженных сил выражает его стремление «сбросить оковы» так называемого послевоенного пацифизма. В течение двух лет своего правления японский премьер без устали совершал зарубежные вояжи, в том числе по странам Юго-Восточной Азии, в целях сколачивания антикитайской коалиции.

Понятно, что неприкрытый курс администрации Абэ на сдерживание Китая вызывает соответствующую реакцию в Пекине, где бьют во все колокола по поводу опасности возрождения японского милитаризма, вспоминая ужасы прошлой японской агрессии на материке, указывая на рост национализма в Японии и усиливающиеся сдвиги вправо в ее внутренней и внешней политике. Очевидно, что в наступившем году 70-летия окончания Второй мировой войны критика Японии в Китае значительно усилится. При этом японцев особенно беспокоит договоренность лидеров КНР и России провести совместные мероприятия по поводу этой годовщины, в которых они усматривают антияпонский подтекст.

Японские СМИ не остаются в долгу при описаниях «китайской угрозы». Отражением растущей неприязни к Китаю в Японии служат результаты опроса общественного мнения, проведенного ее кабинетом министров в октябре 2014 г. Он выявил, что 80% японцев не питают дружественных чувств в отношении соседней страны¹⁰. Словом, несмотря на появившиеся в конце прошлого года обнадеживающие признаки потепления в отношениях Японии и Китая, накопившийся между ними «толстый слой льда» растает еще не скоро.

Япония — Южная Корея: пока без света в конце тоннеля

Правительство Южной Кореи также моментально отреагировало на известие о предстоящей в августе речи премьер-министра Абэ. Представитель южнокорейского МИДа на пресс-конференции выразил надежду, что «правительство Японии сохранит приверженность заявлениям, сделанным предыдущими японскими администрациями, предпримет искренние действия, базирующиеся на правильных взглядах на историю и тем самым получит доверие от соседних с ней стран и всего остального международного сообщества»¹¹. Это заявление имеет особое значение в свете того факта, что Южная Корея отмечает в этом году 70-ю годовщину освобождения от японского колониального правления и 50-ю годовщину нормализации отношений с Японией.

В отношениях между Японией и Южной Кореей прочно засели две болезненные «занозы». Одна — это территориальный спор вокруг группки необитаемых островков (по существу, скал), которые в Японии называют «Такэсима», а в Южной Корее «Токто». Островки в настоящее время контролируются южнокорейцами, которые с порога отвергают всякие претензии на них со стороны Японии. Непримируемость позиций Токио и Сеула по поводу суверенитета над ними дает основание полагать, что решение этого территориального спора находится вне пределов видимости, если возможно вообще.

Другой непреходящей болевой точкой в отношениях двух стран является проблема так называемых женщин комфорта — кореянок, которых, как и других азиаток, насильно заставляли предоставлять сексуальные услуги японским солдатам во время оккупации японской армией ряда стран Восточной Азии. Южная Корея, в которой до сих пор остались в живых несколько десятков таких женщин, требует, чтобы Япония решила проблему, принесла извинения и выплатив им материальную компенсацию. В Токио считают, что проблема компенсации была решена в соответствии с соглашением 1965 г. о нормализации отношений между двумя странами.

Южных корейцев особенно возмущают попытки некоторых высокопоставленных японских деятелей и экспертов пересмотреть заявление от 1993 г. тогдашнего генерального секретаря кабинета министров Ёхэя Коно, которое содержит извинение за вышеупомянутых «женщин комфорта». Именно указанные «занозы» лежат в основе категорического отказа лидеров Южной Кореи от официальных встреч с Абэ на высшем уровне с момента возвращения последнего на пост премьер-министра в 2012 г., несмотря на все попытки японской стороны такую встречу организовать.

На новогодней пресс-конференции президент Южной Кореи Пак Кын Хе сказала, что она открыта для саммита с Абэ, но для того, чтобы он был «успешным и значимым», нужна подходящая атмосфера,¹² и в очередной раз призвала Японию изменить свои взгляды на историю. Президент повторила требование решить проблему «женщин комфорта», подчеркнув, что жертвы — пожилые женщины, проблема может остаться нерешенной и ляжет тяжелым грузом не только на отношения между Южной Кореей и Японией, но и на саму Японию¹³.

Тревожным звонком для японских политиков должна была также прозвучать высказанная Пак Кын Хе на январской пресс-конференции надежда на проведение в этом году двумя Кореями совместных мероприятий в ознаменование 70-й годовщины независимости Кореи от колониального правления Японии. Она выразила готовность встретиться с лидером КНДР Ким Чен Ыном, хотя при этом Токио и Сеул под руководством Вашингтона держат совместный твердый курс на ликвидацию так называемой ракетно-ядерной угрозы со стороны Пхеньяна, а в конечном итоге и самого северокорейского режима.

Япония — КНДР: недипломатичные торги в отсутствие дипломатических отношений

Япония — наиболее жесткий сторонник международных экономических санкций в отношении КНДР, преследующих цель отказа правительства Северной Кореи от своего ракетно-ядерного потенциала. Она активно участвует в торге по формуле «экономическая помощь и военно-политические послабления в обмен на сворачивание указанного потенциала».

Но это — отдаленная стратегическая цель с неясными перспективами, а пока в отношениях с Северной Кореей Токио пытается решать прагматическую задачу, прибегая к методу кнута и пряника, который в главном внешнеполитическом документе страны — «Голубой книге по дипломатии» — получил название «политики диалога и давления»¹⁴.

Речь идет о решении так называемой проблемы похищенных — японцев, выкраденных северокорейскими спецслужбами и переправленных в Северную Корею с целью обучения японскому языку северокорейских разведчиков-нелегалов для работы в Японии в 1970–1980-х годах. С начала текущего столетия между Токио и Пхеньяном развернулся своеобразный торг, в ходе которого Япония требует возвращения на родину оставшихся

в живых соотечественников и прояснения судьбы остальных. Как постулирует упомянутая «Голубая книга», нормализация отношений с Северной Кореей никогда не сможет быть достигнута без решения проблемы похищенных¹⁵. При этом японское общественное мнение внимательно следит за продвижением властей к указанной цели, от успехов на пути к которой существенно зависит рейтинг любой администрации Японии.

Пхеньян, со своей стороны, учитывая, что судьба похищенных японских граждан приобрела в Японии характер национальной идеи, умело пользуется этим для того, чтобы вытянуть из Токио очередные экономические и политические уступки и выгоды. Отмечаемое в последнее время смягчение позиции северокорейского руководства по проблеме похищенных японцев объясняется и некоторым охлаждением его отношений с руководством КНДР после казни в декабре 2013 г. Чан Со Тхэка — высокопоставленного партийного и государственного деятеля, являвшегося родственником Ким Чен Ына.

Таким образом, ракетно-ядерная проблема и вопрос о похищенных являются двумя сторонами медали в японской политике в отношении КНДР. Однако стремление Токио выдвинуть на первый план именно вторую проблему вряд ли можно назвать конструктивным. Попытки Японии в прошлом десятилетии увязывать прогресс на шестисторонних переговорах по проблеме ядерного оружия на Корейском полуострове с уступками северокорейского руководства в деле похищенных подвергались критике со стороны других их участников.

В торге с КНДР по этому делу Япония в последнее время проявляет готовность идти так далеко, что Вашингтон и Сеул опасаются, как бы действия Токио не нарушили единый фронт США, Южной Кореи и Японии на торгах по поводу ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна. Наступивший год покажет, сможет ли администрация Абэ добиться хотя бы промежуточных успехов в нормализации отношений с таким труднопредсказуемым соседом, как КНДР, от которого, как утверждают японские политики, исходит главная (ракетно-ядерная) угроза безопасности Японии.

Япония и США: военный союз укрепится, а экономическое партнерство под вопросом

Желание ряда японских политиков и политологов пересмотреть историю японской агрессии на материке вызывает нескрываемую настороженность даже у ближайшего и единственного военного союзника Японии — Соединенных Штатов. На пресс-конференции 5 января с.г. представитель Госдепартамента Джен Псаки, отвечая на вопрос относительно намерений Абэ следовать позиции предыдущих кабинетов министров по признанию фактов истории, заявила: «Наш взгляд заключается в том, что извинения, принесенные предыдущим премьер-министром Мураямой и бывшим генеральным секретарём кабинета министров Коно, являются важными главами в усилиях Японии по улучшению отношений с ее соседями»¹⁶.

Хотя администрация Обамы подчеркивает важность союза США с Японией, она также выразила тревогу по поводу негативного эффекта исторических признаний, сделанных близкими к Абэ деятелями¹⁷. Более всего американские официальные лица обеспокоены отрицательными последствиями для США напряжённых отношений между Японией и Южной Кореей — двумя важнейшими союзниками Америки в Восточной Азии, особенно в свете провозглашенного администрацией Обамы «поворота в сторону Азии» во внешнеполитической стратегии США. Несомненно, что неприятие в этой стране попыток Японии пересмотреть оценки войны на Тихом океане мотивировано также памятью о Перл-Харборе и жестоком обращении с американцами в японском плену.

Тем не менее, следует полностью исключить возможность того, что исторические новации японских политиков относительно прошлой агрессии Японии в Азии подорвут основы японо-американского военного союза. Более того, в последнее время происходит его количественное и качественное совершенствование. Курс на дальнейшее укрепление военного альянса с США японские стратеги объясняют осложнением международной обстановки в районах вокруг Японии вследствие возрастания двух главных угроз безопасности страны — со стороны Северной Кореи и Китая.

Под этим предлогом Токио и Вашингтон намерены в 2015 г. обновить основные направления военного сотрудничества, которые не пересматривались с 1997 г. Судя по всему, обновление пойдет по линии повышения роли Японии в военном союзе двух стран и увеличения военных обязательств на международной арене. Прежде всего, оно будет учитывать свежую интерпретацию конституционного права Японии на коллективную самооборону, принятую кабинетом министров страны в июле прошлого года.

В соответствии с новой трактовкой, Япония сможет в определенных ситуациях (каких конкретно — еще предстоит уточнить) приходить на помощь военным кораблям США в случае атаки на них противника в районах, далеких от японского архипелага. Или, как вариант, сбивать северокорейские баллистические ракеты с ядерными боеголовками, если таковые будут запущены в сторону тех же США.

Очевидно, что предстоящее укрепление военного сотрудничества Японии и США предполагает усиление двустороннего взаимодействия в сфере ПРО в Восточной Азии. Это вызывает беспокойство не только в Пхеньяне, но в Пекине и Москве, поскольку свидетельствует о создании глобальной американской ПРО.

В отличие от военного сотрудничества Токио и Вашингтону никак не удастся достичь взаимопонимания относительно экономического партнерства в АТР. Камнем преткновения являются условия присоединения Японии к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) — блоку из 12 стран, на который будет приходиться 40% мирового ВВП. Его США формируют «под себя», не в последнюю очередь с целью экономического сдерживания Китая. Именно разногласия между Токио и Вашингтоном стали крупнейшим препятствием на пути к успешному завершению переговоров по ТТП в целом, конечная цель которых — полная ликвидация торговых тарифов их участниками. Главным предметом японо-американских расхождений на начало 2015 г. являются импортные тарифы Японии на сельскохозяйственную продукцию и тарифы США на автомобили.

В настоящий момент ни одна из сторон не готова идти на отмену указанных тарифов по внутривнутриполитическим соображениям. В Японии это нанесет сильный удар по неконкурентоспособному сельскому хозяйству и подорвет электоральную базу правящей Либерально-демократической партии. Правительство хотело бы достичь соглашения с США в текущем году, до намеченных на 2016 г. выборов в верхнюю палату парламента. В США, где против отмены тарифов выступает мощное автомобильное лобби, также опасаются критики демократической администрации Обамы со стороны республиканцев на президентских выборах 2016 г. За 2014 г. позиции Японии и США на переговорах по ТТП сблизить не удалось.

Япония — Россия: политические зигзаги на фоне экономических квазисанкций

Подходы японских лидеров к оценкам Второй мировой войны и роли в ней Японии не могут не приниматься во внимание российским руководством при выстраивании отношений с этой страной. Так, в ответе официального представителя МИД России А.К.Лукашевича от 7 июля 2014 г. на вопрос СМИ относительно принятого японским

правительством решения об отказе от самоограничений в оборонной сфере говорится, что в России будут внимательно следить за действиями кабинета С.Абэ, в том числе в рамках объявленной им в декабре 2013 г. концепции «активного пацифизма». Кроме того, были приняты во внимание расчеты стран-соседей Японии на то, что она в полном объеме будет признавать итоги Второй мировой войны, не допускать попыток обелить преступления японского милитаризма¹⁸.

Наряду с этим Россия направила премьер-министру Синдзо Абэ приглашение принять участие в мае 2015 г. в церемонии в Москве по случаю 70-й годовщины Победы над нацистской Германией во Второй мировой войне. Однако в свете продолжающихся санкций Японии в отношении Москвы в связи с кризисом на Украине поездка не состоялась¹⁹.

Исключительно резкая реакция Токио на визит в ноябре 2010 г. тогдашнего президента РФ Д. Медведева на остров Кунашир, входящий в число оспариваемых Японией южнокурильских островов, обрушила отношения между Россией и Японией фактически до самого низкого уровня за весь постсоветский период. Однако заявление В. Путина накануне его возвращения на пост Президента РФ весной 2012 г. о необходимости искать взаимоприемлемое решение территориального вопроса очень обнадежило японскую сторону. Последовавшее улучшение атмосферы в двусторонних отношениях вылилось в договоренность об официальном визите российского президента в Японию в конце 2014 г.

В связи с событиями на Украине и введением санкций Токио в отношении России японская сторона сделала ряд непоследовательных заявлений относительно указанного визита, породивших сомнения в готовности Абэ принять тогда Путина. Ситуация прояснилась, когда Путин и Абэ в ходе личной встречи на полях саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. договорились все же осуществить визит в 2015 г.

Судя по всему, российское руководство приняло решение о продолжении политических контактов с Японией, в том числе на высшем уровне, принимая во внимание то обстоятельство, что ее экономические санкции не наносят реального ущерба России и являются лишь попыткой Токио найти сбалансированную позицию в своих отношениях с Москвой и Вашингтоном. Со своей стороны, Москва заинтересована в поддержании нормальных отношений со своим дальневосточным соседом и третьей экономикой мира в условиях чувствительных экономических санкций Запада.

Можно полагать, что визит, если он все же состоится, поможет сохранить тот позитив в российско-японских отношениях, который был накоплен с момента официального посещения японским премьер-министром России в апреле 2013 г. во многом благодаря налаженным личным отношениям Путина и Абэ. Для японского лидера это особенно важно в условиях неспадающей конфронтации Японии с остальными соседями по Северо-Восточной Азии.

Думается, однако, что японской стороне вряд ли стоит рассчитывать на получение в том или ином виде южных Курил, на которые она претендует, особенно в годовщину окончания Второй мировой войны, по итогам которой указанные острова на международно-правовых основаниях перешли к СССР и унаследованы Россией.

Драма с заложниками как катализатор военной политики

Возвратившись на пост премьер-министра в декабре 2012 г., Синдзо Абэ заявил, что во внешней политике он будет реализовывать концепцию «активного пацифизма». Однако, как представляется, к настоящему моменту эта концепция не получила четкого и конкретного наполнения и носит весьма расплывчатый характер. В частности, в «Голубой книге по дипломатии» за 2014 г. говорится, что с момента окончания Второй миро-

вой войны Япония последовательно шла по пути миролюбивого государства и добилась доверия международного сообщества. Опираясь на этот путь, подчеркивается в документе, она, как «активный сторонник дела мира», на основе принципа международного сотрудничества будет более тесно кооперироваться с ее союзником и партнером Соединенными Штатами, а также с другими странами в обеспечении мира, стабильности и процветания международного сообщества, в то же время обеспечивая собственную безопасность, а также мир и стабильность Азиатско-Тихоокеанского региона²⁰.

В декабре 2013 г. Япония приняла первую в своей истории Стратегию национальной безопасности (National Security Strategy), которая определяет базовую политику в сфере дипломатии и обороны с точки зрения национальной безопасности и олицетворяет так называемый активный вклад в дело мира²¹.

Однако, судя по всему, указанное определение внешнеполитического курса Японии больше носит пропагандистский характер. Оно преследует цель создания ее «миролюбивого имиджа» в условиях обострения отношений с соседними странами, усиления их тревоги по поводу намерений администрации Абэ пересмотреть оценки японской агрессии в Азии в прошлом веке и проводить более жесткий курс на международной арене.

Жесткая казнь двух граждан Японии боевиками Исламского государства в начале 2015 г. вынудила Абэ конкретизировать свою концепцию. Однако эта конкретизация выявила парадокс: реализация пацифистской концепции на практике предусматривает более активное задействование вооруженных сил страны.

Сразу после размещения в Интернете видеозаписи обезглавливания двух японцев экстремистами Исламского государства Абэ сказал на заседании Бюджетного комитета верхней палаты парламента, что хочет обсудить возможность предоставления Силам самообороны мандата на эвакуацию граждан Японии из кризисных регионов за рубежом. Японский премьер-министр уже давно выступает за то, чтобы Силы самообороны играли важную роль в защите соотечественников за рубежом, для чего требуется ликвидация законодательных ограничений на их операции.

Абэ намерен представить парламенту новые проекты законов, имеющих отношение к безопасности. Возможно, один из них будет предусматривать разрешение Силам самообороны разворачивать свои подразделения в целях спасения японских граждан за рубежом в чрезвычайных ситуациях. Это дало бы возможность японским вооруженным силам действовать в иностранных государствах с их согласия. В стране уже ведутся разговоры о создании элитного подразделения «коммандос», подобного американским «морским котикам». Однако намерения Абэ вызывают критику со стороны либеральных пацифистов Японии. Эксперты утверждают, что направление персонала Сил самообороны с подобной миссией спасения заложников увеличило бы вероятность вовлечения Японии в войну.

Запланированные законопроекты о безопасности предусматривают также законодательное оформление противоречивого решения о новой интерпретации 9-й статьи Конституции, которая отрицает войну, принятого правительством летом прошлого года. Эта новая интерпретация дает стране право на коллективную самооборону или оказание помощи союзнику, подвергнутому нападению. Обращает на себя внимание заявление Абэ о том, что он не видит необходимости в установлении географических пределов использования указанного права. По его мнению, если ситуация отвечает правительственным критериям, Силы самообороны могут быть посланы в любую точку мира.

В связи с убийством двух заложников исламскими террористами правящая Либерально-демократическая партия приняла решение усилить возможности правительства

в сфере сбора за рубежом информации и ее анализа. Специальная группа экспертов вскоре должна начать обсуждение необходимости создания в стране независимой разведывательной организации по типу американского Центрального разведывательного управления (ЦРУ) или английской Секретной разведывательной службы (МИ-6). Указанная группа проведет консультации с американскими и британскими экспертами и представит свои предложения предположительно осенью текущего года.

В настоящее время Япония не имеет независимого разведывательного органа из-за негативного отношения общественности к идее его создания. В конце 2013 г. в стране был создан Совет национальной безопасности. Однако его цель заключается в том, чтобы анализировать информацию, собранную другими правительственными ведомствами, такими, как министерства иностранных дел и обороны, а также Национальное управление полиции, и следить, чтобы эта информация эффективно использовалась при проведении официальной политики. Во время инцидента с заложниками японское правительство вынужденно полагалось на информацию о них, получаемую от правительств Иордании и Турции, что привело к призывам пересмотреть существующую в Японии систему сбора зарубежной информации.

Помимо расширения прямого присутствия японских Сил самообороны за рубежом, в Токио намерены решать задачи обеспечения безопасности страны с помощью материальной поддержки иностранных войск. 10 февраля с.г. кабинет министров Японии одобрил новую Хартию сотрудничества в целях развития — базовый документ, определяющий основные направления иностранной помощи. В нем впервые говорится, что Япония может финансировать вооруженные силы других стран с оговоркой, что помощь должна предназначаться для «невоенных целей». Это первый кардинальный пересмотр политики иностранной помощи страны за последние одиннадцать с половиной лет. Новая доктрина откровенно заявляет, что Япония будет использовать свою помощь развитию в качестве вклада в мировое сообщество в соответствии со своими национальными интересами.

Указанная Хартия была принята в рамках политики «активного пацифизма» Абэ и, видимо, не в последнюю очередь под влиянием инцидента с японскими заложниками Исламского государства. Ведь спусковым крючком их казни явилось громкое заявление премьер-министра Абэ во время турне по Ближнему Востоку о том, что Япония окажет помощь в размере 200 млн долл. странам, воюющим с Исламским государством, и сделано оно было в момент, когда в руках у экстремистов находились двое ее соотечественников. Трагические последствия этого рокового шага было нетрудно предвидеть. Однако японские стратеги, судя по всему, сделали ставку на имидж Японии как миролюбивой и негласно солидарной с народами Ближнего Востока азиатской державы в противоположность «агрессивным странам Европы и США».

Этот имидж кропотливо и последовательно выстраивался Токио на протяжении последних десятилетий с учетом судьбоносной зависимости страны от энергоресурсов ближневосточного региона. Однако он не сработал при первом же серьезном столкновении с суровой реальностью указанного региона. Как писала ведущая японская газета «Асахи симбун», хорошо осведомленные в местной ситуации эксперты отмечали, что прояпонские настроения на Ближнем Востоке, возвращенные благодаря экономической помощи и другим усилиям Японии, видимо, угасают. В качестве возможных причин этого газета называла поддержку Японией возглавляемой США войны против терроризма и размещение подразделений Сил самообороны в Ираке в 2000-е годы²². По ходу развития трагической ситуации с заложниками японские официальные представители всячески

подчеркивали, что выделяемые Японией 200 млн долл. предназначены исключительно на гуманитарные цели. Однако исламских экстремистов это не убедило.

Обновленная Хартия сотрудничества в целях развития содержит принцип, согласно которому помощь не должна использоваться для военных целей, хотя правительство при определенных условиях может рассмотреть помощь иностранным вооруженным силам. Независимые аналитики высказывают по этому поводу тревогу, подчеркивая несостоятельность правительства воспрепятствовать тому, чтобы помощь была направлена на военные цели.

В региональном аспекте Хартия отдает приоритет азиатским государствам в свете их важности для безопасности и экономического развития Японии, особенно странам Юго-Восточной Азии — региону, где растет влияние Китая. В частности, Токио намерен в рамках официальной помощи развитию поставлять патрульные корабли Филиппинам и Вьетнаму, которые имеют территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море.

В свете муссируемой в Японии теории «китайской угрозы» этому морю придается все большее значение в плане обеспечения жизненно важных интересов страны. В отличие от Восточно-Китайского моря, где Япония конфликтует с Китаем по поводу территориальной принадлежности островов Сенкаку, в Южно-Китайском море она не имеет территориальных споров, однако на него приходится 10% мирового улова рыбы. Кроме того, суда, пересекающие его, перевозят в год грузы на 5 трлн долл., значительная часть которых направляется в Японию и из нее.

3 февраля с.г. министр обороны Японии Гэн Накатани заявил, что безопасность в Южно-Китайском море, на которое, по его словам, почти полностью претендует Китай, влияет на национальные интересы Японии и может побудить ее задуматься о патрулировании этого моря военными самолетами. Высказывание Накатани явилось ответом на интервью с командующим 7-м флотом США Робертом Томасом, опубликованное агентством «Рейтер», в котором было заявлено, что наблюдательные полеты японских самолетов в Южно-Китайском море помогут отслеживать растущий китайский флот.

В настоящее время регулярное патрулирование японскими самолетами осуществляется только в Восточно-Китайском море. Распространение полетов на Южно-Китайское море почти наверняка усилит напряженность между КНР и Японией. Китай уже отреагировал на комментарий Р. Томаса предупреждением в адрес Японии «не создавать напряженность».

Высказывание американского командующего демонстрирует поддержку Пентагоном стремления премьер-министра Японии к более активной военной роли страны в Азии. Примечательно, что оно прозвучало в момент переговоров США и Японии об обновлении основных направлений сотрудничества в сфере безопасности, от которых ожидалось предоставление Японии более весомой роли в двустороннем военном альянсе. В случае законодательного оформления в парламенте Японии предлагаемой Абэ интерпретации права страны на коллективную самооборону нельзя исключать сценария, при котором, случись вооруженный конфликт между ВМФ США и Китая, морские Силы самообороны Японии могут прийти на помощь своему американскому союзнику.

Таким образом, трагическая гибель двух японцев, всколыхнувшая всю страну, явилась своеобразным катализатором деятельности премьер-министра Абэ по повышению роли военного фактора во внешней политике Японии. Однако его усилия в этом направлении, очевидно вызовут не только неприятие в Китае, Южной Корее и других азиатских государствах, но и серьезное сопротивление оппозиционных сил, а также пацифистски настроенной общественности страны.

Их представители уже высказывают опасения по поводу того, что предложенная Абэ интерпретация права Японии на коллективную самооборону приведет к вовлечению страны в военные действия в интересах других стран, а провозглашенная им борьба с международным терроризмом сделает находящихся за рубежом японских граждан мишенью исламских боевиков. На это, как сообщает газета Japan Times, японский премьер заявил: «Фундаментально мы будем продвигать вперед “активный пацифизм” для строительства мира без терроризма», добавив, что «важным является не беспокойство о том, что будут думать террористы, а обеспечение мира и стабильности на Ближнем Востоке — главном источнике нефти для Японии»²³.

Как говорится, комментарии излишни.

-
1. Japan Times. 07.01.2015.
  2. Ibid.
  3. Ibid.
  4. Ibid.
  5. Ibid.
  6. Nikkei. 07.01.2015.
  7. Асахи симбун. 09.01.2015.
  8. Nikkei. 07.01.2015.
  9. Цит. по: Асахи симбун. 09.01.2015.
  10. Асахи симбун. 11.01.2014.
  11. Цит. по: Асахи симбун. 09.01.2015.
  12. Цит. по: Japan Times. 12.01.2015.
  13. Ibid.
  14. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2014/html/chapter2/asia_oceania.htm
  15. Ibid.
  16. Цит. по: Асахи симбун. 09.01.2015.
  17. Ibid.
  18. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/98FACFB4FA1F33C944257D0E0052E2BB
  19. Nikkei. 29.12.2014.
  20. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000055800.pdf>
  21. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000055800.pdf>
  22. Асахи симбун. 12.02.2015.
  23. Japan Times. 02.02.2015.

Китайско-японские отношения в XXI веке: проблемы и перспективы

© 2015

А. Волошина

Автор рассматривает состояние и перспективы развития современных китайско-японских отношений. Даны характеристика основных осложняющих их факторов, а также анализ усилий Пекина и Токио по их урегулированию в свете соглашения 7 ноября 2014 г. о возобновлении диалога по вопросам внешней политики и безопасности.

Ключевые слова: Китай, Япония, безопасность, территориальные споры, сотрудничество, кризисное регулирование.

Северо-Восточная Азия — особый регион мира, за последние годы превратившийся в один из крупнейших центров международной торговли, финансовой деятельности и современного промышленного производства, прежде всего благодаря своим ключевым участникам — КНР и Японии. Отношения этих стран во многом определяют политический климат региона, какие-либо конфликты между ними способны нарушить стабильность во всем АТР.

Важность китайско-японских двусторонних связей в полной мере осознается правительствами обеих стран. Однако с начала XXI в., пройдя через период оттепели, эти отношения вновь заметно осложнились. Предпринимавшиеся ранее попытки создания механизма кризисного регулирования оказались неэффективны для разрешения вполне конкретных противоречий. Это определяет актуальность изучения факторов, подорвавших политический базис японо-китайских связей и негативно сказавшихся на всех сферах взаимодействия двух стран, а также рассмотрения перспектив улучшения китайско-японских отношений.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть наиболее значимые из этих факторов.

Главными проблемами, мешающими нормальному развитию китайско-японских отношений, являются территориальные споры и разногласия по проблемам оценки исторического прошлого. Среди территориальных претензий наиболее чувствительным вопросом является суверенитет над островами Дяоюйдао (Сэнкаку). Оба государства заявляют о наличии исторически и юридически обоснованных прав на острова¹, однако Япония даже не признает существование территориального спора в отношениях с КНР, заявляя, что «вокруг островов Сэнкаку не существует никакой территориальной проблемы, которая требует разрешения»².

Второй спор касается прав и интересов КНР и Японии в Восточно-Китайском море, а именно установления границ исключительных экономических зон, развития и использования морских ресурсов. Двухсотмильные исключительные экономические зоны (ИЭЗ) двух стран, рассчитываемые от их береговых линий, совпадают на значительном морском пространстве. Возникает проблема с установлением разграничительных линий, которые бы устранили оба государства.

Относительно новой в отношениях Китая и Японии является проблема наложения идентификационных зон противовоздушной обороны (air defense identification zone, ADIZ). 23 ноября 2013 г. Пекин объявил об учреждении ADIZ в Восточно-Китайском море, включающей в себя воздушное пространство над спорными островами. Этот шаг вызвал резкую реакцию со стороны Японии (которая объявила его «абсолютно неприемлемым») и Соединенных Штатов (которые выразили «глубокую обеспокоенность»)³.

В ответ Китай обвинил Соединенные Штаты и Японию в применении двойных стандартов⁴, заявляя, что установление ADIZ не является нарушением международного права. Представитель КНР подчеркнул, что обе эти страны имеют свои собственные идентификационные зоны противовоздушной обороны, при этом японская зона заканчивается всего лишь в 130 км от материкового Китая. КНР утверждает, что его действия «не направлены против какого-либо определенного государства»⁵. Возникновение новой болевой точки в японо-китайских отношениях при сохранении общей напряженности в отношениях двух стран и отсутствии четко сформулированного и принятого обеими сторонами кодекса поведения в воздушном пространстве, приведет к тому, что перекрывающиеся друг друга зоны повышают риск возникновения инцидентов с участием воздушных судов двух стран.

Второй группой вызывающих противоречия вопросов являются проблемы исторического прошлого двух стран, а конкретно — периода японских вторжений и военных преступлений в Китае между 1894 и 1945 гг. Китай чрезвычайно чувствителен к тому, как японские лидеры трактуют исторические события, касающиеся Нанкинской резни (1937 г.), «Отряда 731», проблем «женщин комфорта», массового самоубийства в 1945 г. жителей Окинавы и т.д. Остро критикуются попытки японских политиков и ученых отрицать преступления японской армии в отношении гражданского населения Китая. В 2014 г. китайский МИД заявил, что Токио «пытается отрицать и даже приукрашивать» историю вооруженной агрессии Японии⁶. Это явилось ответом на объявленный консерваторами во главе с Синдзо Абэ курс по изменению апологетичного тона истории Японии на более «патриотичный». Появились сообщения, согласно которым правительство Японии, взаимодействуя с системой национального образования, предлагает новые стандарты для школьных учебников истории, которые, в частности, пересмотрели бы количество жертв Нанкинской резни и проблему «женщин комфорта»⁷.

Крайне жесткую позицию Китай занимает по отношению к посещению храма Ясукуни главами японского правительства, членами кабинета министров, парламентариями. В синтоистском храме Ясукуни хранятся таблички с именами японцев, погибших на полях сражений с середины XIX в. Среди них — военные преступники периода Второй мировой войны. В странах Азии, пострадавших от японской агрессии, Ясукуни является символом милитаризма, и его посещения японскими официальными лицами вызывают протесты и воспринимаются как оправдание совершенной агрессии.

Эти разногласия актуализируют тему публичных извинений японского правительства за агрессивные действия Японии и причиненные азиатским народам страдания. Очень важна формулировка заявления, его тональность и искренность. В пятиде-

сятилетнюю годовщину поражения Японии 15 августа 1995 г. премьер-министр Т. Мураяма сделал заявление, формулировку которого старались повторять последующие японские руководители. В его речи признавался факт причинения неисчислимых страданий азиатским странам, была подчеркнута необходимость для Японии раскаяния, осмысления своего исторического прошлого, а также принесения извинения пострадавшим государствам⁸.

Такова характеристика основных проблем, осложняющих отношения Китая и Японии. Отметим, что сейчас наиболее остро стоят две из них: спор по поводу островов Дяоюйдао (Сэнкаку) и проблема визитов в храм Ясукуни. Относительно этих вопросов китайским правительством были выдвинуты требования как непереносимые условия для нормализации двусторонних отношений. Во-первых, японское правительство признает существование спора о принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку), во-вторых, Япония обещает воздерживаться от дальнейших визитов ее лидеров в храм Ясукуни⁹.

На протяжении последнего десятилетия характер двусторонних отношений формировался под воздействием как конструктивного начала, так и существующих проблем. Периоды разрядки и всплеска напряженности чередовались, однако каждый раз руководство двух стран предпринимало меры для нормализации отношений. Как считает профессор А.Д. Богатуров, это характерная черта конфликтов азиатского региона, где фактические события вот уже по крайней мере тридцать лет демонстрируют стремление и крупнейших игроков, и малых стран проявлять в региональных отношениях сдержанность, не допуская перехода имеющихся противоречий в острую стадию¹⁰.

Так, накануне первого премьерства С. Абэ климат в двусторонних отношениях представлялся китайской стороне крайне неблагоприятным. Ситуацию обостряли проблемы разработки газового месторождения на шельфе Дяоюйдао (Сэнкаку) и ежегодные визиты премьер-министра Японии Дзюньитиро Кондзуми в храм Ясукуни. Накопившееся недовольство вылилось в массовые антияпонские демонстрации в Китае в апреле 2005 г. с участием десятков тысяч человек.

Приход к власти С. Абэ в сентябре 2006 г. ознаменовал отход от конфронтационной политики в отношении Китая. Возобладало стремление к восстановлению диалога и улучшению связей с КНР. Был отодвинут на задний план вопрос о посещении храма Ясукуни: во время первого срока премьер избрал «стратегию неясности», не говоря прямо, будет он посещать этот храм или нет¹¹. Свою первую зарубежную поездку в качестве премьер-министра С. Абэ совершил в КНР. Ее итогом стало Совместное китайско-японское коммюнике 2006 г. Стороны изъявляли стремление вернуться к диалогу без предварительных условий и надлежащим образом решить проблемы, препятствующие развитию двусторонних отношений¹². Была достигнута договоренность выстраивать «стратегические взаимовыгодные отношения» между Японией и Китаем. Понятие «стратегических взаимовыгодных отношений» было раскрыто в Совместном заявлении по итогам официального визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Токио в 2007 г. Оно, по мнению сторон, предусматривало взаимную поддержку мирного развития и укрепление политического взаимодействия, увеличение прозрачности политического процесса; углубление взаимовыгодного сотрудничества и осуществление совместного развития; активизацию диалога в сфере обороны, направление совместных усилий на обеспечение стабильности в регионе; расширение обмена в гуманитарной области, углубление взаимопонимания и дружбы между двумя народами; усиление координации и взаимодействия, совместный поиск ответов на региональные и глобальные вызовы¹³.

В следующие годы отношения продолжали развиваться в позитивном ключе. Несмотря на существование проблем, два государства стремились найти точки соприкосновения по наиболее актуальным вопросам. В мае 2008 г. в ходе официального визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Японию было подписано Совместное японо-китайское заявление о «Всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах»¹⁴. В заявлении декларировалось стремление двух сторон выравнять отношения в соответствии с современными тенденциями международных отношений, укреплять доверие в политической области и в вопросах безопасности, сотрудничать в сфере энергетики, окружающей среды, торговли, инвестиций, транспорта, туризма, медицинской помощи. И действительно, этот период отмечен сотрудничеством в деле морской безопасности, обсуждением механизмов связи для предотвращения и урегулирования кризисных ситуаций на море. Были начаты переговоры о заключении соглашения об освоении ресурсов в Восточно-Китайском море. Стороны договорились о порядке проведения поисково-спасательных операций в случае инцидентов на море, а также о взаимном предварительном уведомлении при начале морских научных исследований. Развивалось сотрудничество в сфере экологии, в гуманитарной сфере. В 2008 г. Япония оказала значительную помощь КНР в борьбе с последствиями сильнейшего землетрясения в провинции Сычуань¹⁵.

Однако в последние пять лет в развитии отношений возобладали негативные тенденции. В 2010 г. отношения двух стран резко ухудшились. 8 сентября 2010 г. японской стороной был задержан и арестован экипаж китайского рыболовецкого судна. Китайцам было предъявлено обвинение в «незаконной ловле рыбы» в районе островов Дяоюйдао (Сэнкаку). Это вызвало неожиданно резкую реакцию Пекина. В городах Китая прошли многочисленные антияпонские демонстрации. КНР ограничила официальные контакты на высоком уровне, были ужесточены таможенные процедуры в отношении ввоза японских товаров, отменен ряд культурных обменов¹⁶. В конечном счете, японская сторона пошла на уступки. Вновь заговорили о признаках потепления в отношениях, когда произошли страшнейшие землетрясение и цунами в Японии, повлекшие за собой катастрофу на японской АЭС Фукусима.

Однако в сентябре 2012 г. случился второй кризис в отношениях. Японским правительством было принято решение о покупке трех спорных островов группы Дяоюйдао у японского частного владельца. Фактически данный шаг означал нарушение статус-кво, сложившегося в отношении островов. В КНР прокатились массовые антияпонские демонстрации и погромы. Заместитель министра торговли КНР призвал китайцев бойкотировать японские товары. Были отменены мероприятия, связанные с 40-й годовщиной нормализации китайско-японских дипломатических отношений. Резко сократилось количество китайских туристов, посещающих Японию. Развернулась полемика на высоком политическом уровне¹⁷.

Вокруг островов наблюдалась эскалация противостояния на море и в воздухе. Китайские суда фактически на постоянной основе стали находиться в водах, прилегающих к островам Дяоюйдао (Сэнкаку). В период с сентября 2012 г. по февраль 2013 г. 83 китайских судна 25 раз входили в территориальные воды у островов. 13 декабря 2012 г. самолет Китайской государственной океанической администрации пролетел над островами, в ответ были подняты на перехват истребители японских воздушных сил самообороны¹⁸.

Вновь придя к власти по итогам выборов в парламент в декабре 2012 г. С. Абэ и его кабинет просигнализировали о желании уменьшить напряженность в отно-

шениях с Китаем. Со стороны КНР также не просматривалась решимость вести дело в направлении дальнейшей эскалации конфликта. В январе-феврале 2013 г. в китайских СМИ значительно увеличилось количество материалов с рекомендацией «не принимать силовых» методов в конфликте вокруг о. Дяоюйдао, т.к. это может нанести серьезный ущерб экономике страны и решению социальных проблем, ее международному престижу¹⁹. Наблюдалось сокращение интенсивности патрулирования кораблей береговой охраны Китая²⁰.

Однако следующим событием, усилившим напряженность, стало установление Китаем идентификационной зоны ПВО в ноябре 2013. В ответ Япония в декабре 2013 г. одобрила «Стратегию национальной безопасности». На ее основе были приняты «Основные направления программы национальной обороны» и «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала на период 2014–2018 гг.»²¹. Суть документов — в увеличении количественного и качественного потенциала японских сил самообороны, в расширении военного сотрудничества с США и их союзниками в АТР. Китай осудил эти действия, назвав их свидетельством возможного отказа от пацифистской конституции Японии и возвращения к ее милитаристскому прошлому. Китайско-японские отношения накалились еще больше после посещения премьер-министром С. Абэ 26 декабря 2013 г. святилища Ясукуни. Это было первое посещение храма премьер-министром со времен Д. Коидзуми. Постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи, выступая в Совете Безопасности ООН, заявил, что японский премьер-министр тем самым «выразил уважение этим преступникам, руки которых обгажены кровью народов оккупированных ими стран. Действия С. Абэ по сути направлены на то, чтобы оправдать японскую агрессивную историю и ее военных преступников... Японские руководители должны правильно понять и глубоко переосмыслить агрессивную историю, а также своими практическими действиями исправить ошибки и завоевать доверие у членов международного сообщества, включая соседние с Японией страны»²².

Этот период существенно отличался от предыдущего. Попыток найти точки соприкосновения практически не предпринималось, наоборот, контакты на высшем уровне были заморожены, а отсутствие диалога вело к восприятию действий другой стороны как заведомо агрессивных и в итоге к большей эскалации конфликта. Япония стала наращивать военные связи с США, что отнюдь не способствовало улучшению отношений с Китаем.

Возобновление диалога между Японией и КНР стало возможно только в 2014 г. В результате поездки в Китай японского советника по национальной безопасности Я. Сэтаро и переговоров с представителями китайского руководства, 7 ноября 2014 г. стороны приняли документ, состоящий из четырех пунктов. В нем говорится о том, что они признают различие во взглядах на ситуацию в Восточно-Китайском море и, в частности, вокруг островов Дяоюйдао (Сэнкаку), но постепенно будут возвращаться к диалогу в политической, дипломатической сферах и по вопросам безопасности²³. Состоялась первая за два года встреча лидеров двух стран: премьер-министра Японии С. Абэ и председателя КНР Си Цзиньпина 10 ноября в рамках саммита АТЭС. Были достигнуты важные договоренности по созданию механизма коммуникации сторон при чрезвычайных ситуациях на море и организации горячей линии между оборонными министерствами двух стран с целью снижения риска возникновения вооруженного столкновения между КНР и Японией. Эта встреча обозначила переход к нормализации двусторонних отношений. После двухлетнего перерыва в марте 2015 г. прошла встреча глав МИД КНР, Японии и Респуб-

лики Корея, возобновились консультации по морским делам и механизму морской связи для предотвращения инцидентов с участием судов двух стран.

Все эти события вывели двусторонние отношения из того опасного состояния, при котором рост напряженности сопровождался отсутствием коммуникации на высоком уровне. Появилась надежда на постепенную нормализацию связей. Разразившийся в 2012 г. кризис и события 2013 г. продемонстрировали, что страны подошли опасно близко к переходу конфликта в стадию военного противостояния, даже если это не входило в планы сторон.

Анализ факторов, определяющих характер отношений КНР и Японии в настоящее время, позволяет прийти к выводу, что обострение проблем между странами вызвано глубинными процессами. В АТР в целом идет перестройка системы региональных отношений. Обладая экономической мощью, Китай усиливает свое военно-политическое влияние на международной арене. Он играет все более активную роль, решительнее фиксирует зону своих приоритетных интересов. Япония пытается в этих условиях сохранить свое региональное и мировое влияние, одновременно осуществляя поиски новой системы безопасности, позволяющей сохранить существующий баланс сил в регионе. Конкуренция в китайско-японских отношениях нарастает, о чем и свидетельствует разразившийся в 2012 г. кризис. Он является одним из результатов попыток Китая изменить этот баланс сил в свою пользу²⁴.

В этих условиях неоднозначная роль отведена экономике. Территориальные претензии и проблемы исторического прошлого наличествуют при тесном торгово-экономическом сотрудничестве двух стран. В международных отношениях существует теория, согласно которой тесные экономические связи между государствами будут стабилизировать отношения между ними и в политической сфере. Этот вывод исследователи делают, исходя из соображений экономической целесообразности, предполагая, что государства не рискнут теми выгодами, которые они получают от экономического сотрудничества. Также следует учитывать лоббирование своих интересов экономическими элитами в процессе выработки внешнеполитических решений. С одной стороны, данная теория показала свою эффективность в 2006 г., когда от ухудшения отношений между КНР и Японией при Д. Коидзуми стали страдать ведущие японские компании, вкладывавшие огромные инвестиции в китайскую экономику. Например, для них в Китае были потеряны потенциальные контракты по таким крупным инфраструктурным проектам, как плотина «Три ущелья», скоростная железная дорога между Пекином и Шанхаем, а также возведение атомных электростанций²⁵. В результате многие крупные японские бизнесмены и торговые ассоциации требовали от премьер-министра С. Абэ улучшения отношений с Пекином.

С другой стороны, обострение конфликта в 2012 г. продемонстрировало, что стороны готовы поступиться экономическими интересами в угоду политическим целям. Существенно сократился экспорт японских автомобилей в Китай. Японские специалисты одной из причин этого называют масштабные антияпонские демонстрации, прошедшие в городах Китая осенью 2012 г.²⁶ Так, экспорт автомобилей в Китай в октябре 2012 г. снизился на 82,4% по сравнению с октябрем 2011 г., а за период с сентября по декабрь 2012 г. сокращение составило 63%. По итогам 2013 г. стоимость японского экспорта в Китай сократилась на 11%, стоимость импорта снизилась на 4%²⁷.

По мере обострения кризиса 2012 г. и увеличения его воздействия на состояние экономических отношений двух стран исследователи подняли вопрос о степени взаимо-

зависимости двух экономик и о том, кто больше проиграет от нарушения существующей системы экономических связей²⁸.

Часть экспертов пришла к выводу, что китайская экономика в меньшей степени зависит от японской, нежели японская от китайской. Во внешнеторговом обороте Японии торговля с КНР занимает более 20%, в то время как доля Японии во внешней торговле КНР составляет менее 10%. Это важный фактор, позволяющий Пекину занимать более неуступчивую позицию в отношении Токио²⁹. Не следует, однако, недооценивать заинтересованность обеих стран в развитии торгово-экономических отношений.

Так, между Китаем и Японией было достигнуто соглашение, согласно которому двусторонняя торговля осуществляется в иенах и юанях. С июня 2012 г. они заключают сделки в национальных валютах. Несмотря на приводимые исследователями показатели снижения значимости торговых связей с Японией для КНР, двусторонние экономические отношения жизненно важны для них.

Нынешнее состояние двусторонних отношений требует от политиков этих стран разработки и проведения в жизнь мер, нацеленных на их улучшение. Периоды трансформации системы международных отношений всегда связаны с определенной нестабильностью, а для китайско-японских отношений такая нестабильность опасна вдвойне, так как мирное урегулирование возникающих кризисных ситуаций требует политического диалога на высшем уровне, а в отношениях КНР и Японии он практически отсутствовал на протяжении последних лет.

Сейчас на передний план выходит необходимость принятия мер, направленных на предупреждение конфликтных ситуаций в Восточно-Китайском море. Несмотря на существующее в последние годы напряжение в китайско-японских отношениях, многие китайские аналитики и официальные лица осознают, насколько катастрофическими будут последствия потенциального инцидента между двумя странами и как важно создание механизма разрешения возникающих конфликтных ситуаций. В апреле 2014 г. адмирал У Шэнли, главнокомандующий военно-морских сил Народно-освободительной армии, подчеркнул неопределенный характер ситуации, сложившейся в Восточно-Китайском море, и заявил, что существует вероятность возникновения случайных инцидентов, которые могут привести к вооруженному конфликту. Он также отметил, что Китай изучает варианты снижения остроты подобных инцидентов, и подчеркнул необходимость наличия механизмов регулирования ситуации при неожиданных встречах кораблей китайских и японских военно-морских сил³⁰.

Стоит отметить, что создание подобного механизма уже обсуждалось ранее: переговоры об этом велись между Китаем и Японией с 2008 г. В июле 2012 г. было достигнуто взаимопонимание, что механизм связи должен включать три элемента: горячую линию для общения во время кризиса; ежегодные консультации с участием рабочих групп; согласие общаться на английском языке на общей частоте при внезапных встречах китайских и японских судов в море или, если корабли находятся в зоне видимости, с помощью международных сигнальных флагов³¹. Но из-за последовавшего обострения отношений между двумя странами работы по данным вопросам были остановлены, а механизмы урегулирования конфликтных ситуаций не были внедрены в практику. Исследователи высказывают мнение, что осознание важности создания и применения этих механизмов помогло бы избежать кризисов 2010 г. и 2012 г. по поводу островов Дяоюйдао³².

В конце сентября 2014 г. Китай и Япония возобновили консультации по морским делам и по механизму коммуникации сторон при чрезвычайных ситуациях на море, прерванные в 2012 г. Этот прогресс в китайско-японских отношениях имеет большое значе-

ние для урегулирования конфликтных ситуаций в Восточно-Китайском море. В январе 2015 г. обе стороны договорились запустить механизм кризисного регулирования на море и в воздухе, целью которого является избежание напряженности столкновений в Восточно-Китайском море, состоящий из вышеперечисленных трех компонентов³³. Следующая встреча запланирована в Китае во второй половине 2015 г.³⁴

Некоторые эксперты предостерегают от излишнего оптимизма по поводу этого консультационного процесса. Гао Хун, заместитель директора Института японских исследований китайской Академии общественных наук, оценивает его как позитивное движение в направлении выхода из тупика в отношениях между двумя странами. Но вместе с тем отмечает, что еще предстоит увидеть, приведет ли следующая встреча к достижению ощутимых результатов, учитывая, что сложные вопросы, связанные с выработкой кодекса поведения стран на море, не могут быть решены в результате одной или двух консультаций³⁵.

Теперь, когда Китай и Япония возобновили переговоры на уровне рабочих групп по механизмам морской связи, а китайские и японские официальные лица и представители министерств обороны двух стран вновь согласовали общее представление о структуре этих механизмов, следующая задача, считают эксперты, это совместная выработка правил поведения при встречах в морском и воздушном пространствах³⁶.

Для ее решения обе стороны могут использовать уже существующие многосторонние механизмы, такие как «Кодекс правил поведения для судов при неожиданных встречах в море»³⁷ — документ, принятый в рамках четырнадцатого ежегодного совещания Форума ВМС стран западной части Тихого океана. Кодекс не носит юридически обязательного характера, однако, как заметил Чжан Юншэ, сотрудник Военно-морского научно-исследовательского института НОАК, его принятие способствовало бы налаживанию коммуникации между военно-морскими силами двух стран, повысило бы эффективность управления кризисными ситуациями на море за счет снижения вероятности ошибочных действий экипажей кораблей, свело бы к минимуму риск столкновений в открытом море, а также содействовало бы укреплению как безопасности на море, так и стабильности в регионе³⁸.

Эксперт Стокгольмского института исследования проблем мира Чжан Тошэн предложил свою схему действий для нормализации двусторонних отношений. Во-первых: на островах Дяоюйдао запрещается размещать воинские контингенты какой бы то ни было из сторон и осуществлять строительство военных и других объектов; государства не могут создавать группировки вооруженных сил на островах или в окружающих водах; корабли обеих стран должны соблюдать безопасную дистанцию. Во-вторых: основной принцип и необходимое условие для урегулирования кризисов — это наличие каналов коммуникации, включая отправку специальных посланников и создание неформальных каналов, в том числе на высоком уровне, поддержание регулярных дипломатических контактов для обсуждения ситуации в Восточно-Китайском море. В будущем возможно установление диалога между Комитетом национальной безопасности Китая и Советом национальной безопасности Японии. Необходимо активизировать консультации между оборонными ведомствами двух стран, разработать механизмы разрешения конфликтов в соответствующих морских районах. Страны должны соблюдать «Кодекс правил поведения для судов при неожиданных встречах в море». В-третьих: сторонам нужно прилагать усилия для смягчения взаимной риторики, избегать негативных высказываний в СМИ. Мозговым центрам обеих стран следует работать совместно и, извлекая уроки из кризисов предыдущих лет, представить политические рекомендации, касающиеся основных

принципов, механизмов и конкретных мер для управления кризисными ситуациями на море между Китаем и Японией. Такие шаги, по мнению Чжана Тошэна, помогут Китаю и Японии поставить под эффективный контроль проблему возникновения кризисов в районах островов. После этого можно будет переходить к следующему этапу разрешения сложного спора³⁹. Исследователь также считает, что для нормализации отношений Китая и Японии японским лидерам следует воздерживаться от посещений храма Ясукуни. Это позволит прошлому не стать камнем преткновения в настоящем.

Несомненно, для преодоления недоверия в отношениях двух стран следует развивать отношения во всех областях. Перспективной сферой для китайско-японского сотрудничества представляется экология. Стремительная индустриализация Китая стала причиной резкого ухудшения экологической ситуации в стране, в ряде регионов загрязнение атмосферы, воды, почвы достигают опасного уровня. Согласно отчету о результатах исследований, проведенных Азиатским банком развития, лишь менее чем в 1% крупных китайских городов качество воздуха соответствует стандартам ВОЗ⁴⁰. В марте 2013 г. японская Ассоциация по экономическому взаимодействию между Японией и Китаем организовала «Общество содействия улучшению состояния загрязнения атмосферы в Китае». Его членами стали сотни организаций, например, таких как JX и Hitachi. Обществом были разработаны предложения, содержащие 470 вариантов технологических решений по проблемам окружающей среды⁴¹. Они были направлены властям ряда китайских городов и провинций, в которых экологическая проблема обстоит наиболее остро. На эти предложения последовал позитивный отклик китайской стороны, растет число предприятий, желающих поучаствовать в обмене опытом с Японией в области охраны окружающей среды⁴².

Не следует забывать о развитии сотрудничества в сфере гуманитарных обменов и в преодолении последствий техногенных и природных катастроф. Это не только создаст хорошую базу для укрепления политического сотрудничества, но и улучшит образ друг друга в глазах населения двух стран, что является немаловажным фактором для потепления отношений

В заключение хотелось бы отметить, что постепенное восстановление контактов на высшем уровне между Китаем и Японией, которые мы сейчас наблюдаем, сигнализирует о желании политического руководства двух стран выйти из замкнутого круга противостояния, в который привели их события последних пяти лет. Этот процесс идет сложно, сторонам предстоит преодолеть множество противоречий, найти компромиссы по множеству позиций. В ход этого процесса может вмешаться и история, так как 2015 г. знаменует собой семидесятилетие окончания Второй мировой войны. То, как каждая из сторон подойдет к этому юбилею, покажет, насколько они осознали необходимость улучшения отношений, и готовы ли они пожертвовать частью своих амбиций для этой цели. Потребуется политическая мудрость, чтобы направить отношения по пути восстановления доверия между двумя странами. Но только этот путь будет отвечать коренным и долгосрочным интересам Китая и Японии, а также способствовать укреплению мира и безопасности как в региональном, так и в глобальном масштабах.

---

1. См.: Цзибэнь личан [Основные положения] // Дяоюйдао — чжунго дэ гуяо линту [Дяоюйдао — китайская неотъемлемая территория]. URL: <http://www.diaoyudao.org.cn/index.htm>; Чжунхуа жэньминь гуанхэо вайцзюбу шэньминь 30.12.1971 [Министерство иностранных дел КНР, 30.12.1971] / Гоцзя Хайян Синьси Чжунсин [Государственный морской информационный

- центр]. URL: http://www.coi.gov.cn/news/zhuanti/dyd/gfwj/shengming/20120916_24169.html.
2. Острова Сэнкаку. В стремлении к миру на морях, основанному на верховенстве права, а не на силе и принуждении. Министерство иностранных дел Японии. Токио, март 2014. С. 3.
  3. *Julian Ku*. Meanwhile, China Draws a Provocative, Dangerous, But Perfectly Legal Air Defense Identification Zone in the East China Sea // *Opinio Juris*. 2013. 24 Nov. URL: <http://opiniojuris.org/2013/11/24/world-iran-china-draws-air-defense-identification-zone-east-china-sea/>
  4. China's ADIZ is justified // *China Daily*, 02 December, 2013. URL: <http://en.people.cn/90786/8472270.html>.
  5. Жи жуо чжэнь сянь хэ чжунго доу на цзю цин аньбэй дай чжэжэ го цзялай ба [Если Япония действительно хочет побороться с Китаем, пусть Абэ тащит всю страну за собой] // *Хуаньцю шибао*. 25.11.2013. URL: <http://mil.huanqiu.com/paper/2013-11/4596488.html>.
  6. *Fitzpatrick M.* Japan's Divided Education Strategy // *The New York Times*, 12.10.2014. URL: <http://www.nytimes.com/2014/10/13/world/asia/japans-divided-education-strategy.html>.
  7. *Fackler M.* In Textbook Fight, Japan Leaders Seek to Recast History // *The New York Times*, 28.12.2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/12/29/world/asia/japan-fights-a-political-battle-using-history-texts.html?_r=0.
  8. Экс-премьер Японии Томини Мураяма выразил озабоченность состоянием отношений с Китаем // «Жэньминь жибао» он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4532199.html>.
  9. Promoting crisis management in the East China Sea // SIPRI, Feb. 2015 URL: <http://www.sipri.org/research/security/china/promoting-crisis-management-in-the-east-china-sea>.
  10. Цит. по: *Козырев В.А.* Указ. соч. С. 250.
  11. Глобальное мышление как ключ к дипломатии премьера Абэ — интервью с Яти Сётаро, особым советником при Кабинете министров Японии. Ч. 1 // *Nippon.com*: современный взгляд на Японию, 21.10.2013. URL: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00089/>
  12. *Петрунина Ж.В.* Современная система международных отношений в Восточной Азии: учеб. пособие / Ж.В. Петрунина, А.А. Киреев, А.Ю. Кузьмин. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2012. С. 58.
  13. Чжун-жи лянхэ синьвэнь гунбао [Совместное китайско-японское коммюнике] 11.04.2007 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунян жэньминь чжэнфу [Центральное народное правительство КНР]. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2007/content_621243.htm.
  14. Чжун-жи гуаньси [Китайско-японские отношения] // *Синьхуа*. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-03/27/content_4350074.htm.
  15. *Yu Xiaodong*. Earthquake Diplomacy? // *News China*, May 2011. URL: <http://www.newschinamag.com/magazine/earthquake-diplomacy>.
  16. *Панов А.Н.* О Японии. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 516.
  17. Там же. С. 517.
  18. Там же. С. 518.
  19. Там же. С. 520.
  20. *Shannon Tiezzi*. Is China Ready to Repair Ties With Japan? // *The Diplomat*, 15.04. 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/04/is-china-ready-to-repair-ties-with-japan/>
  21. См.: *East Asian Strategic Review 2014*. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 2014. 359 p.
  22. Чжунго чанчжу лянхэго дайбяо лю цзеи цзай аньлихуй цзеи аньбэй [Постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи выступил с критикой Абэ в Совете Безопасности] // *Жэньминь жибао*. 2014. 30 янв.
  23. Чжун-жи гуаньси [Китайско-японские отношения] // *Синьхуа*. Там же.
  24. *Панов А.Н.* Указ. соч. С. 512.
  25. *Мадиев Е.* КНР и Япония: от Абэ до Фукуды // *Время Востока*. 06.11.2008. URL: <http://easttime.ru/analytic/3/9/521.html>.
  26. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014. С. 165.
  27. Там же. С. 165.
  28. China-Japan Dispute Takes Rising Toll on Top Asian Economies // *The Bloomberg Business*, 09.01.2013 URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2013-01-08/china-japan-dispute-takes-rising-toll-of-asia-s-top-economies>.

29. Цит. по: *Панов А.Н.* Указ. соч. С. 519.
30. Чжун жи цзюньфан гаоцэн тунши бяотай: дунхай ю чунту кэнэн [Китайские и японские военные чиновники высокого уровня заявляют: конфликт в Восточно-Китайском море возможен] // CRNTT, 23 Apr. 2014. URL: <http://hk.crntt.com/doc/1031/4/5/0/103145032.html?coluid=7&kin%20did=0&docid=103145032&mdate=0423101146>.
31. *Bräuner O., Chan J., Huijskens F.* Confrontation and Cooperation in The East China Sea: Chinese Perspectives. SIPRI Policy Brief. Stockholm, 2015. Febr. P. 6.
32. *Zhang Tuosheng.* Building Trust Between China and Japan: Lessons Learned from Bilateral Interactions in The East China Sea. SIPRI Policy Brief. Stockholm, 2015. Febr. P. 4.
33. *Bräuner O., Chan J., Huijskens F.* Op. cit. P. 2.
34. China, Japan hold high-level talks over maritime issues // Xinhua, 22.01.2015 URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2015-01/22/c_133939945.htm.
35. Чжунжи шигэ лян нянь дуо чунци хайянь шиву гао цзибе цошан [Китай и Япония после двух лет возобновляют переговоры по морским делам на высоком уровне] // Beijing Times. 25.09.2014. URL: http://epaper.jinghua.cn/html/2014-09/25/content_130041.htm.
36. *Tetsuo Kotani.* Crisis Management in The East China Sea // SIPRI Policy Brief. Stockholm. 2015. Febr. P. 7.
37. Code for Unplanned Encounters at Sea. Version 1.0 // Western Pacific Naval Symposium, Qing Dao, China, 22 April 2014. URL: <http://www.tnial.mil.id/Portals/0/ANNOUNCEMENT/PLAIN/DOKUMEN%20CUES%202014.pdf>.
38. Цит. по: *Bräuner O., Chan J., Huijskens F.* Op. cit. P. 5.
39. *Zhang Tuosheng.* P. 4–7.
40. Ань Бан: чжунго бисюй индуй цянь со вэй юдэ шэнтай цзайнань [Ань Бан: Китаю нужно действовать, чтобы не допустить экологическую катастрофу] // Цайцзин. 2013. 5 марта.
41. См.: *Хиротака Ямагути.* Китай и Япония сближаются в борьбе с микрочастицами PM 2.5 // Asahi Shimbun, 25.03.2014. URL: inosmi.ru/world/20140325/218955470.html#ixzz3W05fb5Nt.
42. Там же.

Идеи Хо Ши Мина во внешней политике Вьетнама

© 2015

Г. Локишин

В статье рассматривается деятельность основателя Коммунистической партии Вьетнама, руководителя Августовской революции, первого президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина по отстаиванию суверенитета страны и борьбы с колониальным господством. Автор прослеживает, как идеи Хо Ши Мина реализуются во внешнеполитическом курсе современного Вьетнама.

Ключевые слова: Августовская революция 1945 г., интервенция Франции в Индокитае, агрессия США во Вьетнаме, внешняя политика Вьетнама, «политика обновления».

19 мая 1890 г. родился Хо Ши Мин — легендарный вьетнамский политический деятель, оказавший большое влияние на мировую историю XX века. Основатель Коммунистической партии Вьетнама, руководитель Августовской революции, 70 лет назад провозгласивший создание Демократической Республики Вьетнам, Хо Ши Мин стал ее первым президентом и проявил на этом посту величайшее политическое и дипломатическое искусство в отстаивании ее независимости суверенитета. В глубокой изоляции от всего мира, он сумел средствами «народной дипломатии» донести чаяния вьетнамского народа до широких кругов мировой общественности, заклеившей интервенцию Франции в Индокитае как «грязную войну». Уже тогда его имя стало символом борьбы с колониальным господством. Но ни с чем несравнимую популярность во всем мире оно получило в годы войны Сопrotивления против агрессии США. В те годы автору этих строк как ответственному секретарю Советского комитета поддержки Вьетнама не раз доводилось участвовать в многотысячных митингах и демонстрациях против войны во многих странах, в том числе и в США. И надо было видеть с каким воодушевлением их участники, особенно молодежь, скандировали на улицах и площадях городов: Хо — Хо — Хо Ши Мин!!! И в этом выражалась их глубокая симпатия к вождю вьетнамского народа, горячая поддержка его правового дела и гневный протест против агрессии США.

Президент Хо Ши Мин оставил большое интеллектуальное наследство в самых разных областях, включая анализ международного положения страны, отстаивание ее национальных интересов и определение курса внешней политики. Остановимся лишь на некоторых из них, которые и сегодня отчетливо прослеживаются во внешнеполитическом курсе Вьетнама.

1. Когда пьешь воду, помни об источнике

30 января 2015 г. общественность России и Вьетнама отметили 65-ю годовщину дипломатических отношений между нашими странами. Эта памятная дата позволяет обратиться к истокам российско-вьетнамской дружбы и сотрудничества и еще раз поклониться Хо Ши Мину — великому сыну вьетнамского народа, заложившему основу этой дружбы двух наших народов и государств, выдержавшей все невзгоды и испытания.

В июне 1923 г. он первым среди вьетнамских революционеров прибыл в Советский Союз как «представитель народов Индокитая» на международную крестьянскую конференцию под эгидой Коминтерна. Еще раньше во Франции в рядах только что созданной французской компартии он познакомился с трудами В.И. Ленина по колониальному вопросу. Они оказали глубокое воздействие на Хо Ши Мина. Его учеба в Москве и работа в Коминтерне утвердили убежденность будущего легендарного лидера национально-освободительного движения в том, что именно Октябрьская революция, помощь Советской России открывают перед многими народами реальную перспективу освобождения от колониального рабства. И, как показала история, он не ошибся. Искренняя и бескорыстная поддержка помощь Советского Союза оказались важнейшим фактором крушения колониальной системы вообще и побед вьетнамского народа над французскими колонизаторами и американскими агрессорами.

Во многих своих статьях и выступлениях, говоря о В.И. Ленине, Октябрьской революции и Советском Союзе, Хо Ши Мин часто употреблял вьетнамскую народную мудрость — полный эквивалент русской пословицы: «когда пьешь воду, помни об источнике»¹: Этому важнейшему завету президента Хо Ши Мина беречь и укреплять дружбу и сотрудничество с Советским Союзом его соратники и преемники оставались верны до конца, вплоть до его распада в 1991 г. И надо признать, что в отличие от многих других, они сделали все возможное для того, чтобы бережно сохранить эти чувства признательности и уважения к России в массовом сознании вьетнамского народа и до наших дней. Претворяя в жизнь этот завет Хо Ши Мина, новое поколение вьетнамских руководителей активно развивает сотрудничество с Российской Федерацией, поднятое в 2012 году на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства².

2. Как можно больше друзей и как можно меньше врагов

Автору этих строк посчастливилось несколько раз в жизни встретиться с этим великим человеком, которого всегда отличали столь же великая простота и обаяние. В ноябре 1964 г. после окончания Международной конференции, посвященной 10-летию Женевских соглашений по Индокитаю, где президент Хо Ши Мин выступил с докладом, он пригласил ряд зарубежных гостей для неофициальной дружеской беседы в его домике во дворе президентского дворца. Тогда уже было ясно, что выполнение Женевских соглашений окончательно сорвано режимом Нго Динь Зьема. Только что состоялась провокация в Тонкинском заливе и американская авиация 5 августа совершила первые налеты на Север, Конгресс США принял пресловутую «тонкинскую резолюцию», открывшую путь к агрессии США. Пользуясь таким редким случаем напрямую обратится к президенту на вьетнамском языке, я спросил, какова теперь, в этих трудных условиях будет внешняя политика ДРВ. Президент Хо Ши Мин ответил коротко, но уверенно: «Она будет очень простой: как можно больше друзей и как можно меньше врагов».

Прошли многие годы, но эти мудрые слова вспоминаются каждый раз, когда окидываешь взглядом большой исторический путь Вьетнама от Августовской революции 1945 г. до победы 1975 г. и после нее. Эта мудрейшая формула содержит ключ к понима-

нию и оценке политики любого государства, ибо она выражает действительно жизненные интересы каждого народа.

И с этой установкой президента Хо Ши Мина связан важный вывод, который был сделан много позднее в декабре 1986 на VI съезде КПВ новыми руководителями партии и страны: нельзя успешно развиваться, не открываясь миру, не становясь активным участником международного разделения труда, не используя всех выгод экономического и научно-технического сотрудничества.

Составной частью утвержденной тогда «политики обновления» (Дой мой) стал радикально измененный внешнеполитический курс, основанный на трех фундаментальных принципах:

- деидеологизация и диверсификация международных отношений;
- политика «открытых дверей» во внешнеэкономических связях;
- налаживание нормальных многосторонних отношений со всеми великими державами.

Этот курс, воплотивший в жизнь мудрый принцип президента Хо Ши Мина, позволил за короткий срок добиться поразительных успехов во внутренней и внешней политике, в укреплении международного положения страны. За 30 лет политики «Дой мой» из беднейшей, разоренной двумя войнами страны, оставшейся после распада СССР с пустой казной и огромными долгами, без друзей и союзников, Вьетнам превратился в быстро развивающееся государство, надежного партнера в интеграционных процессах в Восточной Азии и во всем АТР, в ответственного и достойного доверия члена мирового сообщества.

В 2013 г. Вьетнам установил отношения стратегического партнерства с 13 странами и просто партнерские отношения еще с 11 государствами. Среди впечатляющих успехов внешней политики было успешное проведение саммита АТЭС в Ханое (2006 г.), вступление в ВТО (2007 г.), избрание непостоянным членом Совета Безопасности ООН (2008–2009 гг.), нормализация отношений со всеми ведущими державами мира, включая США.

В 2010 г. Вьетнам с большим успехом председательствовал в АСЕАН. По его инициативе впервые состоялась встреча министров обороны стран АСЕАН и 8 крупнейших государств-партнеров по диалогу, которые с тех пор проводятся регулярно и превратились в важный механизм сохранения мира и безопасности в регионе. Тогда же при активном содействии Вьетнама Россия вместе с США были приняты в качестве равноправных участников Восточноазиатских саммитов. Благодаря этому, сегодня этот самый представительный многосторонний орган в регионе медленно, но верно превращается в искомый механизм безопасности для всего огромного АТР.

Правительство СРВ неизменно стремится к тому, чтобы соседи по региону и весь мир видели во Вьетнаме дружеское миролюбивое государство в АСЕАН и с партнерами по диалогу Вьетнам упорно добивается того, чтобы эти страны сотрудничали между собой в вопросах безопасности, понимая, что без совместного обеспечения безопасности в регионе ни одна страна не может рассчитывать на обеспечение своих собственных интересов. И это полностью соответствует неизменно продвигаемому Россией принципу равной безопасности для всех без исключения как основополагающего принципа безопасности в АТР.

«Вьетнам и впредь будет ответственным и активным членом АСЕАН, стремящимся к углублению региональной интеграции и успешному завершению до конца 2015 г. строительства Сообщества АСЕАН», — писал заместитель премьер-министра и

министр иностранных дел СРВ Фам Бинь Минь в статье «Вьетнам 2015: активная сила в борьбе за мир, стабильность и строительство Сообщества в ЮВА»³

Вьетнам проявляет желание сотрудничать со всеми дружественными странами, как со старыми друзьями, так и новыми партнерами. В двусторонних отношениях он строго придерживается независимости и самостоятельности. Он не стремится использовать никакие проблемы отношений этих стран между собой и, особенно с великими державами. При таком подходе он добивается, чтобы страны, имеющие разногласия и даже самые серьезные противоречия между собой, сажались за стол переговоров и искали решение на базе международного права и взаимного уважения.

В 2015 г. Вьетнам и США готовятся широко отметить 20-летие установления дипломатических отношений. За эти годы, руководствуясь принципом «отодвинуть прошлое, смотреть в будущее», Вьетнам прошел длинный путь в строительстве стабильных и долговременных отношений с США. Стороны создали разветвленную систему политико-военных консультаций друг с другом. Торгово-экономическое сотрудничество за эти годы получило значительное развитие. США превратились во второго торгового партнера Вьетнама (после Китая), в главный рынок для вьетнамского экспорта. Ожидается, что объем торговли между ними в 2015 г. составит \$33 млрд., а к 2020 г. достигнет \$50 млрд. Все это происходит вопреки незаживающим ранам 9-летней войны и несмотря на часто упоминаемую вьетнамскими руководителями угрозу т.н. «мирной эволюции», исходящей от США.

Вьетнам при всех трудностях и препятствиях, действительно, становится важным политическим партнером США в регионе. Но представить себе военный союз между ними в обозримой перспективе невозможно. От Вьетнама требуют таких законов и такого рода свобод, которые означали бы радикальное изменение политического строя в стране. Не отказываясь получить американские инвестиции и технологии, вьетнамское руководство ни на какие уступки, способные привести к изменению политического строя, не идет и в обозримом будущем вряд ли согласится.

Оно не стремится и к тому, чтобы отношения с США представляли вызов Китаю. Ханой явно не желает, чтобы его, так или иначе, втягивали в т.н. «сдерживание» Китая. Вьетнаму удалось сохранить сбалансированный подход к своим международным отношениям в целом. Он не будет военным союзником никакой страны и никому не позволит создавать военные базы на своей территории. Он не присоединится ни к какому союзу, направленному против другой страны. Об этом вновь напомнил премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг, выступая с докладом на открытии 12-го Диалога Шангри Ла в Сингапуре 31 мая 2013 г., который имел широкий резонанс во всем мире.

3. Нет ничего дороже независимости и свободы!

17 июля 1966 г. в условиях эскалации агрессии США на Юге и все более ожесточенных бомбардировок Ханоя, Хайфонга и многих других городов Севера президент Хо Ши Мин выступил на волнах радиостанции «Голос Вьетнама» с Обращением к соотечественникам, в котором сказал: «Война может продлиться 5, 10, 20 лет и даже больше. Ханой, Хайфонг и некоторые другие города, как и многие предприятия, могут быть разрушены, но ничто не запугает вьетнамский народ! *Нет ничего дороже независимости и свободы!* Придет день Победы, и наш народ сделает свою страну еще более величественной и прекрасной»⁴. Как идея, действительно, овладевшая массами, эти слова стали величайшей материальной силой, позволившей вьетнамскому народу одержать историческую победу, освободить Южный Вьетнам, воссоединить родину и начать строительство

новой жизни. Они и сегодня остаются девизом всей внешней политики страны. К ним постоянно обращаются руководители партий и государства в самые трудные моменты.

Регион Восточного моря (Восточным во Вьетнаме называется Южно-китайское море) в целом оспаривается претендующими на суверенитет Китаем, Вьетнамом, Филиппинами, Тайванем и в меньшей степени Малайзией, Брунеем и Индонезией, которые все вместе составляют побережье этого моря, правовой статус которого остается не определенным. Территориальные претензии этих государств на всю или часть акватории, исключительные экономические зоны (ИЭЗ) и границы континентального шельфа все больше угрожают превратить регион в опасный очаг глобального конфликта

Главными протагонистами споров в этом регионе многие годы выступают Китай и Вьетнам. Территориальный спор с Китаем является самой «горячей проблемой в общественном мнении страны. Прошедший 2014 год выдался в этом отношении особенно напряженным. 1 мая 2014 г. Китай выдвинул свою гигантскую платформу для глубоководного бурения на нефть и газ HD 981 в район Парасельских островов на 80 миль в пределы исключительной экономической зоны (ИЭЗ) Вьетнама.

Вьетнамская дипломатия оказалась, по словам заместителя премьер-министра и министра иностранных дел Фам Бинь Миня, перед самыми серьезными вызовами за многие годы. Во весь рост перед ней встала задача сохранить мирные условия и стабильность в регионе, необходимые для развития страны, и одновременно защитить независимость и территориальный суверенитет в штормующих волнах Восточного моря...»⁵.

17 июля Китай был вынужден вывести свою буровую платформу. В международном сообществе в целом высоко оценили действия вьетнамского руководства в ходе возникшего тогда острого кризиса. Оно не дало втянуть себя в ловушку, проявило высокую ответственность, выдержку и хладнокровие, несмотря на беспрецедентное давление извне со стороны некоторых кругов вьетнамской диаспоры в США и изнутри со стороны определенной части собственной интеллигенции и студенческой молодежи.

Вьетнам живет в условиях мира и делает все, чтобы этот мир и всестороннее сотрудничество с великим северным соседом сохранить и укрепить. Но мир для него, как завещал президент Хо Ши Мин, неотделим от независимости и свободы. Сама легитимность политического строя, руководящая роль КПВ вытекают из истории национально-освободительной борьбы народа за свободу и независимость. Он никогда не согласится с такими условиями мира, которые означали бы для него утрату независимости, неравноправие, покушение на его территориальный суверенитет.

Вьетнам неоднократно заявлял о стремлении мирно разрешить эти споры путем переговоров. Но просто переговоров недостаточно. Необходимо, чтобы они проводились на основе действующего международного права, а конкретно Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, подписанной и ратифицированной обеими странами, а также Декларации 2002 г. Китая и стран АСЕАН о поведении сторон в Южно-китайском море (DOC). Вьетнам также выступает за то, чтобы эти переговоры были открытыми, а не тайными, как предпочитает Китай, который в этой связи обвиняет Вьетнам в стремлении интернационализировать спор и втянуть в него другие страны, АСЕАН и другие международные организации.

Открытость, как считают во Вьетнаме, позволит всему мировому сообществу видеть, кто прав, кто нет. Для малой страны — это средство защитить себя, убедиться в своей правоте и возможность для других оказать ей поддержку. Отказ от открытости означает неуверенность в своей правоте и обоснованности своих аргументов.

Если говорить об интернационализации, как о втягивании в разрешение спора в качестве арбитров государств, не имеющих никакого отношения к проблемам суверени-

тата в регионе, а тем более о том, чтобы опереться на их силу для получения преимуществ на переговорах, то этого Вьетнам никогда не делал. А то, что он доводит до сведения мирового сообщества положение дел, прислушивается к его мнению на двусторонних и многосторонних переговорах нельзя считать интернационализацией конфликта.

Он выступает за решение этих проблем непосредственно между Китаем с одной стороны, и Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Брунеем и Индонезией, с другой. Если вопрос касается только двух стран, как например проблема Парасельских о-вов, то она должна решаться на двусторонних переговорах, Если же вопрос касается 3–4 стран, то он должен рассматриваться с их равноправным участием. И он не пытается привлечь кого-либо в качестве арбитра.

Тем не менее, в полном соответствии с международным правом, Вьетнам не исключает в случае необходимости обращения к международному правосудию. Так, в связи с началом работы Международного арбитражного суда в Гааге по иску Филиппин против КНР в декабре 2014 г. Вьетнам направил туда меморандум с подробным изложением своих аргументов в территориальном споре и с просьбой при рассмотрении этого вопроса учитывать и его законные интересы.

С точки зрения вьетнамских политиков, защита территориальной целостности и сохранение стабильных мирных отношений в регионе — это две задачи, которые не только не противоречат друг другу, но неразрывно связаны, так как одно невозможно без другого. Ключ к достижению обеих целей — неукоснительное соблюдение норм международного права и осуществление на практике принципа мирного разрешения всех споров и разногласий. И потому даже в самые напряженные моменты летнего кризиса 2014 г. в Восточном море они терпеливо вели диалог, добиваясь его мирного разрешения, и одновременно продолжали сотрудничество с Китаем во многих областях.

1. Об этом он писал и в большой статье « Великая Октябрьская революция открыла путь к освобождению народов», опубликованной в «Правде» в октябре 1967 г. по случаю 50-летия Октябрьской революции.
2. См. подробнее: *Воронин А.С., Кобелев Е.В.* СССР // Россия с Вьетнамом — 60 лет вместе. Общество российско-вьетнамской дружбы. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2010; Российско-вьетнамские отношения: современность и история. Взгляд двух сторон: Сб. ст. / РАН, ИДВ РАН, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. М., 2013.
3. Vietnam News Agency 01/10/2015 18:02 GMT.
4. *Ho Chi Minh*. Toan tap, SDD, t. 10, tr.108 [Хо Ши Мин: Полн. собр. соч.]. Т. 10. С. 108.
5. URL: www.Vo ngoai giao vn. Chuong trinh "Dan hoi — Bộ trưởng trả lời" ngày 4/1.

Арктическая политика Японии и интересы России

© 2015

А. Курмазов

В последние годы заметно усилился интерес Японии к использованию потенциала Арктики. В круг японских арктических интересов входят Северный морской путь, научные исследования Арктики, конкуренция с соседними азиатскими странами по поводу освоения арктических богатств, территориальный вопрос с Россией в эпоху Северного морского пути. Анализ этих направлений показывает стремление Японии повысить свою значимость в Арктическом совете.

Ключевые слова: Арктика, Япония, Россия, Северный морской путь, Арктический совет, научные исследования, разработка ресурсов.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе к Арктике обычно относят территории и пространства Мирового океана, расположенные к северу от 60° с. ш, включая Берингово, Чукотское и другие моря, прилегающие к Северному Ледовитому океану¹.

В северной части Тихого океана, которая в последнее время все больше начинает рассматриваться и с учетом ситуации, складывающейся в арктическом регионе, российская позиция сталкивается с интересами, прежде всего, США и Канады. Эти страны также относятся к арктическим прибрежным государствам и имеют в этом регионе общие морские границы с Россией. Однако в последнее время к Арктике все больший интерес проявляют неарктические страны — Китай, Япония, Республика Корея и др. И с этим также приходится считаться.

Япония не является приарктическим государством, но не желает оставаться в стороне от мировых процессов оценки, разработки и использования разнообразных ресурсов и возможностей арктического региона, используя для этого приобретенный ею статус «наблюдателя» в международном Арктическом совете.

О неподдельном интересе Японии к проблемам Арктики и в первую очередь к Северному морскому пути (СМП) свидетельствует создание в 2012 г. парламентской Лиги за обеспечение безопасности СМП под председательством премьер-министра С. Абэ.² Вялотекущие исследования СМП велись в Японии, начиная с 1995 г. после распада СССР. Их активизация началась после того, как этим вопросом стали плотно заниматься восточноазиатские соседи Японии — Китай и Республика Корея³.

Концентрированный интерес к арктической проблематике, включая возможности использования СМП, исходит и от неправительственных организаций. В частности, со стороны Азиатско-Тихоокеанского форума (АТФ). Практический интерес к проблеме использования СМП проявляет и крупный японский бизнес.

Мониторинг ситуации вокруг арктической проблематики в Японии показывает, что существует несколько достаточно «выпуклых» проблем, которые явным образом ин-

---

Курмазов Александр Анатольевич, кандидат экономических наук, первый секретарь Посольства Российской Федерации в Японии, г. Токио. E-mail: kurmazov55@mail.ru.

тересуют японское правительство. К таким проблемам по степени важности относятся следующие:

- возможность практического использования Северного морского пути (СМП);
- научные исследования арктических морей для углубления научных знаний в области океанологии, физики и химии вод арктических морей, для получения новых научных данных о морских биологических ресурсах, а также в целях прогнозирования долгосрочных климатических изменений;
- приобретение статуса «наблюдателя» при Арктическом совете Японией и другими странами АТР;
- расширение сотрудничества и одновременно конкуренции России с Китаем и другими азиатскими странами в деле совместной разработки ресурсов Арктики, в первую очередь, месторождений углеводородного сырья;
- обеспечение Россией своих интересов в Арктике военными и техническими средствами.

Не оставили в Японии без внимания и проблему «северных территорий» в свете повышения значимости Арктики для ведущих стран мирового сообщества.

Северный морской путь

Первые сообщения в Японии об успешной проводке по Севморпути танкера с грузом сжиженного газа, которую осуществила российская госкорпорация «Газпром», были опубликованы японскими СМИ в июне 2012 г.⁴. Конечным пунктом доставки был японский порт Кита-Кюсю. Арендованный «Газпромом» норвежский танкер вышел 7 ноября 2012 г. из норвежского порта Хаммерфест и 5 декабря 2012 г. прибыл в точку назначения. В полярных морях России проводку танкера обеспечивал атомный ледокол.

«Газпром» строит планы разработки газовых месторождений на полуострове Ямал, чтобы затем использовать СМП для транспортировки газа в страны АТР и Европу.

После этого японские эксперты стали проявлять повышенное внимание к возможности использования СМП, выделяя такие ключевые моменты, как значительная экономия времени и транспортных расходов. Считается, что Хоккайдо с его портами может стать одним из ворот этой важной транспортной артерии, повышенное внимание стало привлекать обострение противоречий заинтересованных стран по поводу использования пространств и ресурсов Арктики. В мае 2013 г. при поддержке России (как отмечали японские источники⁵) Япония была наделена статусом наблюдателя в Арктическом совете и «получила опору для активизации своей позиции в Арктике»⁶.

Японские аналитики обращают внимание на тот факт, что если в 2010 г. Россия провела по СМП 4 транспортных судна, то в 2011 г. 34 судна, а в 2012 г. уже 46 транспортных судов. Этот флот использовался для каботажных перевозок, но большей частью для транспортировки дизельного топлива и железной руды в основном в Китай и Республику Корея. Тем самым Россия повышала признание действительного потенциала СМП⁷. В 2013 г. темпы роста проводок судов по Севморпути резко выросли до 71 судна⁸.

В апреле 2013 г. правительство Японии на основании решения парламента впервые включило тему освоения Арктики в Морской генеральный план. Министерство государственных земель и транспорта получило отдельный бюджет на исследование экономических и других перспектив и выгод, а также юридических аспектов использования СМП⁹. Из-за значительных различий в законодательствах разных стран, которыми могут регулироваться отношения в связи с использованием Арктики, возникает множество проблем, решение которых не является компетенцией бизнеса. В основном субъектами арктической деятельности могут выступать только государства.

Для проработки, в том числе, и этих вопросов в сентябре 2013 г. в Японии были проведены два международных симпозиума (в Токно и Саппоро) с участием российских, американских и норвежских специалистов по проблемам Северного морского пути¹⁰. То, что часть работы прошла в Саппоро, не случайно. Япония стремится обеспечить себе особую роль в эксплуатации СМП. Речь идет о представлении мировой общественности острова Хоккайдо как ворот в Азию на этом пути. Портом базирования судов, следующих по СМП, Япония предлагает сделать Томакомаи.

В настоящее время Япония обеспечивает себя поставками энергетического сырья с ближневосточного направления, североамериканского и южного — из Австралии. Осталось неосвоенным только северное направление — СМП. Учитывая напряженную обстановку на Ближнем Востоке, диверсификация морских путей доставки углеводородного сырья становится для Японии очень важной задачей¹¹.

Важным шагом в этой связи станет налаживание регулярных поставок сжиженного газа с полуострова Ямал на арктическом побережье Сибири. Линию по доставке газа, добываемого в этом арктическом районе России, будет обслуживать крупнейший японский морской перевозчик «MITSUI O.S.K. Lines Ltd». Газ будет доставляться как в Японию и другие страны Северо-Восточной Азии, так и в европейские страны. Ежегодный объем перевозок сжиженного газа прогнозируется в 3 млн т¹².

В то же время японские аналитики признают наличие проблем, которые устранить трудно, но они будут оказывать влияние на степень эффективности эксплуатации СМП. Это, в первую очередь, суровые климатические условия, из-за которых могут меняться длительность навигации и скорость проводки судов. Кроме того, использование ледокольного флота для сопровождения транспортов значительно удорожает эксплуатацию СМП. Также Японию тревожит безлюдное побережье и слабая инфраструктура российских портов за полярным кругом¹³.

И, наконец, об украинских событиях, в которых также усматривается возможность повлиять на расклад сил в арктической политике. Охлаждение отношений с Европой развернет Россию лицом к Азии. В азиатские страны начнет поступать больше энергоносителей российского производства. И здесь надежды возлагаются на СМП, несмотря на все вскрытые сложности¹⁴.

Научные исследования арктических морей

Научные исследования арктических морей для углубления научных знаний в области океанологии, физики и химии вод арктических морей, а также для получения новых научных данных о морских биологических ресурсах — это именно то направление, на котором Япония могла бы, и уже пытается, внести свой практический вклад в изучение и освоение Арктики. Эта страна позиционирует себя как ближайшее к Арктике азиатское государство и должна этим преимуществом пользоваться. Поэтому необходимо раскручивать не только «хоккайдскую карту азиатских ворот», но и вести научные исследования в арктических районах. В частности, в привязке к проблеме СМП важнейшим вопросом является мониторинг распределения льдов. В настоящее время японские ученые для исследования этого вопроса используют международный ресурс — данные российских съемок и исследований, а также данные спутниковых наблюдений США¹⁵.

Одновременно правительством Японии принято решение о создании необитаемого подводного научно-исследовательского аппарата для изучения условий распределения арктических льдов из толщи воды¹⁶. Необходимость постоянного мониторинга состояния льдов в Арктике, регионе еще мало изученном, в комментариях не нуждается. При проводке судов надводные инструменты наблюдений для обеспечения безопас-

ной навигации в сложных ледовых условиях явно недостаточны. Наблюдения из толщи воды дадут много больше информации для безопасности мореплавания, включая толщину льда и формирование подводных торосов, а также соленость воды, направление течений и многое другое.

Изучение состояния арктических льдов важно еще и потому, что изменения ледяного покрова, особенно если они будут проходить быстро, без сомнений скажутся на подвижках в климате и состоянии экосистем.

Для восполнения пробелов в системе арктических знаний в 2013 г. Япония провела комплексную научную съемку в северной части Берингова моря и в прилегающей к Берингову проливу части Чукотского моря, использовав научно-исследовательское судно Хоккайдского университета «Осёро-мару». Проведенные исследования можно расценивать как серьезную заявку на признание Японии полноценным членом «Арктического клуба». Видимо, и правительство Японии рассчитывает именно на подобную оценку.

Даже краткое перечисление пунктов проделанной научной работы показывает масштабность проекта: определение скорости и характера течений, измерение температуры воды, сбор образцов планктона, сбор образцов ихтиофауны, наблюдения за морскими птицами и китообразными, сборы проб для определения содержания микроэлементов в морской воде и ее кислотность, а также некоторые другие наблюдения и сборы проб¹⁷.

Перечисленные работы проведены в рамках пятилетней программы GRENE, сформированной для изучения климатических изменений в Арктике Министерством образования и науки Японии в 2011 г. Данная программа обеспечивается из государственного бюджета, ежегодный размер ее субсидирования равен 600 млрд иен. В исследованиях по данной программе участвуют около 300 ученых из 35 научно-исследовательских институтов и университетов¹⁸.

Основной целью данных работ называют прогнозирование предстоящих изменений в состоянии арктической экосистемы в результате происходящих в настоящее время климато-океанологических перемен. В результате таяния полярных льдов в Чукотском море может произойти взрывное увеличение биомассы планктона, вслед за которым нельзя исключать появление в арктических морях обитателей Берингова моря — минтая и даже лососей.

Уменьшение площади ледового покрова в Баренцевом море может привести к смещению циклонической активности на север, активизации и, главное, расширению сибирского антициклона, что может отразиться на климате Японии, сделав зимы на островах более холодными.

Будущее японских арктических исследований в ближайшие годы может оказаться под большим вопросом. Упомянутое судно «Осёро-мару» в ходе арктических исследований выполнило последний свой рейс и будет списано. Подводный необитаемый аппарат пока еще находится в состоянии проекта. Да и его практическое использование всех проблем не решит.

Научные суда ледового класса есть только у Министерства обороны Японии. Согласно закону «О силах самообороны» это министерство может вести научные исследования только в Антарктике. В этой связи заинтересованные министерства Японии (Министерство науки и образования, Министерство государственных земель и транспорта) приступили к рассмотрению вопроса о строительстве нового научного судна ледокольного класса специально для арктических исследований. Для этого понадобятся средства в размере нескольких сотен миллионов долларов¹⁹.

Судно предназначается для международных исследований и будет принимать на борт иностранных ученых для выполнения международных программ, также будет вести

самостоятельные работы в Северном Ледовитом океане. И то и другое должно подчеркнуть возрастающее присутствие Японии в Арктике²⁰.

Определенную часть рыбных ресурсов Берингова моря для нужд внутреннего рынка Японии получает, ведя промысел в российской части моря и осуществляя закупки рыбного сырья из этого района у России и США. На Алеутских островах действуют дочерние предприятия японских компаний по производству сурими из минтая. Распределение его скоплений в беринговоморской зоне США в последние годы сильно изменилось, промысел сместился в сторону российской зоны на 400–500 км от береговых обрабатывающих баз, что ведет к дополнительным расходам на переходы и транспортировку улова²¹.

Климато-океанологические изменения могут привести к изменениям в распределении и состоянии запасов промысловых объектов, в получении которых заинтересована Япония. В 2008 г. Хоккайдским университетом проведены исследования состояния ледового покрытия в Беринговом море, а также в южной части Северного Ледовитого океана. Такие исследования не проводились Японией в этих районах 15 лет. Новые данные позволили оценить направленность изменений, в том числе и в состоянии рыбных запасов, которые произошли за этот период.

Приобретение Японией и другими странами АТР статуса «наблюдателя» при Арктическом совете

Арктический совет был создан в 1996 г. восемью странами, которые имеют территории за полярным кругом. К этим странам относятся Россия, Финляндия, Дания, США, Канада, Швеция, Исландия, Норвегия. Статус наблюдателей в совете в настоящее время имеют Франция, Голландия, Италия, Германия, Великобритания, Испания, Польша, а также пять азиатских государств — Япония, Индия, Республика Корея, Китай, Сингапур.

Япония получила статус страны-наблюдателя в Арктическом совете одновременно с Китаем и Республикой Корея в мае 2013 г. Китай и Корея подали заявки в Арктический совет в 2006 г., Япония — в 2009 г., что свидетельствует о более позднем пробуждении интереса японского правительства к арктической проблематике по сравнению с другими восточноазиатскими странами. В марте 2013 г. в Японии учреждена должность посла по проблемам Арктики, который стал наводить контакты с представителями стран-участниц Арктического совета²². Страна-наблюдатель не имеет права решающего голоса, но может делать заявления после специального разрешения председателя совета. В целом статус наблюдателя позволяет оценивать ситуацию в совете и направления ее развития.

Рассмотрение заявок стран, которые хотели бы получить статус наблюдателей в совете, откладывалось дважды — в 2009 и 2011 гг. Против увеличения числа наблюдателей резко выступали Канада, а также Россия, которая позднее изменила свою позицию. Эта преграда была преодолена по двум причинам. Во-первых, стали усиливаться протесты против того, что богатейшие ресурсы недр Арктики будут присвоены странами участниками Арктического совета. Во-вторых, Исландия, которая поддерживала увеличение числа наблюдателей, заявила, что она в противном случае будет создавать альтернативную международную организацию по Арктике²³.

Сильного алармизма в японских настроениях по вопросу получения статуса наблюдателя не чувствуется, отмечается лишь факт более позднего выдвижения Японией в сторону Арктики, но ревнивая оценка действий по поводу Арктики своих ближайших соседей прослеживается. Правительственные источники (в отличие от крупного бизнеса)

сообщают лишь о рассмотрении использования СМП, но не касаются проблемы освоения и разработки ресурсов этого региона. Также отмечается, что Япония традиционно проявляла повышенный интерес к исследованию Антарктики, а к Арктике внимание возросло только после того, как Китай и Республика Корея подали заявки в Арктический совет на получение статуса наблюдателей²⁴.

Сотрудничество и конкуренции России с Китаем и другими азиатскими странами в деле совместной разработки ресурсов Арктики

Китай стремится играть собственную, самостоятельную роль в освоении Арктики. КНР пытается наладить контакты по поводу Арктики с североевропейскими странами, в частности, с Арктическим научным агентством, которое создано Данией, Швецией, Норвегией, Исландией и Финляндией. С этим агентством в декабре 2013 г. была достигнута договоренность об учреждении в Шанхае Китайско-Североевропейского арктического научного центра. Основными направлениями работ этого центра станут климатические изменения за полярным кругом, разработка арктических ресурсов и морские арктические пути²⁵.

Свою независимую арктическую позицию Пекин продемонстрировал в 2012 г., успешно осуществив в сотрудничестве с Исландией проводку научно-исследовательского судна не через прибрежные полярные воды России, а через более высокие широты, минуя СМП. В следующем 2013 г. из Китая в Европу через Северный Ледовитый океан было доставлено 20 тыс. т коммерческого груза. При этом планируется, что к 2020 г. этим путем в Европу из Китая будет доставляться до 15% грузов²⁶.

Китай называет опорным портом Северной Европы в начале Северного морского пути исландский Рейкьявик, поэтому с Исландией отношения КНР укрепляются все активнее. Однако своих амбиций как страна базового порта в Азии в конце СМП Китай пока не демонстрирует. Хотя, как считают в Японии, такими портами могли бы стать Дальняя или Шанхай. Китайские же специалисты на этот счет отвечают, что «в конечном счете, базовый порт для себя определяют судовладелец и грузовладелец, исходя из стоимости транспортировки и скорости». И с этим трудно не согласиться.

В Японии считают, что полярные амбиции России были уязвлены проводкой китайского научно-исследовательского судна, минуя СМП. Коммерческое использование СМП предполагает обязательное использование (разумеется, платное) российских ледоколов, а также сборы за проход по этому пути.

По информации японских СМИ²⁷, в ходе встречи на высшем уровне 29 апреля 2013 г. российская сторона выразила озабоченность активизацией морской деятельности Китая в северных широтах, в Северном Ледовитом океане. Российско-японское совместное отношение к данным действиям Китая, в частности, к его морскому гегемонизму, было отражено в совместном заявлении лидеров двух стран по итогам встречи на высшем уровне в апреле 2013 г.²⁸

Вбивание клина в российско-китайские отношения по поводу Арктики японскими СМИ на этом не заканчивается. Отмечая факт выхода 5 кораблей китайских ВМС через пролив Лаперуза в Охотское море в июле 2013 г., японские аналитики преподносят это событие «как приведшее в ярость российскую сторону», поскольку Россия считает Охотское море своим «санктуарием»²⁹.

В сентябре 2012 г. научную съемку в Северном Ледовитом океане осуществило судно ледового класса «Араон», принадлежащее НИИ полярных исследований Республики Корея³⁰. Пусан и Ульсан — дополнительные и мощные аргументы Республики Ко-

рея в арктической игре в свою пользу. Это удобные и привлекательные со всех сторон порты с точки зрения конечных точек СМП.

В противовес этому японские специалисты выдвигают следующее обоснование для защиты японских экономических интересов. СМП, вероятнее всего, будет открыт для судоходства 5 месяцев в году. Порт Томакомай находится на таком расстоянии, например, от Мурманска, которое крупные контейнеровозы могут преодолевать за две недели. То есть вполне вероятно осуществить за месяц рейс туда и обратно. Этот японский порт мог бы стать перевалочным пунктом СМП в точке, где северные условия уже не станут ограничителем судоходства. А доставленные грузы могут из этого порта транспортироваться дальше — в южные районы Азии³¹.

Хоккайдо может сыграть в этом вопросе еще одну вспомогательную роль. Порты восточного Хоккайдо Кусиро и Нэмуно смогли бы сыграть роль портов-убежищ на случай сильных штормов.

Японские оценки обеспечения Россией своих интересов в Арктике военными и техническими средствами

Свои планы с использованием арктического потенциала Япония тесно связывает с вопросами безопасности. Японские исследователи арктических проблем выделяют две главные составляющие на этом направлении — военную и ледокольную, иными словами — техническую.

В Японии незамедлительно отреагировали на выступление Президента России В.В. Путина 10 декабря 2013 г. перед представителями Министерства обороны и командным составом Вооруженных Сил, процитировав его в части, касающейся необходимости применения всех возможных средств для обеспечения безопасности и российских государственных интересов в Арктике. Японские СМИ также обратили внимание на указание российского президента сформировать в Арктике специализированные воинские формирования и ускорить оборудование в регионе военных баз.

В практическом плане это означает, в первую очередь, строительство взлетно-посадочных полос и оборудованных причалов на архипелаге Земля Франца-Иосифа и на Новосибирских островах, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение арктических воинских подразделений с целью постоянного базирования здесь военной авиации и ВМФ России. В Японии вполне резонно считают, что данными действиями Россия стремится усилить сдерживание нарастающей активности в Арктике со стороны США, Канады и Китая. Как отмечают японские СМИ: «Россия стремится обеспечить себе лидирующие права на освоение Арктики, богатой природными ресурсами. Россия заявляет себя в Арктическом регионе новой «зоной наибольшего влияния», стратегическое значение которой неуклонно возрастает»³².

Достаточное обеспечение морских арктических районов ледокольным флотом — вопрос не менее важный, чем создание военной инфраструктуры. Он напрямую связан с гарантией безопасности транспортных потоков.

В Японии внимательно оценивают ледокольный парк России и планы по его усовершенствованию, отмечая неизбежный выход из строя в скором будущем имеющихся ледоколов, число которых в 2012 г. снизилось с 7 до 6 единиц³³. Рост грузопотоков на СМП увеличивается, активизируются и работы по освоению ресурсов арктического шельфа. Поэтому России не обойтись без мощного ледокольного флота, в том числе с атомными двигательными установками.

В настоящее время флагманом российского атомного ледокольного флота является самый крупный в мире ледокол-атомоход «50-летие Победы». Из трех запланиро-

ванных для постройки атомных ледоколов один станет крупнейшим в мире и превзойдет по параметрам нынешнего лидера этого флота. Он будет способен пробивать путь во льдах толщиной 4 метра.

Российско-японская территориальная проблема в эпоху СМП

Японцы считают началом СМП не север Европы, а Азию и, в частности, Японию. И в этом начале как раз находятся южные Курилы, которые в Японии называют «северными территориями», и Охотское море, к прибрежным государствам которого она себя относит.

По мнению профессора университета Токай Ё Ямада, если СМП действительно заработает, то станет активным движение судов через пролив Екатерины (разделяет острова Кунашир и Итуруп Южно-Курильского архипелага). Через данный проход уже осуществляется транспортировка сжиженного газа с Сахалина в Японию. Судостроение в этом районе становится все более оживленным. Морские акватории, где необходимо поддержание порядка и безопасности со стороны России, расширяются. Обеспечение подобных условий в этом проливе и других смежных акваториях будет большой и трудной задачей для России, поскольку, по мнению японских аналитиков, она не обладает достаточным опытом такой деятельности³⁴. Поэтому Япония в данной ситуации должна предложить совместное управление судостроением в этом морском районе. Углубляя двустороннее сотрудничество на этом участке, можно будет продвигаться и в решении территориальной проблемы. Это дополнительное направление работы дипломатов двух стран³⁵.

В любом случае понимание того, каким образом сформируются новые мировые транспортные потоки, крайне важно для Японии, всецело зависимой от морских торговых путей. Возможно, эти изменения характера морских путей помогут по-другому взглянуть и на проблему «северных территорий», создадут почву для возникновения новых идей ее решения. Этот шанс Япония также не собирается упускать. Какая новая экономическая и логистическая конструкция может возникнуть в этом районе? Этот вопрос сейчас основательно изучается Министерством государственных земель, инфраструктуры и транспорта Японии.

Упомянутая идея ключевых перевалочных портов на Хоккайдо также рассматривается как один из возможных инструментов улучшения общего климата отношений двух стран на экономической почве. Правда, роль дипломатов при этом в определенной степени отодвигается на задний план. На первую по значимости роль выдвигаются коммерческие соображения, связанные с преимуществом снижения расходов при транспортировке грузов с других континентов. Кроме того, важную роль должны сыграть специально подготовленные российские экипажи, имеющие большой опыт проводок судов по Северному морскому пути. Именно они будут обеспечивать доставку значительной части грузов для Азии по СМП.

Единые экологические правила использования потенциала Арктики

Этот вопрос в Японии рассматривают в первую очередь с точки зрения заключения многосторонних конвенций, которые могли бы установить универсальные правила пользования пространствами и ресурсами Арктики.

Правовой режим Арктики кардинально отличается от международно-правового режима Антарктики, поскольку в арктическом регионе пока не действуют универсальные многосторонние договоры, как это имеет место в Антарктике (Договор об Антарктике 1959 г.). Прибрежные государства придерживаются разных подходов к проблеме Арктики.

Отсутствие единых правил является дестабилизирующим фактором в Арктике. Как на один из путей решения данной проблемы Япония смотрит с большой надеждой на способность Арктического совета срочно выработать единые для всех правила с учетом сохранения легкоуязвимой арктической природной среды, которые имели бы «сдерживающую силу»³⁶.

Вполне очевидно, что усиление экономической деятельности в арктическом регионе приведет к дальнейшему таянию льдов или другим пагубным последствиям в результате изменения окружающей среды и состояния экосистем. Сказать свое веское слово и внести вклад, который бы был оценен международным сообществом, Япония намерена на научно-исследовательском поприще. Изучением природы Арктики и другими арктическими проблемами в Японии занимаются не менее 300 ученых, в основном из университетов на Хоккайдо. Их основная цель — разработка методов бережного использования пространственного и ресурсного потенциала Арктики.

В последнее время в Японии наблюдается рост интереса к арктической теме, что проявляется, в частности, в выработке четко очерченных планов использования арктического потенциала.

В основе такого подхода скорее всего лежит экономическая безопасность государства, которая может быть поддержана дополнительными ресурсами.

Круг арктических интересов Японии широк и разнопланов — от Севморпути до возможного появления новых подходов в разрешении территориального вопроса с Россией.

Для России в связи с этим важно использовать в своих интересах повышенное внимание Токио к проблемам Арктики.

1. United States Arctic Science Policy. Alaska Council of Science and Technology. 1983. 62 p.
2. Санкэй симбун. 2012. 2 авг.
3. Хоккайдо симбун. 2014. 2 авг.
4. Хоккайдо симбун. 2012. 6 дек.
5. Хоккайдо симбун. 2013. 23 июля.
6. Там же.
7. Хоккайдо симбун. 2013. 23 июля.
8. Асахи симбун. 2014. 23 янв.
9. Кокудо коцусё сэцумэйсирё [Перечень материалов Министерства государственных земель, инфраструктуры, транспорта и туризма]. Токио, 2013. 11 с. — URL: <http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/sanyo/dai14/siryou3.pdf>. (дата обращения: 21.08.2014).
10. Хоккёкукайкоро-но дзидзокутекина рйёни мукэта канкёходзэн никансуру тёсакэнкю хококу [Отчет о научных исследованиях, касающихся сохранения условий продолжительного использования Северного морского пути]. Токио: Фонд исследований по морской политике. 2014. Март. С. 74–75.
11. Нихон кэйдзай симбун. 2013. 16 авг.
12. Майнити симбун, 2014. 10 июля; Japan Times. 2014. 10 Jul.
13. Санкэй симбун. 2014. 4 янв.
14. Хоккайдо симбун. 2014. 3 авг.
15. Иомиури симбун. 2013. 15 авг. Веч. вып.
16. Санкэй симбун. 2014. 25 июля.
17. Хоккайдо симбун. 2013. 14 июня.
18. Хоккайдо симбун. 2013. 14 авг.
19. Хоккайдо симбун. 2014. 25 янв. Веч. вып.
20. Санкэй симбун. 2014. 26 янв.
21. Хоккайдо симбун, 2008. 9 авг.
22. Хоккайдо симбун. 2013. 16 мая.

23. Иомиури симбун. 2013. 16 мая.
24. Санкэй симбун. 2014. 4 янв.
25. Там же.
26. Там же.
27. Санкэй симбун. 2013. — 30 апр.
28. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1446 (дата обращения: 21.08.2014).
29. Хоккайдо симбун. 2014. 6 авг.
30. Иомиури симбун. 2013. 15 авг. Веч. вып.
31. Хоккайдо симбун. 2014. 2 авг.
32. Санкэй симбун. 2012. 15 авг.; Хоккайдо симбун. 2013. янв. Веч. вып.
33. Санкэй симбун. 2012. 2 авг.
34. *Kitagawa X.* Северный морской путь и будущее российско-японских отношений. URL: <http://www.nippon.com/ru/currents/d00099/> (дата обращения: 22 07 2014).
35. Хоккайдо симбун. 2013. 27 мая.
36. Хоккайдо симбун, 2013. 23 июля.

Экономика

«Новая нормальность» с китайской спецификой

© 2015

О. Борох

В статье рассматривается экономическая концепция «новой нормальности», сформулированная руководством КНР в 2014 г. Проведено исследование ее основных источников и ключевых этапов формирования, выявлены специфические характеристики, отличающие китайскую трактовку «новой нормальности» от западных подходов к описанию посткризисных процессов в мировой экономике.

Ключевые слова: «новая нормальность», Си Цзиньпин, Ли Кэцян, экономический рост, структурная перестройка, макроконтроль.

В 2014 г. в китайскую официальную лексику вошло понятие «новая нормальность» (*синь чантай*), указывающее на перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Его прообразом стало понятие *New Normal*, возникшее в западных экономических кругах для описания долгосрочного характера посткризисных негативных явлений в мировой экономике.

Концепция «новой нормальности» обрела популярность среди экономистов в 2009–2010 гг. благодаря выступлениям специалистов калифорнийского инвестиционного фонда PIMCO (*Pacific Investment Management Company*). Одним из ее авторов считается занимавший в то время пост главного исполнительного директора фонда Мохаммед Эль-Эриан¹. Эксперты предположили, что вместо привычного циклического восстановления мировой экономики после кризиса наступит длительный период медленного роста на фоне высокой безработицы. Развитие этих тенденций способно ослабить доминирование западных экономик, сблизить показатели уровня доходов и благосостояния стран Запада с растущими развивающимися экономиками. Рыночных факторов в условиях «новой нормальности» недостаточно для возобновления активного роста, государство также не обладает эффективными рычагами воздействия на экономику. Найти выход с помощью финансовых вливаний не удастся, поскольку причиной наступившего застоя стала высокая перекредитованность экономики.

Подобная трактовка «новой нормальности» не содержит указания на новые источники роста, она лишь констатирует, что «плохие» по докризисным меркам экономические показатели становятся «нормальными». Можно согласиться с мнением Е.А. Брагиной (ИМЭМО РАН), связавшей популярность термина «новая нормальность» с тем, что «под него можно подверстать все изменения, происходящие в мировой экономике».

«новая нормальность, внешне претендуя на новизну, не предлагает свежих решений или хотя бы попыток объяснить, что происходит в мировом экономическом организме»².

Китайская версия концепции «новой нормальности» заметно отличается от западной. В ней нет пессимизма, и она не предназначена для оправдания неудач в экономической политике правительства ссылками на негативные мировые тенденции. Вместе с тем, китайский вариант концепции сходным образом признает, что темпы экономического роста КНР после мирового кризиса 2008–2009 гг. уже не восстановятся до прежних двузначных показателей. Помимо внешних факторов, свою роль сыграли также внутренние изменения в китайской экономике, подробно исследованные российскими учеными³.

Замедление темпов роста экономики КНР стало особенно заметным в 2013–2014 гг., когда был исчерпан эффект антикризисного стимулирования предыдущего десятилетия. Очевидное торможение роста ВВП выглядело как политический вызов для китайского руководства, пришедшего к власти в конце 2012 г. Возникла необходимость объяснить суть происходящего и вписать новые тенденции в нормативную концепцию реформ, опирающуюся на тезис «развитие — непреложная истина». Китайским властям было важно избежать появления панических настроений, способных ослабить деловую активность и нанести еще больший вред экономической стабильности.

На официальном уровне «новая нормальность» представлена как содержательная программа действий, нацеленных на развитие экономики в изменившихся условиях. С этой точки зрения переход к другому этапу экономического роста есть объективный процесс, нуждающийся во всестороннем изучении. Внешний мир должен увидеть, что китайская экономика продолжает устойчиво развиваться, она здорова и жизнеспособна, а снижение темпов роста будет компенсировано повышением его качества.

Китайские руководители о «новой нормальности»

Тон обсуждению задал Си Цзиньпин. Впервые о «новой нормальности» он сказал в мае 2014 г. во время инспекционной поездки в провинции Хэнань. Китайский лидер отметил, что период стратегических шансов развития страны еще не завершен, необходимо укреплять уверенность и исходить из особенностей современного этапа экономического развития Китая. Он призвал приспособиться к «новой нормальности», в стратегии сохранять обычный настрой, а на уровне тактики обратить повышенное внимание на предотвращение рисков, заблаговременное планирование и превентивное принятие мер⁴.

29 июля 2014 г. в беседе с непартийной общественностью Си Цзиньпин вновь указал на необходимость добиваться правильного понимания этапных особенностей развития экономики Китая, укреплять уверенность, приспособляться к «новой нормальности»⁵. В тот же день состоялось заседание ПБ ЦК КПК, на котором обсуждались положение в экономике и направления экономической работы на второе полугодие 2014 г. Было дано пояснение, что развитие китайской экономики должно быть научным, инклюзивным и стабильным, подчиняющимся экономическим, естественным и общественным законам⁶. Упоминание о необходимости адаптироваться к «новой нормальности» в экономическом развитии содержалось в коммюнике 4-го пленума 18-го созыва в октябре 2014 г.⁷ Поскольку главной темой пленума были вопросы правовой реформы, экономическая тема «новой нормальности» в постановление не вошла.

В развернутом виде Си Цзиньпин представил понимание «новой нормальности» в речи на совещании руководителей торгово-промышленных предприятий в рамках АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. Содержание этого выступления стало определяющим для дальнейшего обсуждения проблемы. Китайский лидер выделил три особенности «новой нормальности» экономики КНР:

– происходит переход от роста высокими темпами к росту средне-высокими темпами;

– экономическая структура Китая постоянно оптимизируется, ее уровень повышается, третья индустрия и потребительский спрос постепенно выходят на главное место, различия между городом и деревней, а также межрегиональные различия постепенно ослабевают, результатами развития пользуются более широкие круги населения;

– главным двигателем роста вместо факторов производства и инвестиций становятся инновации.

Китайский лидер привел четыре характеристики развития экономики в условиях «новой нормальности», сделав акцент на создании новых возможностей.

Во-первых, хотя темпы роста экономики КНР замедлились, реальный прирост экономики по-прежнему велик. В частности, в 2013 г. прирост экономики был равен ее общему объему в 1994 г., если бы объем китайской экономики равнялся только этому приросту, страна занимала бы 17-е место в мире. Если рост на 7% в год продолжится, то по темпам роста и размеру экономики Китай будет по-прежнему в числе первых в мире.

Во-вторых, экономический рост становится более ровным и стабильным, двигатели роста обретают многообразие. Си Цзиньпин признал наличие беспокойства по поводу возможного дальнейшего спада китайской экономики. По его словам, риски действительно существуют, однако они не страшны, с ними можно будет справиться. Курс на индустриализацию нового типа, информатизацию, урбанизацию, модернизацию сельского хозяйства поможет справиться с «трудностями роста». Китайская экономика во все большей степени приводится в движение внутренним спросом, что позволяет избежать внешних рисков зависимости от экспорта.

В-третьих, экономическая структура улучшается, ее уровень повышается, перспективы развития становятся более стабильными. В качестве подтверждения были названы следующие показатели: за первые три квартала 2014 г. вклад конечного потребления в экономический рост Китая составил 48,5%, что превысило вклад инвестиций; добавленная стоимость в сфере услуг составила 46,7%, что в очередной раз оказалось выше аналогичного показателя во вторичном секторе экономики.

В-четвертых, правительство всеми силами уменьшает аппарат и свои полномочия, постепенно высвобождаются жизненные силы рынка. В частности, благодаря реформированию процедуры регистрации предприятий за первые три квартала 2014 г. число новых предприятий выросло по сравнению с предыдущим годом более чем на 60%.

Си Цзиньпин признал, что вместе с «новой нормальностью» появились новые противоречия и новые проблемы, некоторые скрытые риски вышли на поверхность. «Удастся ли приспособиться к новой нормальности — зависит главным образом от динамики всестороннего углубления реформ»⁸.

5 декабря 2014 г. на заседании ПБ ЦК КПК, проведенном накануне Центрального рабочего совещания по экономическим вопросам, отмечалось, что Китай вступил в период «новой нормальности». В условиях «новой нормальности», указывалось на совещании, происходят перемены, ставящие социально-экономическое развитие страны перед многочисленными трудностями и вызовами, которым следует уделять больше внимания⁹.

О наступлении эпохи «новой нормальности» было заявлено в докладе о работе правительства на 3-й сессии ВСНП 12-го созыва в марте 2015 г. Премьер Ли Кэцян указал на двойственный характер ситуации. С одной стороны, Китай нуждается в развитии, чтобы «устранить различные противоречия и риски, перешагнуть через “ловушку среднего дохода”, осуществить модернизацию». Для продолжения развития необходимо поддерживать «разумные» темпы роста. С другой стороны, экономика Китая вступила в период «новой нормальности». Стране предстоит преодолеть серьезные преграды, системно-институциональные изъяны и структурные противоречия играют роль «тигров, преграждающих путь». Чтобы добиться устойчивого и здорового развития экономики, нужно углублять реформы и проводить регулирование экономической структуры.

В докладе были упомянуты трудности в мировой экономике, которая пребывает в процессе глубокого урегулирования, не имеет достаточных движущих сил и сталкивается с нарастанием факторов неопределенности. По словам Ли Кэцзяна, «мировое сообщество пришло к единству мнений о необходимости стимулирования экономического роста, повышения занятости и структурной перестройки». Тем самым «новая нормальность» китайской экономики была сопряжена с глобальными процессами и общемировыми усилиями по преодолению угрозы долгосрочной стагнации.

Премьер призвал быть готовыми к новым трудностям и опасностям, отметив, что нисходящее давление на экономический рост КНР увеличивается, обнажаются глубинные противоречия. Вместе с тем, он указал: у страны есть большой потенциал для развития и пространство для маневра, что дает основания верить в грядущий успех. К «новой нормальности» нужно «инициативно адаптироваться», давая ей нужное направление. Лейтмотивом должно стать продвижение вперед в условиях стабильности и удержание экономики в «рациональном диапазоне» функционирования¹⁰.

В комментарии к докладу о работе правительства депутат ВСНП, заместитель руководителя Центра исследований развития при Госсовете КНР Лю Шицинь указал на важность определения правильной политики в отношении экономического роста. При искусственном повышении темпов развитие не будет устойчивым, отпускать экономику в свободное падение также недопустимо, «разумные пределы» — это показатель около 7% процентов в год. Такая цифра была указана в докладе Ли Кэцзяна как план прироста ВВП на 2015 г. Хотя это самый низкий показатель, обозначенный властями за десятилетие, экономисты полагают, что Китай может сохранять такой темп еще 20 лет¹¹.

В обзоре тенденций развития китайской экономики, подготовленном Институтом экономики АОН Китая, отмечалось, что на сессии ВСНП 2015 г. был представлен первый доклад правительства, отражающий вступление китайской экономики в «новую нормальность». Показатель роста 7% полностью учитывает это обстоятельство, принимает во внимание потребности стабильного экономического развития и урегулирования структуры, учитывает требования в области занятости, доходов и других аспектов народного благосостояния¹².

Особенностью доклада правительства стало соединение двух идейно-теоретических новшеств, предложенных Си Цзиньпином, — «новой нормальности» и «четырех всесторонностей». В Китае усматривают в них «две главные идейные линии при подготовке доклада»¹³.

Си Цзиньпин сформулировал положение о «четырех всесторонностях» в декабре 2014 г., оно включает всестороннее построение общества малой зажиточности (*сяокан*), всестороннее углубление реформ, всестороннюю опору на закон при управлении страной и всестороннюю строгость при управлении партией. Первые два компонента относятся к сфере экономики и реформ, два других указывают на планы реализации решений в области правовой системы, принятых на 4-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва, и усиления борьбы с коррупцией и разложением в партийных рядах.

Акцент на скоординированном осуществлении «четырех всесторонностей» и активной адаптации к «новой нормальности» как руководящих идеях доклада правительства указывает на повышение политического влияния Си Цзиньпина, выступившего автором обеих формулировок. В Китае признают, что подготовке доклада о работе правительства 2015 г. сопутствовало много указаний непосредственно от Си Цзиньпина¹⁴.

Вместе с тем, о значительном разрыве с прежней трактовкой китайских преобразований пока говорить не приходится. Доклад Ли Кэцзяна содержал унаследованные из прошлого ключевые положения о том, что Китай — развивающаяся страна, находящаяся на начальном этапе строительства социализма; что Китай пребывает в периоде стратегических шансов и обладает большими потенциальными возможностями. Новым стал тезис о вступлении экономики в сложный период «новой нормальности».

После завершения работы сессии ВСНП тема «новой нормальности» была затронута на пресс-конференции Ли Кэцзяна. Отвечая на вопрос о возможных выгодах «новой нормальности» и ее влиянии на Китай и на весь мир, премьер Госсовета КНР заметил, что достигнуть даже сниженных показателей роста будет нелегко с учетом масштабов китайской экономики. «Если в этом процессе мы сможем обращать достаточное внимание на качество, эффективность, чтобы экономика повышалась от средне-низкого уровня к средне-высокому, то тогда можно довольно длительное время придерживаться средне-высоких темпов роста. Это послужит прочной основой для осуществления модернизации, явится большим вкладом для всего мира».

Ли Кэцян заверил, что неконтролируемое снижение темпов роста Китаю не грозит. «Если замедление темпов негативно повлияет на занятость, доходы и др. и приблизится к нижней черте рационального диапазона, мы сможем одновременно со стабилизацией политики и долгосрочных ожиданий рынка увеличить динамику направленного макроконтроля, чтобы стабилизировать уверенность в рынке в текущий момент». Премьер отметил, что в последние годы китайские власти не проводили краткосрочную политику стимулирования, поэтому они располагают «сравнительно большим пространством для маневра при проведении политики», и в их «ящике с инструментами» остается достаточно много инструментов¹⁵.

Премьер призвал обратить внимание на то, что возможность усиления стимулирования экономики при увеличении трудностей носит гипотетический характер. «Я отнюдь не отрицаю, что есть давление вниз на китайскую экономику, налицо много рисков. Главное звено сейчас состоит в том, чтобы найти “точку баланса” между стабильным ростом и урегулированием структуры». Иллюстрируя эту мысль, он обратился к правилам игры в китайские облавные шашки «вэйци», где нужно уметь обдумывать стратегию (*моу ши*) и при этом делать группу шашек «живой» (*цзо хо*), то есть обладающей не менее чем двумя «глазами», как называют пустые пункты по соседству с группой. «Образно говоря, стабильный рост и структурная перестройка — это два глаза, если группа живая, можно разрабатывать большую стратегию, конечно, тут необходимы дар предвидения, упорство и смелость».¹⁶

Игра в облавные шашки считалась у китайцев одним из четырех достижений культуры (наряду с живописью, музыкой и поэзией), которыми должен владеть способный и уважающий себя ученый муж. Аналогия между экономической стратегией и правилами «вэйци» соответствует прививаемой Си Цзиньпином моде на китайский стиль и образы в политической лексике. К тому же этот образ удачно вписывается в современную трактовку китайских реформ как результата «проектирования сверху» (*динцэн шицзи*), а не эмпирического метода проб и ошибок в процессе «перехода реки по камням».

«Новая нормальность» в оценках китайских экономистов

Уже в начале августа 2014 г. после обнародования основных показателей за первое полугодие в «Жэньминь жибао» появилась серия комментариев под общей рубрикой «Китайская экономика при новой нормальности», дававших оптимистическую трактовку тенденций экономического развития. Снижение темпов роста в первой половине 2014 г. до 7,4% не должно вызывать опасений, поскольку за три десятилетия реформ Китай превратился в экономического «гиганта», у которого каждый процентный пункт роста представляет большую величину. Поддерживать прежние высокие темпы невозможно и ненужно, выполнить поставленную на XVIII съезде КПК задачу удвоения ВВП к 2020 г. можно и при более низких темпах.

В комментариях подчеркивалось, что «переключение передачи» от высокой к средне-высокой скорости движения не должно вызывать беспокойства. В условиях «новой нормальности» происходит переориентация на качество экономического роста, на

первый план выходят повышение эффективности, снижение издержек, упрочение устойчивости. Для этого требуется поменять способы макроконтроля и повысить внимание к структурному урегулированию экономики. Переход в «нормальное состояние» следует воспринимать как решающий период вывода экономики КНР на более высокий уровень, создания ее «усовершенствованной версии».

Для понимания «новой нормальности» представляют интерес ее сравнения с идеями стадийного развития, выдвигавшимися китайскими лидерами в прошлом. Акцент на важности правильного определения этапа, на котором находится страна, преподносится как неременная «предпосылка победы». В частности, речь идет о трех стадиях войны сопротивления Японии, обозначенных Мао Цзэдуном¹⁷. Более современным примером стала концепция «начальной стадии социализма», появившаяся в период реформ в 1980-е гг. В связи с появлением «новой нормальности» речь о пересмотре «начальной стадии социализма» не идет, однако китайские авторы призывают выделять в ней более мелкие этапы. Китай по-прежнему находится на «начальной стадии социализма», но внутри этого «большого этапа» экономического развития сменялся «малый этап»¹⁸.

После Центрального совещания по экономической работе в китайских публикациях появились призывы проводить в 2015 г. активную адаптацию к «новой нормальности». В широком смысле эта концепция означала, что прежняя привычная ситуация ушла в прошлое, в связи с чем возникла потребность не только в смене экономической политики, но и в психологической подготовке к восприятию изменившейся реальности. В духе марксистского понимания объективного характера экономических законов было подчеркнуто, что замедление темпов при «новой нормальности» происходит «в соответствии с экономическими законами, независимо от воли людей». Хотя новая ситуация вызывает психологический дискомфорт, необходимо понять сложившуюся реальность и действовать в соответствии с изменившейся обстановкой.

По мнению профессора Чжэн Гунчэна из Народного университета Китая, переход от экстенсивного высокого роста к «новой нормальности» средне-высоких темпов будет трудным, сложности будут возникать в ходе изменения структуры экономики, потребуются усилия и для преодоления побочных эффектов прежней политики инвестиционного стимулирования. В то же время ученый полагает, что сложный этап оптимизации структуры дает шанс добиться стабильного повышения качества экономики¹⁹.

Известный экономист Чжан Чжоюань отметил, что концепция «новой нормальности» пришла на смену выражению «три наслаивающихся периода», которое использовалось китайскими руководителями с середины 2013 г. при характеристике современного этапа экономического развития Китая. «Три наслаивающихся периода» — это периоды «смены передачи» в темпах роста, структурного урегулирования и «переваривания» последствий предшествующей политики стимулирования. Чжан Чжоюань считает концепцию «новой нормальности» более предпочтительной по сравнению с формулировкой о «трех периодах». Хотя первый и второй пункты прежней формулировки в целом совпадают с первыми двумя характеристиками «новой нормальности», предложенными в выступлении Си Цзиньпина на саммите АТЭС, однако третья характеристика представляется ученому более удачной, поскольку указывает на переход к новой модели экономического роста, принципиально отличающейся от предшествующей²⁰.

В июне 2013 г. появилось и широко распространилось понятие «ликономика» (Likoconomics), восходящее к имени китайского премьера Ли Кэцзяна. Это понятие придумал ведущий экономист «Барклайс Кэпитэл» (Barclays Capital) в Азии Хуан Ипин, попытавшийся выделить специфические черты экономической политики нового руководства КНР. По его мнению, «ликономика» опирается на снижение долговой нагрузки, отказ от широкомасштабных планов стимулирования экономики и проведение структурных реформ. Хуан Ипин предположил, что «ликономика» замедлит темпы ро-

ста экономики Китая в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе сделает ее более устойчивой.

О «ликономике» заговорили менее чем через год после смены партийного руководства на XVIII съезде КПК и всего лишь через три месяца после того, как Ли Кэцян занял пост премьера по итогам сессии ВСНП весной 2013 г. Хотя основные направления экономической политики нового руководства были выявлены правильно, дальнейшее развитие политических процессов внутри КНР продемонстрировало необоснованность привязки курса преобразований к имени премьера. После того, как в декабре 2013 г. по решению ПБ ЦК КПК Си Цзиньпин возглавил Руководящую группу ЦК КПК по всестороннему углублению реформ, роль Ли Кэцяна в разработке экономической политики ослабла.

Появление официально признанной концепции «новой нормальности» сделало понятие «ликономика» излишним. К тому же оно не было в полной степени новаторским — в 2012 г. появилось понятие «абэномика», описывающее экономические новшества японского премьера Синдзо Абэ. Содержательно «абэномика» была иной, поскольку опиралась на идею расширения масштабов экономического стимулирования, а не его сокращения. Однако с точки зрения политического контекста это понятие является более точным и уместным, поскольку указывает на имя настоящего автора и проводника экономического курса. Объединяет их то, что «абэномика» и «ликономика» обозначают среднесрочные (в пределах десятилетия) программы преобразований локального характера. «Новая нормальность» не является синонимом «ликономики», поскольку характеризует долгосрочные тенденции развития китайской экономики в глобальном контексте. Задача сохранения приемлемых темпов экономического роста сохранит свою актуальность и после 2022 г., когда нынешним китайским лидерам нужно будет, по сложившимся правилам, уступить место преемникам.

Появлению концепции «новой нормальности» предшествовало посвященное всестороннему углублению реформ постановление 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (2013 г.). Главная задача была сформулирована как урегулирование отношений рынка и правительства, при котором рынок играл бы решающую роль в распределении ресурсов, а правительство могло бы лучше выполнять свои функции. Решения пленума обозначили направления дальнейших преобразований в экономике. В условиях «новой нормальности» требуется обновить понимание макроконтроля, создать долгосрочные стимулы экономического развития. Китайские комментаторы подчеркивают, что руководство страны сформулировало трезвую оценку и важную характеристику экономической ситуации, которая имеет определяющее значение для будущего направления макроэкономической политики²¹.

Китайские авторы подчеркивают, что «новая нормальность» требует «нового менталитета» и «нового понимания». Они призывают уяснить, что к поиску возможностей ускорения темпов стремиться больше не следует, даже если в прошлом эта задача носила приоритетный характер. Теперь приоритет — за качеством функционирования экономики. Благодаря быстрому росту за годы реформ Китай создал высокую базу для дальнейшего развития, что позволяет не бояться снижения темпов. Удорожание факторов производства и давление со стороны экологических ограничителей роста диктуют необходимость изменения структуры, а это возможно только при снижении темпов роста²².

Содержание экономической политики периода «новой нормальности» объединяет ряд направлений, которые были разработаны в предыдущие годы — это развитие инноваций, защита окружающей среды, сокращение избыточных мощностей. В конце прошлого десятилетия после мирового кризиса реализация этих лозунгов отошла на второй план, когда государство прибегло к крупным инвестиционным проектам для защиты экономики от неблагоприятных внешних импульсов. Теперь признание объективного харак-

тера замедления темпов роста позволяет соединить прежние инициативы воедино в рамках концепции «новой нормальности».

На главное место выходит «новый макроконтроль», предполагающий отказ от широкомасштабного стимулирования экономики в пользу взвешенного и выборочного подхода, приверженности последовательной и стабильной макроэкономической политике. Без прежнего объема государственных инвестиций, а также с учетом постоянного удорожания факторов производства основным направлением развития становятся инновации в научно-технической сфере. Количественные показатели и высокие темпы сами по себе не могут обеспечивать занятость и народное благосостояние, поэтому на стадии «новой нормальности» задачи политики макроконтроля и структурного урегулирования экономики надлежит соединить.

Вице-президент АОН Китая Ли Ян отметил, что в реальности «новая нормальность» началась для Китая еще в 2009 г., когда показатели темпов роста опустились от двузначной цифры до однозначной. Главной причиной перехода Китая к «новой нормальности» ученый считает снижение эффективности размещения ресурсов. В течение нескольких десятилетий происходило перемещение рабочей силы, техники и ресурсов из первой сферы во вторичный сектор экономики. Мощности перерабатывающей промышленности стали избыточны, люди и ресурсы перемещаются из вторичного сектора в сферу услуг, однако эффективность в этой сфере остается намного ниже, чем во вторичном секторе. Помимо этого, снизилась эффективность предложения факторов роста реальной экономики — вложений труда, капитала и научно-технического прогресса. Китай еще не создал достаточного потенциала в области научно-технических инноваций, страна сталкивается с экологическими ограничителями. Ли Ян полагает, что снижение темпов роста на этапе «новой нормальности» даст возможность устранить зависимость от инвестиций и экспорта, отжать «воду» из показателей ВВП, осуществить переход от направляющего государственного руководства экономикой к приданию решающей роли рынку, привнести в экономическое развитие социальную справедливость и инклюзивность. Если двигателем экономики станут инновации, а на первое место выйдет стремление к качеству, эффективности и охране окружающей среды, Китай сможет избежать «ловушки среднего уровня доходов» и реализовать цели возрождения китайской нации²³.

Китайские исследователи считают, что повышение качества экономического роста позволит скомпенсировать последствия снижения темпов прироста ВВП. Ху Цзяюн из Института экономики АОН указывает на кардинальные изменения в стимулах экономического роста. Когда начался кризис, главным двигателем экономического роста выступали инвестиции, однако в условиях «новой нормальности» все более важную роль играет потребительский спрос. Его доля в ВВП, по мнению ученого, должна увеличиться до 60%, после чего потребление населения начнет оказывать весомое стимулирующее воздействие на экономический рост. Одновременно будет сокращаться вклад экспорта, что будет способствовать снижению рисков, создаваемых зависимостью от внешней торговли. Все более заметную роль будут играть частные предприятия, повысится вклад центральных и западных регионов в экономическое развитие²⁴.

Повышение экономической значимости Центра и Запада Китая связано не только с политикой властей по содействию их развитию, но и со снижением динамики восточных приморских районов, работавших на экспорт. Исследователи указывают, что это ведет к сокращению разрыва в доходах между развитыми и отсталыми районами и, как следствие, к снижению коэффициента Джини, неуклонно возрастающего в предыдущие десятилетия. Таково еще одно проявление «новой нормальности»²⁵. Хотя китайские власти давно провозгласили цель сокращения разрыва в уровнях развития различных регионов, предполагалось, что это произойдет за счет ускорения отстающих, а не замедления среди лидеров.

Чжан Пин из Института экономики АОН отметил, что с точки зрения господствующей экономической теории снижение темпов экономического роста означает «большую санацию» по Шумпетеру, когда происходит банкротство несостоятельных предприятий и продвижение предприятий инновационных. Но на практике в Азии в процессе догоняющего развития поддерживаемые правительством проекты и предприятия санацию не проходили. Вместо этого возникали лишние жизнеспособности предприятия-«зомби», отбиравшие необходимые для инноваций средства. Чтобы избавиться от таких предприятий, следует воспользоваться периодом снижения темпов.

В период антикризисного стимулирования приток значительного количества государственных инвестиций стал в китайской экономике источником поддержки несостоятельных предприятий. Характеризуя возможности использовать торможение роста в интересах структурного урегулирования и углубления рыночных реформ, Чжан Пин предложил понятие «управление замедлением темпов». По его мнению, в этот период необходимо прилагать усилия как на макроэкономическом, так и на микроуровне. Макроэкономическая политика должна допускать снижение темпов, стимулирование следует сочетать с реформами, центральное внимание необходимо уделить ослаблению финансовых рисков. Еще важнее ускорить реформы на микроуровне, чтобы быстрее перейти к высокоэффективному сбалансированному росту²⁶.

Китайские экономисты стремятся дать взвешенную оценку ситуации. Демонстрируя, что при «новой нормальности» показатели темпов прироста ВВП становятся менее важными, они отмечают, что было бы неверным бросаться в другую крайность и утверждать, что темпы роста полностью потеряли значение. Вице-президент АОН Цай Фан подчеркнул, что реформа не должна приносить в жертву темпы роста, поскольку в этом случае увеличится противодействие реформе и станет сложно добиваться консенсуса по вопросам преобразований. Если же реформа сможет повысить потенциальные темпы роста, это поможет обрести консенсус и оптимальный способ преобразований. По мнению Цай Фана, раньше китайские реформы можно было назвать «улучшением по Парето»: каждой группе людей они должны были принести выгоду, не нанося ущерба ни одной из них. Сейчас возможностей для таких реформ крайне мало, а в будущем они почти исчезнут. В новой ситуации нужно будет смотреть, приносят ли реформы в целом положительный эффект и насколько он велик. Если ответ на этот вопрос будет положительным, то можно будет добиваться «улучшения по Калдору», используя общую выгоду от реформ для того, чтобы компенсировать убытки тем группам, которые понесут потери в результате преобразований. Например, такого улучшения можно добиться при реформировании системы прописки, если создать механизм совместной ответственности за потери проигравших сторон и совместного пользования выгодами²⁷.

Для понимания китайской «новой нормальности» важен не только анализ внутренних проблем, но и их связь с глобальными экономическими процессами. Распространение среди западных исследователей пессимистических оценок перспектив мировой экономики способствует повышению интереса к идее «вековой стагнации» (secular stagnation), возникшей в конце 1930-х гг. и надолго забытой в период послевоенного процветания. Глава МВФ Кристин Лагард выразила опасение, что мировая экономика застыла в состоянии «новой посредственности» (New Mediocre), впереди предстоит длительный период низкого роста.

Зарубежные эксперты полагают, что замедление глобальной экономики затронет как развитые, так и развивающиеся страны, Китай также не станет исключением. Американские экономисты Лоуренс Генри Саммерс и Лант Притчетт прогнозируют в ближайшие 10–20 лет заметное снижение темпов роста китайской экономики: до 5% в период 2013–2023 гг. и до 3% в период 2023–2033 гг. Этот прогноз основан на законе «возврата к среднему значению» (reversion to the mean), в соответствии с которым высокие темпы развития представляют необычное явление и в конечном счете возвращаются к среднему

уровню, соответствующему общемировым показателям. Доход на душу населения в современном Китае достиг уровня, при котором в большинстве экономик темпы роста падают с 6–7% до 3%. С этой точки зрения будущее Китая нельзя оценивать, исходя из экстраполяции аномально высоких показателей предыдущих трех десятилетий²⁸.

Цай Фан отмечает, что подобные прогнозы не дают убедительного объяснения причин нынешнего снижения темпов китайской экономики и заметной принижая будущие темпы экономического развития. По мнению ученого, рост китайской экономики на уровне 7% по-прежнему будет превышать среднемировые показатели. Экономист подчеркнул, что для удержания этих темпов необходимо понять, что «новая нормальность» и сопутствующее замедление не являются результатом воздействия неблагоприятных внешних воздействий или проявлением циклических явлений. Это неизбежный результат долговременных тенденций, созданных структурными факторами.

Экономика Китая входит в новый этап, на котором постепенно утрачиваются экспортные преимущества трудоемких отраслей, уменьшается дивиденд народонаселения, растет стоимость рабочей силы, падает отдача инвестиций. Все это неизбежно ведет к снижению возможностей потенциального роста. Чтобы экономика приспособилась к «новой нормальности», двигателем роста должны стать инновации, а не инвестиции. Цай Фан уверен, что Китай сумеет превзойти предрекаемую иностранными экономистами «новую посредственность». Этому будут способствовать продолжение политики открытости, использование преимуществ отсталости, проявляющейся в заметном отставании Китая от развитых экономик по уровню доходов и научно-технического прогресса. Всестороннее углубление реформ позволит и в будущем устранять системные препятствия, сдерживающие высвобождение жизнеспособности экономических единиц и оптимизацию размещения ресурсов, «дивиденды реформ» предоставят потенциальные возможности для роста²⁹.

Известный китайский экономист Линь Ифу попытался истолковать «новую нормальность», исходя из собственной концепции использования сравнительных преимуществ в процессе развития³⁰. По его мнению, преимущества отсталости Китая позволяют провести успешную структурную перестройку экономики несмотря на замедление темпов роста. В сфере повышения уровня промышленности и освоения технических инноваций Китай обладает преимуществами перед развитыми странами, поскольку у него есть возможность использовать в передовых отраслях способ заимствования, переобучения и впитывания чужого опыта с последующим переходом к инновациям, в этом случае рисков на пути продвижения вперед мало, издержки низки. В сфере строительства инфраструктуры возможности также не исчерпаны. Хотя в Китае было построено много новых высокоскоростных железных дорог, автомагистралей и аэропортов, внутригородской транспорт, метро и дорожные сети развиты недостаточно, на улицах образуются пробки, во многих городах сети коммунального хозяйства устарели. Большие инвестиции потребуются для решения обостряющихся экологических проблем. Урбанизация Китая приносит примерно один процентный пункт экономического роста в год, что также дает шанс для дальнейшего развития. Указывая на большой объем накопленных в стране финансовых средств, Линь Ифу отмечает, что масштаб долгов стал контролируемым, у людей имеются большие накопления, государство обладает крупными валютными резервами, поэтому для расширения инвестиций можно использовать как государственные, так и негосударственные средства. Все это, по мнению ученого, создает основу для перехода китайской экономики на средне-высокий уровень³¹.

Китайские исследователи все чаще указывают на то, что динамика мировой экономики в значительной степени зависит от развития экономики Китая. После завершения сессии ВСНП Линь Ифу с оптимизмом отметил, что Китай останется главным двигателем мирового экономического роста. Сейчас ВВП Китая составляет 13% мирового,

при темпах роста ВВП на уровне 7% ежегодный вклад Китая в рост мировой экономики будет составлять примерно один процентный пункт³².

Ху Аньган из Университета Цинхуа подчеркнул, что после мирового финансово-го кризиса 2008—2009 гг. рост экономики Китая стал стабилизатором мировой экономики, при «новой нормальности» роль Китая как стабилизатора станет еще более весомой. Ученый отметил, что при «новой нормальности» Китай переходит от статуса крупной страны-импортера капитала к статусу его нетто-экспортера, что означает углубление экономического взаимодействия с внешним миром³³.

* * *

Долгосрочное замедление темпов роста в условиях «новой нормальности» отражает объективные процессы развития экономики КНР и глобальные экономические тенденции, проявившиеся после кризиса 2008—2009 гг. Концепция «новой нормальности» появилась в китайском политическом лексиконе через несколько лет после того, как ее начали обсуждать на Западе. Хотя эта концепция не является собственно китайским новшеством, в условиях Китая она обрела официальный статус и стала важным компонентом политики реформ.

Профессор Школы развития Пекинского университета Лу Фэн обратил внимание на комплексный характер «новой нормальности» в трактовке Си Цзиньпина. Она охватывает целый спектр новых явлений в экономике Китая, включая изменения в темпах роста, подъем экономической структуры на новый уровень, смену драйверов роста. Китайский лидер указал на возможности, которые дает «новая нормальность», включая более стабильное развитие и многообразие двигателей роста.

С точки зрения Лу Фэна, с выдвиганием «новой нормальности» китайской экономике придется отказаться от «старой нормальности», которую отличали «перегревы», неустойчивость, загрязнение окружающей среды, обострение социальных противоречий. Это системные проблемы, накопившиеся из-за отставания реформ в период до XVIII съезда КПК. Привнесенные мировым экономическим кризисом внешние риски привели к тому, что дальнейшее поддержание «старой нормальности» стало невозможным.

На форуме АТЭС в 2014 г. Си Цзиньпин четко заявил о приверженности курсу реформ, поскольку «выпущенная из лука стрела не возвращается назад». В то же время китайский лидер лишь упомянул о появлении новых противоречий и рисков. В развитие этого тезиса Лу Фэн пояснил, что при переходе к «новой нормальности» будут лопаться «пузыри» на рынке недвижимости, сократится теневой банковский сектор, снизится доля заемных средств на местах, произойдет вытеснение избыточных мощностей. По мнению исследователя, выдвигание концепции «новой нормальности» отражает трезвое понимание ситуации китайским руководством, что побуждает зарубежную общественность смотреть на экономику Китая более реалистично и, вместе с тем, «дает успокоительную пилюлю мировой экономике», укрепляя уверенность в благоприятных перспективах глобального экономического развития благодаря китайскому фактору³⁴.

Концепция «новой нормальности» была представлена на форуме АТЭС в контексте китайских планов укрепления экономического сотрудничества с регионом. Несмотря на снижение темпов, Китай намерен развивать торговлю, увеличивать инвестиции, осуществлять международные инфраструктурные проекты. Переход на рельсы «новой нормальности» должен превратить китайскую экономику в источник долгосрочного стимулирования мирового хозяйства, вошедшего в период медленного и слабого посткризисного восстановления.

Китайская версия «новой нормальности» появилась в результате адаптации западной концепции к специфике страны. В ее основе лежит активная трактовка, требующая продолжения реформ с учетом изменившихся условий. Некоторые известные российские экономисты-практики обратили внимание на идею «новой нормальности» за не-

сколько лет до того, как она обрела нормативный статус в Китае. Но они использовали эту идею в основном лишь для объяснения долгосрочных трудностей в экономике России через внешние факторы. Китайский подход к «новой нормальности» предполагает корректировать с полным учетом неблагоприятных перемен в мировой экономике направление реформ, чтобы добиться глобального экономического лидерства.

1. *El-Erian M.* A New Normal // *Secular Outlook*. PIMCO, 2009. URL: http://media.pimco.com/Documents/Secular%20Outlook%20May_09%20Email-Web%20FINAL3.pdf; *El-Erian M.* Navigation the New Normal in Industrial Countries // Per Jacobsson Foundation Lecture. 2010. URL: <https://www.imf.org/external/np/speeches/2010/101010.htm>.
2. *Брагина Е.А.* Новая нормальность // *Мировое и национальное хозяйство*. 2013. № 1 (24). URL: http://www.mirec.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=42.html; см. также *Брагина Е.А.* Новая нормальность — отражение мировой экономической неустойчивости? / Север — Юг — Россия 2012. Ежегодник / Отв. ред. В.Г. Хорос., Д.Б. Малышева. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 16.
3. *Портяков В.* Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы // *Пробл. Дальнего Востока*. 2014. № 4. С. 55–68; *Бергер Я.* Новый этап экономического развития Китая (К итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва) // *Пробл. Дальнего Востока*. 2014. № 2. С. 49–62.
4. Жэньминь жибао. 11 мая 2014 г.
5. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2014/0808/c1004-25430853.html>.
6. Жэньминь жибао. 2014. 30 июня.
7. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-10/23/c_1112953884.htm.
8. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-11/09/c_1113175964.htm.
9. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-12/09/c_1113581673.htm.
10. Чжэнфу гунцзо баогао. 2015 нянь 3 юэ 5 жи цзай ди шиэр цзе цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй ди сань цы хуэйи шан. Гоюань цзунли Ли Кэцян [Доклад о работе правительства на 3-й сессии ВСНП 12-го созыва марта 2015 г. премьеры Госсовета Ли Кэцяна] // Жэньминь жибао. 2015. 17 марта.
11. Жэньминь жибао. 2015. 11 марта.
12. Цзинцзи цзоуши гэньцзун [Макроэкономические тенденции]. 2015. 6 марта. № 1533. С. 1.
13. Жэньминь жибао. 2015. 17 марта.
14. Жэньминь жибао. 2015. 17 марта. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0317/c1001-26702221.html>.
15. Английский экономист Джоан Робинсон в 1933 г. в «Теории несовершенной конкуренции» охарактеризовала экономическую науку как «ящик с инструментами».
16. Жэньминь жибао. 2015. 16 марта.
17. «Первый этап будет этапом стратегического наступления противника и нашей стратегической обороны, второй — этапом стратегического закрепления противника и нашей подготовки к контрнаступлению, третий — этапом нашего стратегического контрнаступления и стратегического отступления противника». *Мао Цзэ-дун*. О затяжной войне / *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. М.: Издательство иностранной литературы. 1953. Т. 2. С. 234.
18. URL: http://news.gmw.cn/2015-01/27/content_14647359_2.htm.
19. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/1210/c1001-26183084>.
20. Шанхай чжэнцюань бао. 2015. 27 янв.
21. Жэньминь жибао. 2014. 5,6,7 авг. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2014/0808/c1004-25430853.html>.
22. Жэньминь жибао. 2014. 8 дек. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/1208/c1001-26164294.html>; <http://politics.people.com.cn/n/2014/1209/c70731-26177942.html>.

23. Чжунго чжэнцзоань бао. 2014. 8 дек. URL: http://www.cs.com.cn/xwzx/hq/201412/t20141208_4583139.html.
24. Ху Цзяюн. Цзинци «синь чантай» ся дэ цюйюй фачжань дунли дэ чжуаньхуань [Смена двигателей экономического роста регионов при «новой нормальности»] // Цюйюй цзинци пинлунь. 2014. № 6. С. 26–28.
25. Yang Yao. A New Normal, but with Robust Growth: China's Growth Prospects in the Next 10 Years / Think Tank 20: Growth, Convergence and Income Distribution: The Road from the Brisbane G-20 Summit. P. 77. URL: <http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Interactives/2014/thinktank20/chapters/tt20%20china%20growth%20prospects%20yao.pdf>.
26. Бэйцзин жибао. 2015. 12 янв. URL: http://bjrb.bjd.com.cn/html/2015-01/12/content_248897.htm.
27. Цай Фан: цун «Палэйто гайцзинь» цзоусян «Каэрдо гайцзинь» [Цай Фан: от «улучшения по Парето» к «улучшению по Калдору»] // Синьхуа юэбао. Ноябрь 2014 г. Ч. 1. С. 16–18.
28. Lant Pritchett, Lawrence H. Summers. Asiaphoria Meets Regression to the Mean. October 2014. NBER Working Paper No. w20573; Lant Pritchett, Lawrence H. Summers. Growth slowdowns: Middle-income trap vs. regression to the mean. 11 December 2014. URL: <http://www.voxeu.org/article/growth-slowdowns-middle-income-trap-vs-regression-mean>.
29. Цай Фан: И синь чантай чаоюэ синь пинъюн [Цай Фан: С помощью «новой нормальности» превзойти «новую посредственность»] // Жэньминь жибао. 2015. 9 марта. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0309/c40531-26659074.html>.
30. Лин Джастин Йифу. Демистификация китайской экономики. Пер. с англ. М.: Мысль, 2013. См. также рецензию на эту книгу: Potanov M. Использование сравнительных преимуществ и частный сектор в экономике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 117–128.
31. Чжунго ю тьяоцзянь шисянь цзинци «шуан чжун гао» [Китай обладает условиями для осуществления «двух средне-высоких»] // Жэньминь жибао. Хайвай бань. 2015. 14 марта. URL: <http://finance.people.com.cn/n/2015/0314/c1004-26692050.html>.
32. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2015/03-22/7148596.shtml>.
33. Ху Аньган: Синь чантай ся Чжунго цзян баньянь гэн чжуньюэдэ вэньдинци цзюэсэ [При новой нормальности Китай будет играть более важную роль стабилизатора]. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2015/03-22/7148596.shtml>.
34. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-11/09/c_1113175964.htm.

Наращивание Китаем совокупной национальной мощи: американский фактор

© 2015

В. Балакин

В последнее десятилетие американский фактор играет существенную роль в стимулировании усилий Китая по наращиванию совокупной национальной мощи. США сегодня уже не всегда способны эффективно противодействовать китайским геополитическим устремлениям в связи с ослаблением своих экономических позиций в восточноазиатском регионе и невозможностью аккумулировать там достаточное превосходство военной силы. Таким образом, Восточная Азия становится ареной жесткого соперничества между КНР и США в альянсе с Японией, ведущей собственную стратегическую игру.

Ключевые слова: Китай, США, Япония, Восточная Азия, совокупная национальная мощь, геополитические устремления.

В 2013 г. геополитическая ситуация в Восточной Азии крайне осложнилась в связи с американскими планами по противодействию КНР на региональном и глобальном уровнях. В своей статье «К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы» В.Я. Портяков отмечает, что в восточноазиатском регионе произошли важные подвижки, непосредственно затронувшие Китай, и в их числе ключевым фактором стал провозглашенный администрацией Б. Обамы курс на «возвращение США в Азию». В последнее десятилетие Вашингтон весьма обеспокоен отдельными успешными результатами усилий КНР, направленных на всемерное стимулирование процессов экономической интеграции в Восточной Азии. Очевидная взаимовыгодность данных процессов для стран региона свидетельствует, по мнению авторитетных международных экспертов, об эффективности внешней политики Китая на этом направлении и тщетности в обозримой перспективе устремлений США сохранить за собой доминирующую роль в восточноазиатских делах. В Вашингтоне также осознают, что региональные интеграционные процессы носят объективный характер и американской стороне фактически нечего противопоставить планам КНР по наращиванию совокупной национальной мощи с точки зрения формирования сплоченного «китайского мира»¹.

Внешняя политика Китая в Восточной Азии в целом направлена на создание условий, в которых США вынуждены будут смириться с нарастающим доминированием КНР в Восточной Азии. Чтобы превратить названную стратегию в реальность, Пекину необходимо ослабить региональную систему военно-политических союзов, которые были сформированы Вашингтоном с отдельными восточноазиатскими государствами.

Уже сегодня понятно, что США проигнорируют интересы КНР в Восточной Азии, поскольку намерены создать собственную региональную архитектуру политического доминирования в соответствии с изменившимися условиями международной среды. Перенесение акцента усилий США на сдерживание роста влияния Китая в Восточной Азии вызвано, как откровенно заявила тогдашний госсекретарь Х. Клинтон: *наступлением «тихоокеанского века» для Америки и готовностью Вашингтона принять на себя лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, опираясь на пожелания местных американских партнеров и союзников*². Госсекретарь США дала понять, что Америка намерена привлечь к сдерживанию Китая не только восточноазиатские страны, но и государства всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

КНР не может игнорировать прямую военную угрозу, исходящую от США, особенно, когда эта угроза нарастает непосредственно у китайских границ. Во Вьетнам зачастили высокопоставленные деятели американской администрации, проявляя заметный практический интерес к бывшей советской военно-морской базе в Камране. В ходе визита во Вьетнам министр обороны США Л. Панетта открыто заявил: «Доступ судам ВМФ США на этот объект является ключевым компонентом американо-вьетнамского взаимодействия»³. Помимо военной угрозы Китай начинает ощущать угрозу своим ключевым экономическим интересам в восточноазиатском регионе. Еще в ноябре 2011 г. США объявили о начале формирования крупного интеграционного проекта под названием «Тихоокеанское партнерство», целью которого является создание в АТР преференциального торгового режима на основе многостороннего торгового соглашения с участием Австралии, Брунея, Вьетнама, Малайзии, Новой Зеландии, Перу, Сингапура и Чили, но принципиально без участия Китая.

Реакция КНР на возникновение в Азиатско-Тихоокеанском регионе геополитических вызовов со стороны США и на развитие международной ситуации в целом оказалась сдержанной. Как представляется, китайское руководство понимает логику действий американской администрации, сводящуюся к стремлению заставить Пекин нервничать, а значит, предпринимать поспешные внешнеполитические шаги. Однако пропагандистские усилия Вашингтона вряд ли заставят Китай отказаться от хорошо разработанной на перспективу программы вытеснения США из Восточной Азии. Современная американская стратегия на Тихом океане не способна вернуть США лидирующие позиции в регионе, поскольку эта стратегия основана на стремлении компенсировать пошатнувшиеся экономические позиции путем устаревшего метода военно-политического давления, которого в Пекине не опасаются по причине неспособности Вашингтона реально обеспечить такое давление⁴. Безусловно, имеются объективные трудности, делающие американскую политику в Восточной Азии весьма уязвимой в силу физической невозможности сконцентрировать необходимые силы, разбросанные на Ближнем Востоке, в Афганистане, а теперь — и на Украине.

И в Китае, и в США уверены, что региональное лидерство является для великих держав важнейшим фактором, который нельзя игнорировать в современной глобальной системе международных отношений. Для Восточной Азии этот фактор играет не столько теоретическую, сколько практическую роль, не учитывая нынешние тенденции развития процессов регионализма и регионализации. Многие международные эксперты задаются вопросом: что случится, когда КНР и США сойдутся в схватке за влияние в восточноазиатском регионе, и какой в связи с этим будет позиция Японии⁵. Все названные участники данного процесса понимают важность признания лидерской роли каждого из них со стороны других региональных государств и поэтому используют собственную стратегию и тактику для достижения поставленной цели. Но достижение лидерства задача сложная,

требующая постоянного подтверждения тех новых идей, норм и правил, которые потенциальный лидер должен предложить региональному сообществу.

Лидерство предоставляет государству, его осуществляющему, широкие политические и экономические возможности, но одновременно накладывает серьезные финансовые обязательства. Уверенное лидерство позволяет контролировать страны региона по всем направлениям, особенно в политической сфере. Так, до последнего времени подобный тотальный контроль осуществлялся со стороны США в отношении Японии. Однако возникает проблема: как сбалансировать преимущества и издержки в долгосрочной перспективе, поскольку реальных преимуществ в рамках восточноазиатской интеграции больше у Пекина, а издержек больше у Вашингтона⁶. Именно данный фактор побуждает Японию предпринимать поистине титанические усилия, чтобы возвыситься над китайско-американским противостоянием.

Восточноазиатский политический процесс не может игнорировать существующие глобальные международные институты, а там, как известно, прослеживается четкая иерархия государств-участников в прямой зависимости от их экономических и военных возможностей. Нельзя быть влиятельным на региональном уровне, не будучи таковым на мировом уровне. Пример Японии с ее внешнеполитической и военной слабостью на глобальном уровне наглядно демонстрирует причины, по которым ни США, ни Китай не рассматривают пока всерьез международный потенциал Японии. В Вашингтоне прекрасно отдают себе отчет в том, что в варианте восточноазиатской интеграции Токио никогда не станет надежным проводником американской политической воли, а потому США в принципе отвергают любую институализацию интеграционных процессов в Восточной Азии⁷. Создание «Тихоокеанского сообщества» становится сегодня для американской администрации единственным путем возвращения США в АТР, поскольку США явно не рассчитывают на японскую лояльность.

Стремление США к гегемонии как на глобальном, так и региональном уровнях, в случае Восточной Азии сегодня уже не реализуемо, и это хорошо понимают и союзники, и противники Вашингтона. Руководство КНР невысоко оценивает лидерские способности США, но тем не менее, не пускает процесс региональной интеграции на самотек и продолжает наращивать свою национальную мощь по всем направлениям. По мнению южнокорейских экспертов, тесная привязка Японии к внешней политике США по сути дела закрыла перед ней «окно возможностей» играть лидирующую роль в восточноазиатской интеграции⁸. Китай же, начиная с 1 января 2010 г. наращивает успешно свой региональный потенциал путем формирования зоны свободной торговли с АСЕАН.

Усиливающееся воздействие американского фактора на восточноазиатские дела побуждает КНР предпринимать всесторонние усилия по наращиванию своей совокупной национальной мощи. Мощь Китая уже достигла такой величины, когда на региональном уровне страна готова противостоять Вашингтону, не оглядываясь ни на него, ни на его союзников⁹. Финансовая зависимость США от КНР серьезно умеряет американские амбиции и объективно вынуждает американскую администрацию не столько напрямую угрожать Пекину своим военным потенциалом, сколько предпринимать попытки создать вокруг Китая «пояс нестабильности», делая акцент на разжигание устойчивых антикитайских националистических настроений в Центральной и Юго-Восточной Азии. Но главной целью сегодняшней внешней политики США в Восточной Азии остается недопущение реализации китайской интеграционной модели в регионе и разрушение китайско-российского стратегического взаимодействия.

Противостояние КНР и США в восточноазиатском регионе связано с тем, что центр тяжести международной политики постепенно перемещается из зоны Атлантики в

Тихоокеанскую зону. В Китае приняли меры, чтобы не допустить окружения КНР кольцом военных баз. Шансы Китая на лидерство подкрепляются тем обстоятельством, что он вышел из экономического кризиса окрепшим, а США — ослабленными. Пекин стремится показать региональному истеблишменту недопустимость попыток Вашингтона сколотить антикитайскую коалицию, несущую с собой угрозу военного столкновения с КНР. Китай уличает США в стремлении к формированию нового военного альянса в составе Японии, Австралии, Вьетнама и, возможно, Индии, хотя в индийском руководстве твердо дают понять свое негативное отношение к данной идее, особенно после успешного завершения последнего саммита БРИКС в Бразилии и недавнего визита ее премьер-министра в КНР¹⁰.

Нарастание совокупной национальной мощи Китая парирует наиболее опасные угрозы американского присутствия в Восточной Азии. США могут перекрыть важнейшую для КНР морскую транспортную артерию — Малаккский пролив, через который проходит около 85% нефти, поступающей в Китай с африканского континента и Ближнего Востока. Осознавая эту опасность, китайское руководство разрабатывает меры по преодолению «малаккского тупика» путем договоренностей с дружественными странами на северном побережье Индийского океана: в числе которых Мьянма, Бангладеш, Шри-Ланка, Пакистан и Иран. Благодаря этим мероприятиям, китайские корабли получают возможность выходить в океан, минуя Малаккский пролив¹¹. В КНР предполагают, что это позволит укрепить китайские позиции в Бенгальском заливе и Южно-Китайском море.

Одновременно Китай усиливает свое присутствие в чувствительных для США районах мира, таких как Центральная и Южная Америка. Создан «китайский плацдарм» в зоне Панамского канала, для чего были арендованы панамские порты на Атлантическом и Тихом океанах. Укрепляются всесторонние связи с Тайванем, в соответствии успешно претворенной в Сянгане концепцией «одна страна — две системы»¹². Еще одним важным районом мира для Китая является Ормузский пролив, через который проходит более 20% нефти, поступающей в КНР.

Таким образом, США побуждает Китай ускоренными темпами наращивать свою совокупную национальную мощь. В Вашингтоне, похоже, до сих пор не осознают, что попытки заставить Пекин играть на международной арене по американским правилам никогда не сработают (и наоборот, в обозримой перспективе приведут лишь к неконтролируемому извне влиянию национализма)¹³. Именно с этого момента национализм в Китае стал серьезным стимулятором наращиванию китайской национальной мощи и стремления КНР создать реальную стратегическую конкуренцию в отношениях с США. Относительное ослабление американской экономики предоставляет Китаю уникальную возможность переломить геополитическую ситуацию в Восточной Азии в свою пользу.

Подводя итог, можно с большой долей уверенности утверждать, что активное наращивание совокупной национальной мощи Китая во многом вызвано ощущением реальной опасности оказаться под сконцентрированным прессингом со стороны США, ищущих любые возможности поправить свой пошатнувшийся престиж единственной сверхдержавы мира. Международные эксперты уверены в достаточно широких потенциальных возможностях КНР эффективно нейтрализовывать американские меры против китайских усилий по достижению лидерства в восточноазиатском регионе. Речь, прежде всего, идет о китайско-российском стратегическом взаимодействии, которое является важным рычагом сдерживания США и не может ими игнорироваться. Китай в определенной критической ситуации может прибегнуть в ответ на американское давление к чувствительным финансовым операциям на международном рынке, способным нанести

существенный ущерб позиции доллара в качестве главной мировой резервной валюты. По последним международным оценкам, китайское руководство готово упорно и без колебаний противостоять США в различных сферах и последовательно наращивает для этого свою совокупную национальную мощь¹⁴. Вместе с тем оно отнюдь не желает обострять по собственной инициативе китайско-американские отношения и готово развивать стратегическое партнерство как в двустороннем так и в многостороннем формате для решения проблем региональной и глобальной безопасности.

1. *Campbell, Joel R.* US Foreign Policy toward Northeast Asia // Perception. Winter 2012, Vol. XVIII, No. 4. P. 26.
2. *Clinton, Hilary.* America's Pacific Century // Foreign Policy. October 11, 2011. P. 10.
3. Los Angeles Time. June 3, 2011.
4. *Cheng Xiangyang.* Meiguo zhanlue dongyi de beihou (Контекст американской стратегии «разворота» в Азию) // Liaowang. December 05, 2013. P. 12.
5. *Yoshihide, Soeya.* Redefining Japan's Security Profile // Institute for International Policy Studies. Tokyo. February 18, 2013. P. 22.
6. *Bates, Gill.* Rising Star: China's New Security Diplomacy // Brookings Institution. Washington D.C., 2013. P. 19.
7. *Chanlett-Avery, Emma.* The U.S.—Japan Alliance // Congressional Research Service Report. Washington D.C., 2013. P. 11–13.
8. *Curtis, Gerald.* Future Directions in US-Japan Relations // New Shimoda Conference. Tokyo. February, 2012. P. 2–5.
9. *Zheng Bijian.* China's Peaceful Rise to Great Power Status // Foreign Affairs. Vol. 84, No. 5. October, 2012. P. 22–24.
10. *Hung Ming-Te.* Sino-U.S. Strategic Competition in East Asia // Political Perspectives. Vol. 5(3). National Chung Hsing University. Singapore, 2013. P. 96–113.
11. *Steinherr, Konrad.* Integration in Asien // Wochenbericht. No. 34. Berlin, 2012. S.4.
12. *Men Honghua.* Zhongguo guan shili pinggu baodao (Зафиксированная оценка слабой аргументации со стороны Китая) // Guoji guan cha, No. 2. Beijing, 2012. P. 19–20.
13. *Walt, Stephen M.* Explaining Obama's Asia Policy // Foreign Policy. Washington D.C. December 14, 2012. P. 18.
14. *Lim, Robyn.* The Geopolitics of East Asia // London: Routledge, 2013. P. 20.

Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая

© 2015

М. Александрова

Излагается ситуация, в которой оказался Северо-Восток Китая в начале 2000-х гг. Исследуются шаги, предпринятые руководством страны в целях реанимирования экономики региона. Впервые в научной литературе детально проанализирован «План развития Северо-Востока КНР на 12-ю пятилетку».

Ключевые слова: Госкамитет КНР по делам развития и реформ, среднезажиточное общество, депрессивные производства, госсобственность, приграничная торговля.

Со времени образования КНР и до начала экономических реформ Северо-Восток КНР (Дунбэй) был главной индустриальной базой страны. Вследствие активного развития приморских регионов с более благоприятным экономико-географическим положением и специально созданными районами внешнеэкономической открытости роль и место Дунбэя стали отодвигаться на второй план. В 1980 г. доля его ВРП в ВВП страны была около 13%, в 2004 г. — 9%, в 2013 г. — чуть выше 8,5%. Несмотря на уменьшение его доли в валовой продукции нельзя недооценивать очевидные достоинства Дунбэя, остающегося крупнейшей промышленной и сельскохозяйственной базой страны. Так, на него приходится 26% добычи сырой нефти, 10% выпуска стали, около 13% производства всех автотранспортных средств КНР.

К 2002 г. Дунбэй столкнулся с множеством проблем, основные из которых: высокая доля госсобственности, тяжелое бремя системы планирования, истощение полезных ископаемых в ресурсных городах, высокий уровень безработицы, проблемы с трудоустройством, снижение конкурентоспособности ведущих отраслей производства и др. Регион в своем развитии начал резко отставать от темпов роста в стране.

Долгое время руководство страны, вероятно, надеялось, что ситуация нормализуется сама собой. Как пишут китайские исследователи, там применялась методика «бить плетью коровы для ускорения ее бега» (принуждение работавших на износ предприятий работать интенсивнее). Наблюдалось очевидное пренебрежение к технической модернизации предприятий, моральному износу оборудования, ассортименту и качеству выпускаемой продукции.

На проблемы Северо-Востока Госсовет обратил внимание, начиная освоение западных территорий.

В докладе, представленном на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва, тогдашний премьер Чжу Жунци впервые упомянул Северо-Восток в контексте реформирования старых промышленных баз. Некоторое внимание этому региону было уделено в 10-м пятилетнем

плане социально-экономического развития КНР (2001–2005 гг.) (указывалось на необходимость закрыть шахты с исчерпанными ресурсами, искать новую модель развития рудников и пр.), но указания носили скорее рекомендательный, чем директивный характер¹.

Реальные шаги по прояснению ситуации были осуществлены лишь после посещения тогдашним председателем КНР Ху Цзинтао в июне 2002 г. провинции Ляонин. Он высказал следующее мнение: «В Ляонине требуется ускорить процесс создания и совершенствования системы предприятий, активно продвигать стратегию реструктуризации госпредприятий и осуществлять их структурную перестройку, постоянно повышать рыночную конкурентоспособность госпредприятий в целях их оживления»².

На XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) был наконец поставлен вопрос о необходимости «возрождения старой промышленной базы Северо-Востока Китая». Сотрудниками Центра по изучению проблем развития при правительстве пров. Цзилинь был представлен в Центре исследования развития при Госсовете КНР доклад на тему возрождения Дунбэя. В нем ставилась задача осуществить коренную модернизацию оборудования на предприятиях региона, чтобы производить продукцию в качественно новых технических и технологических условиях. Эта проблематика была затронута в марте на 1-й сессии ВСНП 10-го созыва в Докладе о выполнении плана экономического и социального развития за 2002 г., представленном председателем Госкомитета КНР по делам планирования и развития Цзэн Пэйянем.

В мае 2003 г. Вэнь Цзябао в сопровождении ответственных лиц ряда министерств посетил Аньшань, Бэньси, Фушунь, Шэньян и другие города Ляонина. Его вывод гласил: наряду с реализацией стратегии масштабного освоения западной части Китая необходимо уделять более заметное внимание возрождению старых промышленных баз.

В августе премьер Госсовета едет в Дацин, Харбин, Цзилинь, Чанчунь, где прошло совещание по вопросу о возрождении старых промышленных баз региона.

Важный шаг организационного порядка: учреждение в декабре 2003 г. при Госсовете КНР *Канцелярии руководящей группы по регулированию и возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая* (руководителем был назначен премьер КНР), вплоть до 2009 г. она провела пять заседаний, на каждом обсуждались наиболее злободневные проблемы региона.

В августе 2007 г. Госкомитет по делам развития и реформ совместно с руководящей группой по регулированию и возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая приняли *«План возрождения Северо-Востока»*. Данный документ сохранил системный анализ текущей ситуации, излагал «идеологию возрождения» и «цели возрождения» старой промышленной базы Северо-Востока. В документе был сделан акцент на такие, в частности, вопросы:

– Для совершенствования промышленной структуры компаниям и предприятиям следует переориентироваться на новые, рыночные условия работы и на самостоятельные инновации, чтобы повысить конкурентоспособность ведущих отраслей региона.

– В интересах развития современного сельского хозяйства предусматривались обновление сельхозтехники и технологий, повышение производительности труда. Для этого было намечено создать коммерческие зерновые базы, организовать производство высококачественных продуктов животноводства, производство «зеленых» продуктов.

– В сфере услуг, ориентированных на производство, ставилась задача развития современной логистики, современного финансового сектора и др.

– С учетом диспропорций, возникших в ходе реформ между городами и деревней, прибрежными и внутриматериковыми территориями, городами открытого типа и ресурсными центрами, план возрождения Северо-Востока затрагивал проблематику меж-

регионального разделения труда, оптимизации региональной пространственной структуры, региональной кооперации и строительства межрегиональной инфраструктуры.

Поскольку экономические диспропорции порождают социальные и экологические проблемы, в Плане ставилась задача поддержания устойчивого развития, что включало повышение качества образования, формирование надежной системы социальной защиты, улучшение окружающей среды, обеспечение вторичного использования земель в районах заброшенных шахт, создание системы охраны источников питьевой воды и пр.

В сентябре 2009 г. Госсоветом был принят программный документ *«Некоторые мнения относительно дальнейшей реализации стратегии Возрождения старой промышленной базы Северо-Востока Китая»*, что совпало с пиком мирового финансового кризиса.

Документ состоял из 9 разделов, их названия показывают, насколько сложные задачи должны быть решены в регионе. В частности, предусматривались: оптимизация структуры экономики и создание современной производственной системы; ускорение темпов технического прогресса в целях повышения самостоятельных инноваций; развитие современного сельского хозяйства с целью укрепления его позиции в КНР и в мире; укрепление инфраструктурного строительства; осуществление активных преобразований в городах ресурсного типа; принятие эффективных методов охраны окружающей среды; развитие «зеленой экономики»; ускоренное развитие социальной сферы и пр.

По сравнению с планом 10-й пятилетки, в 11-м пятилетнем плане Северо-Востоку было уделено значительно большее внимание. Во-первых, документ, в отличие от прежнего, содержал отдельный раздел «Реконструкция старой промышленной базы Дунбэя». Во-вторых, раздел включал более детализированную информацию по данной территории КНР. Так, помимо общих деклараций, в Плане была отмечена необходимость создания компенсационного механизма по освоению и поддержке депрессивных производств, экономического перепрофилирования депрессивных городов ресурсного типа (таких как Фусинь, Дацин, Ичунь и Ляоюань), а также указана необходимость ускоренного развития инфраструктуры восточной части Дунбэя, строительства транзитных железных дорог и транспровинциальных шоссе³.

В результате реализации основных задач «Плана возрождения Дунбэя» за период 11-ой пятилетки (2006–2010 гг.) были достигнуты следующие результаты: ВРП вырос в 2 раза, показатель ВРП на душу населения в — 2,2 раза, внешнеторговый оборот — в 1,7 раз, производство зерновых в полтора раза.

Многим замыслам 11-го пятилетнего плана, однако, так и не суждено было воплотиться в жизнь по следующим причинам:

- институциональные препятствия, выражающиеся в сравнительно высокой доле госсектора и малой — частного;
- структурные диспропорции: низкая доля высокотехнологичных отраслей, невысокая доля третичного сектора;
- социальные проблемы, выражающиеся в сложностях трудоустройства безработных и развития системы социального обеспечения;
- проблемы «ресурсных» городов, состоящие в медленном создании альтернативных производств, что приводит к неспособности поддерживать устойчивое развитие⁴.

В результате взвешенного анализа результатов и промахов окончившейся пятилетки руководство КНР высказало мнение, что возможности действующей модели экономического роста Дунбэя, опирающейся на масштабные бюджетные инъекции, в значительной степени исчерпаны, сохраняются «острые структурные противоречия» и отрас-

левой дисбаланс, роль рынка остается слабой. Назрела необходимость новых экономических и отраслевых трансформаций.

2012 г. стал ключевым с точки зрения определения базовых целей и приоритетов развития северо-восточного макрорегиона. Так, в 12-ом пятилетнем Плате социально-экономического развития КНР (2011–2015 гг.) Северо-Востоку опять посвящен особый раздел. Помимо уже обозначенных направлений развития, документ содержит и некоторые новые моменты:

- осуществление не просто упорядочения производственной структуры, а ее качественного изменения (в частности, намечено проводить глубокую переработку сырья);
- совершенствование банковских и логистических услуг, развитие туризма;
- углубление реформы госпредприятий и укрепление негосударственной экономики, малого и среднего бизнеса;
- увеличение внимания защите окружающей среды, охране болот и черноземов, больших и малых лесных массивов (таких как Чанбайшань и Синань);
- оказание поддержки в развитии экономических кластеров: в пров. Ляонин — прибрежного экономического пояса и шэньянского экономического района; в пров. Цзилинь — районов Чанчуня, Цзилиня и Тумэня; в пров. Хэйлуцзян — треугольника Харбин—Дацин—Цицикар и городов Муданьцзян—Суйфэньхэ.

Так как пятилетние планы социально-экономического развития страны являются лишь программными документами, вполне естественно, что в них отсутствует конкретный механизм реализации поставленных задач⁵.

Поскольку, как отмечено выше, ряд серьезных проблем региона не был решен в период 11-ой пятилетки, в 2012 г. Госкомитет по развитию и реформам подготовил совместно с правительствами северо-восточных провинций *План развития Северо-Востока КНР на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.)*, в результате осуществления которого граничащий с Россией регион должен выйти на новый уровень развития, для чего будут интенсифицированы процессы промышленной и аграрной модернизации, ускорится строительство инфраструктурных объектов.

На новый пятилетний период поставлена задача сформировать в регионе мощную конкурентоспособную базу современного индустриально-аграрного производства, сырьевого и энергетического обеспечения, научных и инновационных разработок, способную стать «важным узлом» интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии, обеспечив при этом структурное и качественное перевооружение экономики.

Повышенное внимание уделяется модернизации сельского хозяйства и улучшению условий жизни на селе. Предполагается превратить Дунбэй в «стратегическую базу зерновой безопасности КНР». Для этого ежегодный прирост производства зерна планируется удерживать на уровне не ниже 2,3%, а к 2015 г. объемы выпуска довести до 126 млн т. Одновременно в регионе намечено сформировать мощную базу производства и переработки продукции животноводства и водных промыслов. Приоритетным сочтено опережающее развитие аграрной инфраструктуры и техническое перевооружение земледелия, совершенствование ирригационных систем, развитие каналов транспортировки продукции, в том числе трансграничных.

Наряду с оптимизацией традиционных отраслей промышленности Дунбэя (машино- и автомобилестроения, нефтехимии, металлургии, химии, угледобычи) предполагается развивать ряд «новых стратегических отраслей»: высокоточное машиностроение, новые виды энергии (включая производство ядерных энергетических установок), новые материалы, биотехнологии, автомобили на альтернативных источниках энергии, информационные технологии. К 2015 г. долю новых отраслей предполагается довести до 8% в

общем объеме промышленного производства. За 5 лет планируется сформировать в основном мощную базу современного машиностроения и производства новых материалов.

Самостоятельным важным двигателем экономического роста призван стать сектор услуг, доля добавленной стоимости которого в экономике Дунбэя должна вырасти с нынешних 36% до 40%.

Приоритетное внимание отдается научно-техническому развитию и инновациям, для повсеместного внедрения которых планируется значительное наращивание финансовой поддержки (расходы на НИОКР к 2015 г. составят до 2% ВРП), развитие технопарков, научно-исследовательских центров и производственных баз, привлечение в регион передовых технологий и кадров, в т.ч. из-за рубежа.

Взяв курс на сглаживание дисбаланса территориального развития Дунбэя, ускорение процесса урбанизации, скоординированное развитие города и села. Предполагается активизировать реализацию программ зонального развития, предусматривающих формирование мощных производственных кластеров (Приморского экономического пояса провинции Ляонин и экономического пояса Чанчунь—Цзилинь—Тумэнь, Цзилиньской зоны нового освоения, восьми экономических зон и пояса приграничной открытости провинции Хэйлуцзян и др.). Для развития районов концентрированного аграрного производства и зон с особым экологическим статусом в бюджетах всех уровней предусматривается отдельное финансирование. Особый статус придадут национальным, окраинным и приграничным территориям, на которые планируется распространить меры поддержки, схожие с политикой развития западных регионов КНР.

В центре внимания — экономическая переориентация моногородов, для развития которых государством будут выделяться дополнительные субсидии и централизованное финансирование, стимулироваться создание новых рабочих мест.

Краеугольным камнем возрождения старой промышленной базы остается углубление реформы госпредприятий с акцентом на их акционирование. Госинвестиции будут направляться преимущественно на поддержку производств, имеющих особо важное экономическое значение или связанных с обеспечением национальной безопасности. В приоритетном порядке будет стимулироваться развитие частного бизнеса, среднего и малого предпринимательства.

Меры по защите окружающей среды выдвигаются на первое место. Предусматриваются, в частности, сокращение вредных выбросов, внедрение на предприятиях новых экологических стандартов, значительное сокращение вырубки лесов и реализация масштабных проектов по увеличению лесонасаждений и защите степных и земельных ресурсов (коэффициент лесопокрытия намечено увеличить на полтора процентных пункта (т.е. до 37,5%), запас древесины на корню — на 100 млн куб. м). Отдельно выделяется охрана водных ресурсов, для обеспечения которой будет создаваться сеть ирригационных систем, промышленное потребление воды сократится за 5 лет на 30%. На основных реках, включая пограничные с Россией Амур, Уссури и Аргунь, планируется проведение берегоукрепительных работ и противопаводковых мероприятий.

В качестве главных приоритетов социальной политики на период 12-й пятилетки определены обеспечение занятости (удержание безработицы в пределах 5% и создание 7,5 млн новых рабочих мест), повышение доходов в городе и на селе (не менее чем на 13% в год), улучшение системы социального и пенсионного обеспечения, масштабное строительство доступного жилья (за 5 лет — 3,1 млн новых квартир), повышение охвата обязательным 9-летним образованием (с 96% молодежи до 98,5%).

В части дальнейшего развития внешней открытости Дунбэя усилия будут сосредоточены на расширении масштабов и улучшении структуры внешней торговли, совершенствовании системы привлечения и использования иностранных инвестиций (прежде

всего, в современное машиностроение, новые технологии, сельское хозяйство), наращивании объемов «выхода вовне» (т.е. в освоение ресурсов сопредельных стран, строительство инфраструктуры для их доставки, создание перерабатывающих и сельскохозяйственных баз).

Будет централизованно поддерживаться развитие приграничных территорий, включая совершенствование транспортной инфраструктуры, повышение пропускной способности пунктов пропуска, создание экспортно ориентированных производственных зон, повышение эффективности работы приграничных торговых комплексов, расширение масштабов приграничной торговли и сфер расчетов в национальных валютах.

Отдельно отмечается необходимость повышения уровня сотрудничества с Россией. Предписывается, в частности, активизировать реализацию Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР:

- ускорить строительство трансграничных мостовых переходов (Нижнеленинское—Тунцзян, Благовещенск—Хэйхэ, Покровка—Логухэ, Полтавка—Дуннин);
- развивать научно-техническое взаимодействие;
- наращивать финансовую поддержку российско-китайских проектов, в том числе с использованием средств специально создаваемого фонда;
- продвигать совместное освоение острова Большой Уссурийский⁶.

Единственным фундаментальным изменением в Плане по сравнению с аналогичным документом 2007 г. стало смещение акцентов в приоритетах развития региона с количественных характеристик на качественные. Валовой региональный продукт (ВРП) и его рост были исключены из документа в качестве ориентира. Вместо них появился такой пункт, как доход на душу городского и сельского населения, который должен будет опережать рост общих показателей по экономике. Это представляет собой вызов старой модели управления экономическим развитием на местах (ведь вплоть до 2010 г. местные власти предпочитали инвестировать в инфраструктурные проекты, в результате чего экономика страны росла значительно быстрее доходов населения. Помимо этого, в Программе увеличено количество показателей по защите окружающей среды, экологии, инновациям и социальной поддержке населения⁷.

Как уже отмечалось, немалое место в политике возрождения Северо-Востока КНР уделяется развитию сотрудничества с трансграничными государствами. Среди принятых по этим вопросам документов следует выделить подписанное главами правительств 3-х провинций Дунбэя и Автономного района Внутренней Монголия в августе 2012 г. *«Рамочного соглашения о сотрудничестве 4-х районов-провинций Северо-Востока с Россией»*.

В документе выделено 9 приоритетных направлений сотрудничества. При этом акцент сделан на продолжение дальнейшего взаимодействия Китая и России по «Программе сотрудничества Северо-Восточного Китая с Дальним Востоком и Восточной Сибирью России на 2009–2018 гг.». Важную роль призваны сыграть Маньчжурская экспериментальная открытая зона экономического развития государственного уровня, Хуньчуньская образцовая зона международного сотрудничества в бассейне реки Тумэньцзян, Образцовая зона международного сотрудничества на острове Большой Уссурийский (Хэйсяцзыдао) и Комплексная бондовая зона города Суйфэнхэ.

В соглашении предусматривается создание инвестиционного фонда для содействия китайско-российскому региональному сотрудничеству на основе долевого участия. Планируется расширить трансграничную толлинговую торговлю с Россией (опорой ее станут созданные на территории России зоны сотрудничества). Правительства провинций должны будут поощрять предприятия, инвестирующие капиталы в китайско-россий-

скую зону торгово-экономического сотрудничества в Уссурийске, поддерживать промпарк в Чите по развитию толлинговой торговли.

Отдельно в соглашении выделено сотрудничество в научно-технической сфере, указана необходимость «ускорять заимствование и внедрение новых российских технологий и инновационных достижений». Тесное сотрудничество в этой сфере предполагается осуществлять через созданные на территории Дунбэя совместные научно-технические центры, а именно: Китайско-российский центр научно-технического сотрудничества и промышленного внедрения провинции Хэйлунцзян, Чанчуньский китайско-российский научно-технический парк, Китайско-российский парк научно-технического сотрудничества в Шэньяне⁸.

Последним из важных документов, оглашенных Госсоветом КНР по вопросам возрождения и развития Дунбэя, стало «*Мнение Госсовета "О некоторых важных политических мерах по поддержанию возрождения Северо-Востока в ближайшее время"*» (август 2014 г.). Документ состоит из 11 разделов, в которых перечислено 35 политических мер. Первый акцент в нем сделан на «приложении усилий по стимулированию жизнеспособности рынка»: предлагается осуществить децентрализацию экономики, что сулит возможности развития конкуренции между различными рыночными субъектами хозяйствования. Для региона, как уже говорилось, характерна высокая доля госэкономики, рыночные отношения развиты недостаточно, разграничение государственных и рыночных функций нечетко, власти чрезмерно вмешиваются в решение конкретных экономических вопросов. В документе недвусмысленно предлагается приложить усилия к «энергичному продвижению» реформ ключевых госпредприятий региона. Для этого предлагается в сжатые сроки осуществить политические мероприятия, направленные на классификацию предприятий, в течение 2–3 лет «правильно решить проблемы, оставшиеся из прошлого» (а именно, отделение от коммерческой деятельности предприятий некоторых социальных функций, осуществление реструктуризации основных и вспомогательных производств, создание современных систем предприятий и др.)

Связанный с реформированием второй важный аспект документа — вопрос повышения конкурентоспособности промышленности, для чего предлагается осуществить трансформацию и модернизацию ее традиционных отраслей, активно развивать новые стратегические отрасли, энергично развивать сферу современных услуг. Предлагается при сооружении ключевых промышленных национальных объектов использовать промышленное оборудование местных китайских производителей, оказывать поддержку производителям оборудования для ядерной энергетики, тепловых электростанций, железнодорожного оборудования, нефтехимической металлургии, высококлассных станков при экспорте их продукции.

Для осуществления стратегии «выхода во вне» и ее более активной реализации в Дунбэе необходимо расширять транспортную инфраструктуру региона, которая по-прежнему является фактором, ограничивающим его внутреннее развитие и сдерживающим выход продукции региона за рубеж. Документ содержит следующие предложения:

- открыть движение по железнодорожной магистрали в восточной части Дунбэя;
- проработать возможности строительства железной дороги в пограничных районах провинции Хэйлунцзян;
- ускорить реализацию проекта по реконструкции и расширению строительства аэропорта в Харбине;
- начать строительство первой очереди аэропортов в городах Сунъюань, Саньцзян, Удаляньчи и Суйфэньхэ;
- активизировать строительство международного транспортного коридора, открыть китайско-европейский железнодорожный коридор через Россию с акцентом на

продвижение строительства таких объектов, как железнодорожный мост через китайско-российскую пограничную реку Тунцзян и автодорожный мост через китайско-корейскую пограничную реку Ялуцзян;

– проведение ТЭО о трансграничных железнодорожных проектах между Китаем и Россией в Фуюане и Хэйхэ⁹.

В документе говорится о необходимости «осуществления более активной стратегии открытости», важнейшими направлениями которой обозначены:

– расширение сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии и развитыми странами;

– усиление конвергенции Северо-Востока Китая в вопросе развития Дальнего Востока России; запуск механизма сотрудничества Китая и России по освоению Дальнего Востока, содействие в реализации крупных проектов сотрудничества в энергетике, добыче полезных ископаемых, в производственных отраслях; ускорение подготовки к созданию китайско-российского инвестиционного фонда развития регионального сотрудничества, согласно утвержденному Госсоветом плану; поддержание статуса Харбина в качестве формирующегося ныне центра сотрудничества с Россией;

– формирование ряда крупных «открытых платформ» для международного сотрудничества — с этой целью планируется создать ключевые пилотные зоны развития и открытости в городах Суйфэньхэ, Яньцзи, Дандун и экспериментальное открытие зоны экономического развития в Маньжоули и Эрлянь-Хото, Хунчуньской образцовой зоны международного сотрудничества.

В интересах совершенствования политики внешнеэкономической открытости в Харбине, Чанчуне и ряде других городов Дунбэя в отношении граждан ряда стран и регионов мира будет осуществляться безвизовый режим на период 72-х часов транзита¹⁰.

* * *

В заключение следует отметить, что с момента, когда начиналась реализация Программы возрождения старой промышленной базы Северо-Востока, она претерпела значительные изменения. О результате работы наглядно свидетельствует статистика с 2003 по 2012 гг., за 10 лет ВРП региона вырос в 4,4 раза (при среднегодовом приросте 12,7%). За эти годы среднегодовые темпы прироста Ляонина, Цзилиня и Хэйлунцзяна соответственно составляли 12,8%, 13,8% и 11,7% (при среднегодовых темпах роста экономики КНР — 10,7%).

Статистические данные о состоянии экономики провинций Северо-Востока в 2013 г. свидетельствуют, что данный регион сохранил положительную динамику развития. По объемам ВРП из 31 административно-территориальной единицы Китая провинция Ляонин — на 7-м месте (452 млрд долл.), Хэйлунцзян — на 17-м месте (238 млрд долл.), Цзилинь — на 21-м (около 215 млрд долл.). В совокупности ВРП трех провинций составил 905 млрд долл. или на 824 млрд долл. больше, чем у российского Дальневосточного Федерального округа в том же году.

В последние годы в провинциях Дунбэя ситуация с ключевыми социально-экономическими показателями (инвестиции в основные фонды, состояние бюджета, уровень инфляции) в целом складывались благоприятно. Несмотря на некоторый спад, объемы инвестиций в основные фонды в 2013 г. выросли на 22,7%.

Ускоренными темпами осуществлялась структурная перестройка экономики, доля частного сектора хотя и не столь быстро, но увеличивалась. Проходила оптимизация структуры промышленности, традиционные отрасли продолжали развиваться. Быстрое развитие получила глубокая переработка продукции сельхозсырья, ставшая новой отраслью экономики Дунбэя.

Приморский экономический пояс провинции Ляонин, экономический район Шэньяна, экономический пояс «Чанцзиту» (Чанчунь—Цзилинь—Тумэнь) и ряд других экономических районов имеют чрезвычайную важность для национальной стратегии развития. Открытие этих районов внешнему миру и скоординированное развитие позволило достигнуть значительных экономических эффектов.

Несмотря на достигнутые результаты, китайские эксперты полагают, что даже по прошествии 10 лет регион продолжает сталкиваться с трудностями. Появились проблемы следующего характера: экономический рост замедлился, реструктуризация экономики не дает положительных результатов, степень рыночной открытости невелика, в реформе не было решительных прорывов и др. В 12-ой пятилетке необходимо решить эти и многие другие вопросы.

По сравнению с предыдущим десятилетием (2003–2012 гг.) в 2013 г. значительно замедлились темпы роста экономики региона, по увеличению ВРП ни одна из трех его провинций не попала в первую десятку по стране.

Это связано, главным образом, с нестабильностью на инвестиционном рынке. На протяжении 12 лет доля Дунбэя во внешнеторговом обороте КНР стабилизировалась на отметке 4%, тогда как доля провинции Гуандун — 20%.

За 12 лет реформирования была осуществлена частично структурная перестройка, изменилась стратегия развития, несколько сократились внутрирегиональные различия, но чтобы добиться ощутимых результатов, региону еще предстоит пройти долгий и непростой путь. Так, в последние годы во всех провинциях Дунбэя активно развивается сфера услуг, но эти усилия не изменили соотношение трех сфер экономики.

По-сравнению с юго-восточными и восточными провинциями доля госсобственности продолжает оставаться высокой.

Инновационная система в регионе несовершенна, не создан современный механизм координации научных исследований с их дальнейшим внедрением в производство, слабо обеспечено собственными ключевыми технологиями основное тяжелое производство, медленно развиваются новые и инновационные отрасли, объем выпускаемой инновационной продукции невелик.

1. *Ставров И.В.* Социально-экономическое развитие северо-восточного региона КНР в программных документах Центра // Китай в процессе модернизации государства и общества (к итогам XVIII съезда КПК) (по материалам круглого стола) // У карты Тихого океана. 2012. № 28 (226). С. 34–40.
2. URL: http://www.china.com.cn/economic/txt/2007-09/15/content_8888824.htm.
3. *Ставров И.В.* Указ. соч. С. 34–40.
4. Там же.
5. Там же.
6. URL: <http://zfxgk.ndrc.gov.cn>.
7. URL: <http://ihaefe.org/files/pacific-ocean-map/30.pdf>.
8. URL: http://www.chinaneast.gov.cn/2012-08/10/c_131776891.htm.
9. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-08/26/content_33341415.htm.
10. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-08/19/content_8996.htm.

Китайско-латиноамериканское экономическое сотрудничество

© 2015

Н. Коледенкова, А. Палеев

В статье рассматривается китайско-латиноамериканское экономическое сотрудничество в сферах торговли, инвестиций, освоения сырьевых ресурсов. Анализируется процесс вывоза капитала в виде прямых инвестиций Китая в экономику стран Латинской Америки.

Ключевые слова: сырьевые ресурсы, торгово-экономическое сотрудничество, внешнеторговый оборот, зарубежные инвестиции Китая.

В ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Латинскую Америку в июле 2014 г. были достигнуты важные договоренности по дальнейшему развитию торгово-экономических отношений. Это, прежде всего, создание Нового банка БРИК и Пула условных резервных валют, определение намерений о сотрудничестве в процессе строительства трансбразильской и трансперуанской железных дорог, подписание ряда соглашений о сотрудничестве в таких сферах, как сырьевые ресурсы, энергетика, инвестиции, финансы, сельское хозяйство¹. На встрече Си Цзиньпина с руководителями Сообщества латиноамериканских и Карибских государств /СЕЛАК/ было объявлено о создании Форума Китай — СЕЛАК, что призвано способствовать экономической интеграции Китая с этими странами².

КНР и Латинская Америка прилагают усилия продвижению торгово-экономических связей на более высокий уровень. Для этого Китай в ходе визита Си Цзиньпина предложил создать новые совместные рамки сотрудничества в формате «1+3+6», где цифра «1» означает «Программу сотрудничества Китая с латиноамериканскими и карибскими государствами на 2015–2019 гг.»; цифра «3» подразумевает три ключевых направления взаимодействия (торговлю, инвестиции и валютно-финансовую сферы); «6» — это приоритетные сферы сотрудничества (энергоресурсы, инфраструктура, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, научно-технические инновации, информационные технологии)³.

В январе 2015 г. в Пекине проходила первая министерская встреча в рамках Форума Китай — СЕЛАК, ознаменовавшая, по оценке Си Цзиньпина, воплощение в реальность концепции наращивания сотрудничества Китая со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, что оказывает важное влияние на укрепление взаимодействия «Юг-Юг».

Коледенкова Наталья Никитична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: Koledenkova@ifes-ras.ru.

Палеев Антон Олегович, аспирант Института Дальнего Востока РАН. E-mail: antonbegin@mail.ru.

Как подчеркнул министр иностранных дел Ван И, учреждение данной структуры создает новые шансы для продвижения двусторонних отношений на более высокий уровень; сторонам следует планомерно реализовывать новые рамки сотрудничества между КНР и СЕЛАК на основе концепции «1+3+6» и осуществлять План сотрудничества на 2015–2019 гг.⁴

Поиск путей обновления общих интересов есть основа взаимовыгодного сотрудничества. С одной стороны, на новом этапе своей экономической трансформации страны Латинской Америки стремятся уйти от модели экспорта первичной продукции и перейти к производственной отрасли. С другой стороны, это отвечает намерениям Китая избавиться от излишних производственных мощностей. Торговая взаимодополняемость свидетельствует о наличии у обеих сторон потенциала для совместного развития.

Китай является вторым торговым партнером стран Латинской Америки, они — седьмой торговый партнер Китая, будучи регионом, чей экспорт растет наиболее быстрыми в мире темпами. В последние десять лет объем двусторонней торговли между КНР и Латинской Америкой увеличился более чем в 21 раз, среднегодовые темпы роста составили около 30%⁵. В январе-ноябре 2014 г. их двусторонний товарооборот составил около 241,9 млрд долл., китайские прямые инвестиции в нефинансовые отрасли латиноамериканских стран достигли 12,4 млрд долл.⁶ Динамика внешней торговли КНР со странами Латинской Америки за 2005–2013 гг. показана в таблице 1.

Таблица 1

Внешняя торговля КНР со странами Латинской Америки, в 2005–2013 гг., млрд долл.

	2005 г.			2013 г.		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
КНР	1421,9	761,9	660,0	4158,9	2029,0	1949,9
Латинская Америка	50,5	23,7	26,8	261,4	133,9	127,4
г. ч.						
Аргентина	5,1	1,3	3,8	14,8	8,7	6,1
Бразилия	14,8	4,8	10,0	90,2	35,9	54,3
Венесуэла	21,4	9,1	12,3	19,2	6,1	13,1
Чили	7,1	2,1	5,0	33,8	13,1	20,7
Колумбия	1,1	0,9	0,2	10,4	6,8	3,6
Перу	2,9	0,6	1,2	14,6	6,2	8,4
Эквадор	0,5	0,46	0,4	3,7	2,9	7,8
Уругвай	0,5	0,3	0,2	4,8	2,3	2,5
Парагвай	0,3	0,25	0,05	1,4	1,4	0,06
Боливия	0,8	0,5	0,3	0,8	0,5	0,3

Источник: Чжунго тунци няньцзянь — 2006 (Статистический ежегодник Китая — 2006). Пекин, ГСУ КНР, 2006 г. Табл. 18–8. Чжунго тунци няньцзянь — 2014. Пекин, 2014 г. Табл. 11–6.

Как видно из таблицы, при росте общего внешнеторгового оборота КНР за 2006–2013 гг. в 2,9 раза объем оборота со странами Латинской Америки возрос в 5,2 раза (причем с Бразилией — почти в 6,1 раза). Импорт Чили за указанный период увеличился в 4 раза, импорт Перу семикратно. Доля Латинской Америки в общем объеме внешнеторгового оборота КНР в 2005 г. составляла 3,5%, а в 2013 г. — 6,5%. Сама по себе эта доля невелика, однако уверенная тенденция ее роста — налицо.

Обращает на себя внимание, что 72% импорта Китая приходится на сырьевые ресурсы⁷. Латинская Америка стала для него одним из важнейших источников получения нефти, железной руды, меди, никеля. Так, за период с 2001 по 2013 гг. поставки нефти в Китай из Венесуэлы увеличились в 25 раз, достигнув 30,5 млн т. К апрелю 2014 г., суточный объем поставок венесуэльской нефти в Китай достиг 640 тыс. баррелей. Президент Венесуэлы планирует довести его к 2016 г. до 1 млн. По прогнозу Международного энергетического агентства о четырехкратном увеличении Китаем импорта нефти к 2030 г., спрос на ресурсы Венесуэлы возрастет в разы.⁸ А импорт железной руды из Бразилии к маю 2014 г. увеличился по сравнению с маем 2013 г. на 13%, составив 12,397 млн т. Фактически, потребности китайской экономики в сырьевых ресурсах стали решающим фактором нарастания его импорта из Латинской Америки. Показателен пример Бразилии: удельный вес ее сырья в структуре китайского импорта (составлявший в 2000 г. менее 50%), в 2010 приблизился к 80%⁹. Следует отметить, что от расширения экономического присутствия Китая выгоду получает довольно ограниченная группа латиноамериканских стран, а именно те, что обладают значительными природными ресурсами. Так, в 2005 г. 86,9% экспорта Латинской Америки в Китай пришлось только на пять государств — Бразилию, Чили, Аргентину, Венесуэлу и Перу (в 2012 г. — 81,3%).

Китай является ныне вторым после Бразилии торговым партнером Аргентины (товарооборот с ней в 2013 г. составил 14,8 млрд долл.). Он — третий крупнейший торговый партнер Чили (объем двусторонней торговли в 2013 г. достиг 33,8 млрд долл.). По мнению М. Бачелет, несмотря на столь высокие показатели, в торгово-экономическом сотрудничестве между Чили и Китаем налицо возможности «неограниченного роста»¹⁰.

Китай является одним из основных торговых партнеров Венесуэлы, она — его четвертый торговый партнер в Латинской Америке. По итогам 2013 г. китайско-венесуэльский товарооборот вырос в 40 раз по сравнению с уровнем 2001 г., достигнув 19,2 млрд долл.¹¹ КНР помогает Венесуэле реализовать свыше 220 проектов в сфере экономики. В ходе визита Си Цзиньпина в Венесуэлу был подписан ряд проектов экономического сотрудничества.

Для дальнейшего развития внешней торговли Китая важным моментом является создание зон свободной торговли с другими странами — в том числе, с латиноамериканскими. В 2007 г. Китай впервые заявил о намерении проводить стратегию зон свободной торговли. К настоящему времени подписано соглашение о свободной торговле с Перу, Коста-Рика и Чили.

Как отмечается, в Желтой книге, опубликованной в 2014 г. Институтом Латинской Америки АОН (Академии общественных наук Китая), в торгово-экономической области в 2013 г. между Китаем и странами Латинской Америки были достигнуты значительные договоренности. В ближайшие годы стороны будут и далее развивать сотрудничество и их отношения вступят в новый этап стратегического развития. В ближайшие десять лет предполагается увеличить объем двусторонней торговли до 500 млрд долл. По оценке экономической комиссии стран Латинской Америки и стран Карибского бассейна, в 2016 г. Китай опередит США по объему внешнеторгового оборота с Латинской Америкой. Важно отметить, что с увеличением товарооборота Китая с латиноамериканскими странами важным шагом становятся взаимные расчеты в национальных валютах¹².

Китайское руководство считает проведение встреч и переговоров на высшем уровне важным средством укрепления дипломатических отношений, которые в свою очередь дают возможность взаимодействия с бизнесом. Подобные встречи дополняются частными контактами в различных форматах: на форумах «большой двадцатки», БРИКС, организаций системы ООН, АТЭС. Пекин заключил отношения стратегического парт-

нерства с Бразилией, Венесуэлой, Мексикой, Аргентиной, Кубой. В этом регионе были основаны такие структуры, как форум «Китай — Латинская Америка» и Китайско-южноамериканский диалог общего рынка. В 2014 г. было объявлено о создании Форума Китая — СЕЛАК. Более того, у КНР имеется статус наблюдателя в Организации Американских государств (ОАГ). Осуществляются и разнообразные инициативы, направленные на стимулирование торгово-экономических связей. Так, Китайский комитет содействия развитию международной торговли, начиная с 2007 г., проводит ежегодные встречи предпринимателей Китая и Латинской Америки. Одна из главных целей этих мероприятий — продвижение китайских инвестиций в страны Латинской Америки и дальнейшее развитие двусторонней торговли.

Китай уделяет особое внимание экспорту капитала в виде прямых инвестиций. Для реализации этой задачи сессия ВСНП утвердила в 2000 г. стратегию «выхода вовне» с целью получения доступа к сырьевым ресурсам, выхода на новые рынки сбыта и приобретения современных технологий. Принципиально важным внешним фактором стало вступление КНР в ВТО в ноябре 2001 г., что повлекло за собой совершенствование механизма зарубежного инвестирования китайских компаний. В 2014 г. объем прямых китайских инвестиций в зарубежные страны достиг, согласно данным недавно прошедшей 3-й сессии ВСНП 12-го созыва, 102,9 млрд долл.

В частности, крупные инвестиции Китая сосредоточены в странах Латинской Америки, составляющие в них до 13% общего количества иностранных инвестиций. По официальным данным, Китай стал третьим источником инвестиций для Латинской Америки. В 2013 г. он вложил в нефинансовый сектор экономики ее стран 15,16 млрд долл., или на 42,9% больше, чем годом ранее. За первые 5 месяцев 2014 г. прямые китайские инвестиции в этот сектор достигли 5,33 млрд долл. Как предполагается, в ближайшие десять лет общий объем китайских инвестиций в экономику стран Латинской Америки может достигнуть 250 млрд долл.¹³

По данным Heritage Foundation Бразилия занимала в 2011 г. 4-е место, а Аргентина 6-е (14,0 млрд долл.) по зарубежным инвестициям Китая среди стран мира. Для сравнения, инвестиции Китая в Австралии составляли тогда 38,4 млрд долл., в США — 30,5 млрд, в Алжире — 19,2 млрд, в Иране — 17,3, в Нигерии — 15,3, в Саудовской Аравии — 12,2 млрд, в Канаде — 10,4 млрд, в Великобритании — 9,0 млрд, в Российской Федерации — 9,1 млрд. (эти данные касаются сделок свыше 100 млн долл.)¹⁴.

В Перу, Венесуэле и Эквадоре китайские государственные компании заключают соглашения с государством. В Бразилии и Аргентине, в последнее время —

В таблице «2» показана динамика объема китайских прямых инвестиций за рубежом по отраслям за 2008–2013 гг.

Как следует из таблицы «3», доля китайских прямых инвестиций за рубежом в добывающие отрасли значительна, налицо тенденция ее роста с 10,4% в 2008 г. до 23% в 2013 г. Приоритетное направление вывоза капитала Китая в проекты освоения сырьевых ресурсов особенно характерно для стран Латинской Америки. В отраслевой структуре доминирует освоение нефтегазовых и рудных ресурсов. Китайские инвестиции идут как на непосредственное приобретение активов крупных нефтегазовых корпораций и концернов по добыче минерально-сырьевых ресурсов, создание совместных с латиноамериканскими странами предприятий в области разработки сырьевых ресурсов, так и на развитие соответствующей инфраструктуры.

Как уже отмечалось, одним из основных направлений китайских инвестиций в Латинской Америке — это проекты, связанные с деятельностью китайских нефтегазовых корпораций в разведке и разработке месторождений нефти и газа. Основное внимание было сосредоточено на Венесуэле. В 1997 г. Китайская национальная нефтегазовая кор-

порация (КННК) выиграла там тендеры на разработку месторождений Интеркампо на оз. Маракайбо и Каракол на востоке страны и подписала контракт с государственной нефтяной компанией *Petroleos de Venezuela S.A.* на 20 лет. В 2006 г. контракт был трансформирован в совместное предприятие с долей КННК в 25%.

Таблица 2

Прямые инвестиции Китая за рубежом по отраслям

Отрасли	2008 г.		2012 г.		2013 г.		Накоплено на конец 2013 г., млрд долл.
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	
Всего	55,9	100,0	87,8	100,0	107,8	100,0	660,5
В сельское, лесное, рыбное хозяйство	0,2	0,4	1,5	1,7	1,8	1,7	7,2
В добывающие отрасли	5,8	10,4	13,5	15,4	24,8	23,0	106,2
В обрабатывающие отрасли	1,8	3,2	8,7	9,9	7,2	6,7	41,97
В строительство	0,7	1,3	3,2	3,6	4,4	4,1	19,4
В транспорт, складирование, почту	2,7	4,8	3,0	3,4	3,3	3,1	32,2
В оптовую и розничную торговлю	6,5	11,6	13,0	14,8	14,6	13,5	86,7
Лизинг	21,7	38,8	26,7	30,4	27,1	25,1	195,7
Финансовый сектор	14,0	25,0	10,1	11,5	15,1	14,0	117,1

Источник: Чжунго тунци няньзянь — 2009. Пекин. 2009. Табл. 17–21. Чжунго тунци няньзянь — 2013. Пекин. 2013. Табл. 6–19. Чжунго тунци няньзянь — 2014. Пекин 2014. Табл. 11–20.

В районе нефтяного пояса Ориноко ведет добычу совместная венесуэльско-китайская компания «*Petrosinovenesa*». (китайцы владеют 40% ее акций, «*Petroleos de Venezuela*» — 60%)¹⁵. Запасы нефти на этом месторождении оцениваются в 8,7 млрд баррелей (около 1,2 млрд т). Согласно условиям соглашения, CNPC сможет добывать на этом месторождении 2,9 млрд баррелей (396 млн т) тяжелой нефти и в течение 25 лет поставлять ее в Китай. КННК выдает Венесуэле кредит в 12 млрд долл. Возможно, что дальнейшая совместная разработка этого месторождения позволит увеличить поставки венесуэльской нефти в Китай еще на 400 тыс баррелей в день¹⁶.

Китайские компании с 2004 г. активизировались в Бразилии. Синопек подписала соглашение с бразильской национальной нефтяной компанией *Петробрас* на сумму 10 млрд долл. о сотрудничестве в разведке и добычи нефти, а в 2005 г. *Петробрас* заключила с китайской *Синохим* контракт на поставку в Китай тяжелой нефти с морского месторождения НГБ Кампус. В мае 2010 г. *Синохим* выкупила 40% доли норвежской компании *Station* в бразильском нефтяном месторождении *Перегрино* за 3,07 млрд. долл. Крупнейшая сделка в истории китайской инвестиционной деятельности в Латинской Америке состоялась в октябре 2010 г. — китайская нефтегазовая корпорация «*Sinorec*» за 7,1 млрд долл. приобрела 40% бразильских активов испанской нефтегазовой компании «*Repso*».

В марте 2010 г. китайская нефтяная корпорация *China Offshore Oil Corp.* (CNOOC) приобрела 50% акций второй по величине нефтедобывающей корпорации Аргентины — *Bridas Energy Holding Ltd. Corp.* Общий объем сделки составил 3,1 млрд долл.¹⁷

Китайские нефтегазовые компании намерены и далее развивать свою деятельность в этом направлении.

Помимо инвестиционных проектов, связанных с добычей нефти, КНР проявляет активность в создании совместных предприятий по добыче каменного угля, железной руды, меди, никеля и т.д. Крупная сделка (на 1,2 млрд долл.) была совершена в марте 2010 г. между государственной компанией «Китайское бюро горной разведки и проектирования» (провинция Цзянсу) и бразильским производителем железной руды Itaminas Comercio de Minerios S.A.¹⁸ (которая производит железорудного сырья 3 млн т в год, но имеет потенциал расширения мощностей до 25 млн т в год.

Совместные предприятия по разработке месторождений железной руды Созданы во многих странах в Латинской Америке. Так, металлургическая компания China Metallurgical Group Corp. успешно реализует железорудный проект Sierra Grande в Аргентине. Wuhan Iron & Steel (Group) Corp направила 400 млн долл. на приобретение акций бразильской компании MMX, увеличив свой пакет акций в ней до 21,52%.

Главным поставщиком железной руды в Китай традиционно выступает Австралия, чей экспорт составляет 45,375 млн т. На втором месте — Бразилия (12,397 млн т.).

В 2005 г. между государственной чилийской медедобывающей корпорацией «Codelco» и китайской горнорудной компанией «Minmetals» было подписано соглашение о создании совместного медеплавильного предприятия. Согласно соглашению, в течение 15 лет «Minmetals» должна инвестировать в мединорудную промышленность Чили 2 млрд долл. В течение этого периода в Китай будет поставлено 836 тыс т меди.

Важное соглашение о покупке медного проекта Лас-Бамбас в Перу было подписано в апреле 2014 г. китайским консорциум, в который вошли компания Minmetals Resources Limited при Китайской корпорации металлов и минералов, Международная инвестиционная компания «Госинь», швейцарская компания GlencorexstrataPLc и пр. Предполагается, что стоимость сделки достигнет 5,85 млрд долл. Это станет крупнейшей для Китая зарубежной закупкой в сфере горнорудной промышленности. Рудник Лас-Бамбас является крупнейшим в мире строящимся проектом по добыче меди. В течение первых пяти лет после введения в эксплуатацию проект будет обеспечивать добычу около 450 тыс т меди в год. После окончания строительства. Китайская корпорация металлов и минералов станет крупнейшей в стране мединорудной компанией и войдет в число десяти крупнейших в мире производителей медной руды¹⁹.

В последние годы КНР расширит такой вид инвестиционной деятельности, как кредитование зарубежных стран. Так, в начале 2011 г. Промышленно-торговый банк Китая выделил заемные средства для Венесуэлы в 4 млрд долл. ради ежедневных поставок нефти почти по 110 тыс. баррелей. Соответствующий меморандум подписали государственная нефтегазовая корпорацией «Petroleos de Venezuela» и китайский холдинг «CITIC Group». Кроме того, выделены кредиты в 690 млн долл. на развитие добычи полезных ископаемых. В ходе своего визита по странам Латинской Америки и Карибского бассейна Си Цзиньпин объявил о предоставлении бразильской горнодобывающей компании Vale кредита в 5 млрд долл.

За период 2005 —2011 гг. объем кредитов, предоставленных китайскими банками странам Латинской Америки, превысил 75 млрд долл. Причем, за последние три года Китай сумма кредитов составила 50 млрд долл. (Африка, впрочем получила от него кредитов вдвое больше)²⁰.

У компаний КНР налицо преимущества перед конкурентами в данном регионе. Так, китайские компании, пользуясь кредитными линиями, предоставленными государством, могут заключать убыточные для себя сделки, ибо правительство и финансовые учреждения против этого не возражают, предоставляя соответствующие средства. Это связано с тем, что отдельные компании берут за основу своей деятельности не коммерческую выгоду, а достижение целей правительства, направленных, прежде всего, на получение возможности перекрыть доступ другим странам к сырьевым ресурсам региона²¹.

Итак, на нынешнем этапе КНР и Латинская Америка прилагают усилия к расширению двусторонних торгово-экономических связей и их продвижению на более высокий уровень.

1. URL: <http://www.russian.people.com.cn/n/2014/0725/c31521-8760734.html>.
2. URL: <http://russian.china.org.cn/exclusive/tx> http://www.russian.people.com.cn/n/t/2014-07/24/content_33043414.htm.
3. URL: [2014/0725/c31521-8760734.html](http://www.russian.people.com.cn/n/2014/0725/c31521-8760734.html).
4. URL: <http://www.russian.people.com.cn/n/2015/0109/c31521-8833847.html>.
5. URL: <http://www.russian.people.com.cn/n/2014/0725/c31521-8760734.html>.
6. URL: <http://www.russian.people.com.cn/n/2015/01108/c31518-8833548.html>.
7. URL: <http://inosmi.ru/world/20140429/219927390.html>.
8. URL: <http://www.3world-war.su/ekonomika/227-ssha-ispolzuet-neft-venesujely-dija-davlenija-na.html>.
9. URL: http://spbu.ru/files/scientific_works/leksutina/10.pdf.
10. URL: <http://www.russian.people.com.cn/n/2014/1111/c31518-8807471.html>.
11. URL: <http://www.rosbalt.ru/dusiness/2014/07/22/1294873.html>.
12. URL: <http://www.russian.people.com.cn/n/2014/0718/c95181-8757357.html>.
13. <http://www.russian.people.com.cn/n/2014/0725/c31521-8760734.html>.
14. Бергер Я. М. Внешнеэкономическая экспансия КНР и эволюция военной доктрины // ИМ ИДВ РАН. Сер. Ж: Социально-экономическое положение Китая. Вып. 5, Ч. 2. М., 2014. С. 140–141.
15. URL: <http://www.3world-war.su/ekonomika/227-ssha-ispolzuet-neft-venesujely-dija-davlenija-na.html>.
16. URL: <http://word.eizvestia.cjv/full/4196225>.
17. URL: <http://belta.by>, 15 марта 2010 № 206968.
18. URL: www.chinaPro.26.03.2011.
19. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31518/8598122.html> 15/04/2014.
20. URL: <http://inosmi.ru/world/20140429/219927390.html>.
21. URL: http://mail.iwep.kz/stariysite/index.php?option=com_content&task=view&id=638&Itemid=44.

Государство и общество

Шэньчжэнь: социальные процессы и проблемы

© 2015

В. Портяков

Проанализированы особенности демографической ситуации в Шэньчжэне. Показан поиск путей преодоления «разностатусности» жителей города. Вкратце рассмотрены вопросы труда, заработной платы, социального обеспечения горожан. Отмечена высокая активность профсоюзов и общественных организаций в Шэньчжэне.

Ключевые слова: Китай, Шэньчжэнь, социальная сфера, демография, труд, заработная плата, образование, медицинское обслуживание, профсоюзы, общественные организации

Трансформация модели экономического роста в Китае неизбежно отражается в социальной политике страны. Это вполне естественно, поскольку более акцентированная социальная ориентация является одной из главных целей подвижек в существующей модели развития. В КНР впервые с начала реформ ощутимо меняется подход к социальной политике как всего лишь к инструменту достижения экономического роста.

Специфика социальных проблем в Шэньчжэне прямо связана с особенностями демографической ситуации в городе.

Прежде всего, Шэньчжэнь после обретения на рубеже 1970-х — 1980-х годов статуса специальной экономической зоны и по настоящее время характеризуется очень быстрым ростом населения. Как отмечали еще в середине прошлого десятилетия китайские СМИ, судя по историческому опыту развития общества, на Западе на увеличение числа жителей города с 3 до 10 млн человек обычно требовалось не менее ста лет, а Шэньчжэню это удалось за десятилетие¹. Исключительно быстрый рост числа людей, постоянно (то есть более года) проживающих в Шэньчжэне, зафиксировала статистика: 333 тыс. человек в 1980 г., 1,2 млн в 1988 г., 4,1 млн в 1994 г., 7 млн в 2000 г., около 10,5 млн в 2011 г. За период 1979–2011 гг. постоянное население Шэньчжэня увеличилось в 333 раза при среднегодовом приросте 11,6%².

Непрерывно расширявшиеся производственные мощности города предьявляли устойчивый спрос на новых работников, основную часть которых составили мигранты

Портяков Владимир Яковлевич, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук, профессор. E-mail: portyakov@ifes-ras.ru. Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 14-07-00058 «Развитие Шэньчжэня в условиях смены модели экономического роста в Китае».

из других регионов Китая, в том числе неквалифицированные выходцы из сельской местности. Особой квалификации в первое десятилетие и не требовалось, поскольку основной специализацией Шэньчжэня в 1980-е годы были технически несложные операции — переработка давальческого сырья, сборка изделий из деталей заказчика, копирование готовых образцов, причем преимущественно в текстильной и легкой промышленности. В последующем, по мере выхода города на производство технически все более сложной продукции, в т.ч. широкой гаммы аудио- и видеоаппаратуры, компьютерной техники и средств связи, приток мигрантов, привлекаемых более высокими, чем в других местах, заработками, не снижался. В то же время, власти не могли обеспечить всем жителям города одинаковый уровень благосостояния и социального обеспечения.

Существовавшая в КНР с 1958 г. система раздельной прописки (или регистрации — «хукоу» для горожан и селян послужила формальным основанием для разделения жителей Шэньчжэня на разные по статусу и по объему фактических прав категории. Прежде всего, было выделено постоянное и непостоянное население. К последней категории относились лица, прожившие в городе менее года. В связи со сложностью учета непостоянного населения статистические данные о его численности отсутствуют. Считается, что в настоящее время это — несколько миллионов человек.

Кроме того, постоянное население подразделяется на лиц, имеющих регистрацию (прописку) в Шэньчжэне и лиц, не имеющих ее. Поскольку второй контингент рос заметно быстрее первого (в 1979–2011 гг. среднегодовой прирост составил, соответственно, (6,9%, 30,6%³), доля граждан с пропиской в общей численности постоянного населения города остается в последние 10–15 лет стабильно невысокой. Если в 1988 г. две категории граждан количественно сравнялись — по 600 тыс. человек каждая, то в 2000 г. местную прописку имели только 18% постоянных жителей Шэньчжэня, а в 2011 г. — примерно 25% (см. табл. 1).

Таблица 1.

Постоянное население Шэньчжэня (млн человек)

Год	Постоянное население, всего	Зарегистрированное в Шэньчжэне	Незарегистрированное в Шэньчжэне
1980	0,333	0,321	0,012
1984	0,791	0,435	0,306
1988	1,201	0,601	0,600
1992	2,680	0,802	1,878
1996	4,829	1,034	3,795
2000	7,012	1,249	5,763
2004	8,008	1,651	6,357
2008	9,542	2,280	7,262
2011	10,467	2,679	7,788

Источник: Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь 2012 [Статистический ежегодник Шэньчжэня 2012]. Пекин, 2012. С. 49.

На конец 2012 г. общее население Шэньчжэня достигло 16,668 млн человек. Из них местную прописку имели 2985 тыс.⁴ По оценке, около 8 млн человек составила численность постоянных жителей города без прописки, а остальные — примерно 5,6 млн человек — та часть мигрантов, которые проживали в Шэньчжэне менее года. По плотности населения город занимает первое место в Китае, что создает «огромное давление» на социальные службы Шэньчжэня.

Различие статуса жителей города является серьезной проблемой. Не побыв, что называется, в «чужой шкуре», трудно до конца понять, какие последствия в реальной жизни влечет за собой наличие или отсутствие местной прописки. Показателен пример, приведенный пекинской газетой «Синь Цзин бао» в апреле нынешнего года. Житель Шэньчжэня У Шулянь, больной раком легких, поставил перед собой задачу дожить как минимум до июня 2016 г., поскольку только в этом случае местную прописку получит его жена (сам У Шулянь получил ее в июне 2013 г., а второй супруг вправе получить прописку только через три года). Наличие прописки позволило У Шуляню сэкономить 80–90% расходов на лечение⁵.

Вопрос о постепенной ликвидации «дуализма» в статусе жителей страны, т.е. стремление покончить с разделением прав ее граждан в зависимости от обладания городской и сельской пропиской уже поставлен в Китае в практическую плоскость. Шэньчжэнь, где проблема разностатусности жителей стоит особенно остро, призван осуществить в экспериментальном порядке поиск путей решения этой проблемы. Еще в мае

2005 г. в местном отделении Народного политического консультативного совета Китая прошло обсуждение доклада члена НПКСК Юй Сипина «Решая проблему дуализма в городе, всеми силами строить гармоничный Шэньчжэнь», в котором предлагалось в течение 2–3 лет резко повысить число горожан, имеющих местную прописку⁶.

Однако ввиду чрезвычайной сложности проблемы городской проект реформы системы прописки был принят лишь в 2012 г. Фигурирует данная задача и в плане реформ на 2013–2015 гг. Основной упор делается на расширение сферы и повышение уровня общественных услуг, предоставляемых жителям города, не имеющим местной прописки. Особое внимание уделяется доступу детей мигрантов к образованию, обеспечению мигрантов работой и жильем. Поставлена также задача снижения барьера и упрощения процедуры получения постоянной прописки. В частности, совершенствуется балльная система оценки претендентов на получение прописки. Такая система оценки сельских мигрантов, приехавших на работу в город, используется в провинции Гуандун с 2010 г. В Шэньчжэне с 2012 г. практикуется единая балльная система оценки сельских мигрантов и рабочих, привлекаемых по набору. Главными критериями для подсчета «баллов» служат личные характеристики претендента (образование, технические навыки, опыт работы, возраст) и его налоговые платежи. Дополнительные факторы, принимаемые во внимание — участие в программах социального обеспечения, жилищные условия, премирование и другие поощрения на работе. Дополнительные льготы предусмотрены для технических специалистов, инвесторов, педагогов и медицинского персонала.

Определенные успехи здесь есть, особенно в сфере образования, где дети из семей мигрантов занимают уже более половины мест для бесплатного обучения. С 15 июня 2012 г. введено единое пособие на похороны в размере 1830 юаней для всех горожан вне зависимости от прописки⁷. Но сделать предстоит еще многое.

Ситуацию отчасти усугубляет и то обстоятельство, что Шэньчжэнь, будучи городом с достаточно молодым населением, характеризуется заметно более высоким, чем Китай в среднем, естественным приростом населения (см. табл. 2).

Разница в рождаемости между Шэньчжэнем и страной в целом не особенно велика — порядка 2–3 промилле. Наличие такого разрыва в какой-то степени объясняется более частым, чем в среднем по Китаю, нарушением государственной политики деторождения в Шэньчжэне, где, судя по визуальным наблюдениям, семьи с двумя и более детьми не редкость. В то же время, радикально различается уровень смертности: если в Шэньчжэне он с середины прошлого десятилетия составляет около одного промилле, то в Китае в целом —

примерно 7 промилле. Отсюда и разительное отличие в коэффициентах естественного прироста — 13–14 промилле в Шэньчжэне и около 5 промилле в стране⁸.

Таблица 2.

**Рождаемость и естественный прирост населения
в Шэньчжэне в 2007–2011 гг. (промилле)**

Годы	Рождаемость		Естественный прирост	
	Шэньчжэнь	Китай	Шэньчжэнь	Китай
2007	14,54	12,10	13,45	5,17
2008	14,12	12,14	13,14	5,08
2009	13,70	11,95	12,84	4,87
2010	14,50	11,90	13,58	4,79
2011	15,42	11,93	14,32	4,79

Источник: Шэньчжэнь туңци няньцзянь 2012, Пекин, 2012. С. 51; Чжунго туңци чжайяо 2014 [Краткая статистика Китая 2014]. Пекин, 2014. С. 16.

Особенностью возрастной структуры населения Шэньчжэня является существенно более высокая, чем средняя по стране, доля лиц трудоспособного возраста. Вполне логично, что в городе высока и доля занятых — в 2010 г. около 68% постоянного населения, на 16,2 процентных пункта выше, чем в среднем по городам Китая⁹.

На конец 2011 г. общее количество трудозанятых в Шэньчжэне составило свыше 7645 тыс. человек. Из них во втором подразделении общественного производства было занято 3829 тыс. человек, в сфере услуг — 3813 тыс. человек и в сельском хозяйстве — около 3 тыс. человек¹⁰.

Наибольшее число работников было сосредоточено в перерабатывающей промышленности (3,5 млн человек), а также в оптовой и розничной торговле (полтора миллиона). По 200–300 тыс. человек работали в сферах транспорта, строительства, информационных услуг, отельном бизнесе и общепите. В образовании было занято около 100 тыс. человек, в медицинском обслуживании и социальном обеспечении — около 60 тыс.¹¹.

Считается, что безработица в Шэньчжэне вдвое ниже, чем в городах Китая в целом. Действительно, часто упоминается показатель безработицы 2,42% — однако неясно, к какому именно контингенту он относится. Показательно, что параллельно существует и другая оценка, согласно которой доля незанятого населения в городе в 2012 г. составила 10,3%, или около 1,7 млн человек¹².

Вместе с тем, многие предприятия, прежде всего в новых отраслях, все острее ощущают нехватку инженерно-технического персонала, особенно высококвалифицированного. По-видимому, во многом это объясняется сложностями с получением местной прописки и постепенным, но явным снижением конкурентных преимуществ Шэньчжэня по уровню заработной платы. Так, если во второй половине 1990-х гг. средняя заработная плата в Шэньчжэне превосходила общекитайский уровень почти в 2,5 раза, то в 2011 г. средняя по городам КНР зарплата достигла 75% от шэньчжэньской (см. табл. 3), а в последующие годы их отставание от него еще более сократилось.

В то же время Шэньчжэнь остается одним из лидеров среди городов Китая по размеру минимальной оплаты труда — новый стандарт, введенный с 1 марта 2015 г., составляет 2030 юаней в месяц, а для занятых неполный день — 18,5 юаня в час¹³. Для сравнения: в Гуанчжоу эти показатели составляют 1895 юаней в месяц и 18,3 юаня в час. (В самом Шэньчжэне с 1 июля 2006 г. минимальная оплата труда в пределах специальной экономической зоны составляла 810 юаней в месяц и 4,66 юаня в час, а за пределами ЭЭЗ — соответственно 700 юаней в месяц и 4,02 юаня в час¹⁴).

Таблица 3.

**Средняя заработная плата в Шэньчжэне и Китае
(городские предприятия и организации, юаней/год)**

Год	Китай	Шэньчжэнь	Соотношение
1988	1747	3388	0,51
1992	2711	5931	0,45
1996	5980	14507	0,41
2000	9333	23039	0,41
2004	15920	31928	0,50
2008	28898	43454	0,66
2009	32244	46723	0,69
2010	36539	50456	0,72
2011	41799	55143	0,75

Источник: составлено и рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо 2014. Пекин, 2014. С. 41; Шэньчжэнь тунци няньцянь 2012. Пекин, 2012. С. 312.

С начала 2015 г. повышено до 800 юаней в месяц пособие по обеспечению минимального уровня жизни¹⁵. (В 2005 г. была введена единая унифицированная ставка пособия в размере 344 юаней в месяц¹⁶). На конец 2012 г. такое пособие в размере 560 юаней на человека в Шэньчжэне получали 8598 человек¹⁷.

По некоторым оценкам, коэффициент Джини в Шэньчжэне в последние годы колебался у показателя 0,33, что существенно ниже, чем в целом по Китаю — в 2012 г. 0,474 и в 2013 г. — 0,473¹⁸. Т.е. разрыв в доходах населения здесь «по статистике» был меньше, чем в среднем по стране. Тем не менее, при опросах многие горожане указывали на разрыв в доходах и на их недостаточно справедливое распределение как на одну из наиболее острых социальных проблем Шэньчжэня¹⁹. Для ряда категорий местных работников проблема низких доходов является чрезвычайно острой. Как было отмечено в «Докладе о развитии трудовых отношений в Шэньчжэне в 2014 г.», по величине среднемесячной зарплаты выпускников вузов — 2734 юаня — Шэньчжэнь уступает лишь Шанхаю (2807 юаня), однако треть этой суммы, как правило, идет на аренду жилья, что «создает огромное давление»²⁰.

При значительной доле детей дошкольного и школьного возраста администрация Шэньчжэня не может не уделять приоритетного внимания образованию. Дополнительной нагрузкой здесь стала необходимость унифицировать образовательные стандарты в разных районах города, до июня 2010 г. входивших и не входивших в специальную экономическую зону. Активно проводится линия на подготовку собственных кадров высшей квалификации в семи университетах.

Общие затраты на образование в Шэньчжэне можно оценить как солидные: в 2011 г. они составили 1,82% ВВП и 13,08% финансовых расходов города (20,91 млрд юаней). Однако Шэньчжэнь по этим показателям значительно отставал от Пекина (3,92% ВВП; 62,7 млрд юаней) и Шанхая (3,18% ВВП; 61 млрд юаней), что свидетельствовало о несоответствии уровня социального развития города его экономическим возможностям. В то же время в образовательную сферу широко привлекались средства общества и граждан (4,12 млрд юаней, или 15% всех затрат на образование)²¹.

В традиционно и повсеместно весьма сложной сфере медицинского обслуживания Шэньчжэнь постоянно ведет поиск новых форм и методов работы с населением, призванных повысить уровень удовлетворенности жителей оказываемыми услугами (пока он оставляет желать лучшего: удовлетворены обслуживанием 21,3% у горожан, имею-

щих местную прописку, и 32,3% горожан без нее, характеризующихся с более скромными запросами²²). В частности, расширяется перечень лекарств и медицинских услуг, входящих в сферу действия городских карт социального обеспечения (их выпущено более 13 млн штук). Повышается уровень покрытия расходов на лечение держателям комплексных карт медицинского страхования и карт больничного страхования. Потолок компенсации установлен в размере шести среднегодовых зарплат по городу (порядка 300 тыс. юаней). Средние затраты на амбулаторное лечение в государственных больницах Шэньчжэня в 2012 г. составили около 138 юаней (стоимость визита к врачу), а средняя стоимость лечения в больнице — 7150 юаней²³.

Активно развиваются и другие традиционные виды социального страхования. В пенсионном страховании в 2012 г. участвовали более 7,9 млн человек, в страховании на случай утраты трудоспособности — около 10 млн человек, в страховании по безработице — 3,4 млн и в страховании по деторождению — свыше 5 млн человек²⁴. Существуют стандарты предоставления денежного довольствия сиротам и престарелым.

Вместе с тем, несмотря на серьезные усилия властей, социальная привлекательность Шэньчжэня в последнее время слабеет — и не только из-за трудностей с получением местной прописки, но и на фоне динамичного роста городов во внутренних районах КНР. Показательно, что ежегодно после Праздника Весны — нового года по китайскому лунному календарю, когда мигранты массово едут в родные места, многие работники малых и средних предприятий не возвращаются на свои рабочие места.

В этой ситуации существенную помощь в отлаживании социальной жизни города могут оказать профсоюзы и общественные организации, высокая, по китайским меркам, активность которых является одной из важных специфических особенностей Шэньчжэня.

Как свидетельствует «Доклад о развитии трудовых отношений в Шэньчжэне (2013)», местные рабочие, пройдя через горнило рыночной экономики, постепенно осознали необходимость коллективных организованных действий по защите своих законных прав и интересов. Переломным моментом стала «международная забастовка» в Яньтяне (район Шэньчжэня, примыкающий к крупнейшему морскому порту) в 2007 г., после которой в ходе протестных действий наемные работники стали выдвигать не только те или иные претензии к собственникам или руководству своих предприятий, но и более общие требования по улучшению условий труда, повышению зарплаты, защите законных интересов рабочих и служащих в целом. Активно выдвигались и требования о создании на предприятиях профсоюзов, аналогичные требования выдвигались и в процессе решения коллективных трудовых споров. Чего-то похожего на польскую «Солидарность» в Шэньчжэне не возникло, но бывали случаи, когда в ходе забастовок рабочие отказывались признавать профсоюзное руководство, сформированное без демократических выборов, и требовали новых выборов таких профсоюзных работников, которые на деле представляли бы самих рабочих²⁵.

В целом же процесс создания низовых профсоюзных организаций идет в Шэньчжэне в последние годы весьма активно. На конец 2011 г. общегородская профсоюзная организация патронировала 132 тыс. предприятий и организаций, при этом объединенные профсоюзные комитеты охватывали 100,7 тыс. объектов, а на 31,3 тыс. предприятий и организаций были созданы свои низовые профсоюзные комитеты. В общей сложности в профсоюзах состояли 5291,5 тыс. работников. О положительном отношении к своему членству в профсоюзе заявили около двух третей опрошенных рабочих и служащих²⁶.

Как известно, по количеству общественных организаций и их активности нередко судят о развитии гражданского общества в стране. В данном плане Шэньчжэнь по ки-

тайским меркам выглядит весьма продвинутым городом. На начало 2013 г. в городе насчитывалось 5656 общественных организаций, в т.ч. 1613 организаций городского и 4043 организации районного уровня. По роду деятельности доминировали организации, занимающиеся различными социальными вопросами (58,7%). Доля благотворительных организаций составила 20,9%, организаций научно-исследовательского рода 6,1%, экономического характера 7,1% (остальное — организации комплексного типа)²⁷. Деятельность общественных организаций в городе весьма жестко регламентируется многочисленными документами и процедурой регистрации. Весьма распространены и разного рода проверки и отчеты. Подчас не декларируемой открыто целью такого рода контроля является стремление максимально затруднить работу тех некоммерческих организаций, деятельность которых не устраивает власти. Например, в своего рода «черный список» попал шэньчжэньский Центр услуг по трудовым спорам «Чуньфэн», данные о котором отказываются размещать на своих веб-страницах даже те китайские сайты, которые предназначены специально для сбора средств для НКО²⁸.

В целом проблема финансирования деятельности некоммерческих общественных организаций стоит весьма остро. С 2012 г. средства на поддержку их деятельности начал выделять центральный бюджет страны (200 млн юаней). Еще 80 млн юаней было направлено из бюджета провинции Гуандун, но этих средств недостаточно²⁹.

Возможно, в первую очередь именно для привлечения дополнительных источников финансирования деятельности НКО в шэньчжэньском районе Цяньхай, который в апреле 2015 г. был включен в состав Гуандунской зоны свободной торговли, будет разрешена в порядке эксперимента регистрация и открытие представительств международных общественных организаций экономического характера³⁰.

* * *

Пример Шэньчжэня, далеко не рядового в плане социальной политики города Китая, показывает, на наш взгляд, что говорить о формировании здесь социально ориентированной рыночной экономики в полном смысле этого слова еще преждевременно. Вместе с тем, несомненно и усиление социального вектора экономической жизни. Этот процесс прямо связан с разворачивающейся в Шэньчжэне, как и во всем Китае, трансформацией модели экономического роста. Социальная ориентация мало-помалу из инструмента обеспечения роста экономики превращается в одну из главных, если не самую главную, целей экономического развития.

Ряд идущих ныне в социальной сфере Шэньчжэня процессов явно может иметь общекитайское значение. Это и процесс социализации «нунминьгун» — «рабочих из крестьян», которых в стране насчитывается уже 270 млн человек, и поиск путей реформирования института прописки, и рост самосознания местных профсоюзов — не обязательно желательный для власти, но, судя по всему, неизбежный.

-
1. Чэнь Шоучжэ. Шэньчжэнь цзаоюй чэнчжан фаньнао «кжнькоу взньти» цзи сиюй поти [Порожденная ростом Шэньчжэня «демографическая проблема» настоятельно требует решения] — 21 Шицзи цзинцзи баодао, Пекин. 02.06.2005.
  2. Шэньчжэнь тунцзи няньцзянь — 2012. [Статистический ежегодник Шэньчжэня — 2012]. Пекин. 2012. С. 49, 52.
  3. Там же. С. 52.
  4. Шэньчжэнь шэхуй фачжэнь баогао (2012–2013) [Доклад о социальном развитии Шэньчжэня 2012–2013] — Пекин. 2013. С. 147.

5. Синь Цзин бао. Пекин. 26.04.2015.
6. Чэнь Шоучжэ. Цит. слч.
7. Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012–2013) С. 2, 5, 10–11, 357–368.
8. В 2014 г. в Китае коэффициент рождаемости повысился до 12,37 промилле, а коэффициент естественного прироста населения — до 5,21 промилле. — Сообщение Госстатуправления КНР об итогах экономического и социального развития в 2014 г. от 26.02.2015.
9. Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012–2013) С. 342.
10. Там же.
11. Шэньчжэнь тунци няньцзянь — 2012. С. 54.
12. Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012–2013) С. 149.
13. Шэньчжэнь тэцью бао. 29.01.2015.
14. 2007 нянь: Чжунго Шэньчжэнь фачжань баогао [2007 год: доклад о развитии китайского Шэньчжэня]. Пекин. 2007. С. 37.
15. Шэньчжэнь тэцью бао. 07.02.2015.
16. 2007 нянь: Шэньчжэнь фачжань баогао. С. 37.
17. Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012–2013) С. 66.
18. Жэньминь жибао, 21.01.2014.
19. Например, при одном из опросов в Шэньчжэне 57,5% рабочих и служащих назвали главным противоречием городской жизни «противоречие между богатыми и бедными» — Шэньчжэнь лаодун гуаньси фачжань баогао (2013) [Доклад о развитии трудовых отношений в Шэньчжэне (2013)] — Пекин. 2013. С. 170.
20. Во ши фабу лаодун гуаньси фачжань баогао [В нашем городе опубликован доклад о развитии трудовых отношений] — Шэньчжэнь тэцью бао. 23.11.2014.
21. Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012–2013) С. 27–28.
22. Там же. С. 113.
23. Там же. С. 39–40, 47.
24. Шэньчжэнь лаодун гуаньси фачжань баогао (2013). С. 77.
25. Там же. С. 168–169.
26. Там же. С. 171.
27. Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012–2013) С. 188.
28. Jacobs, A. Buckley, C. Civic groups feel pressure in China — International New York Times, February 26, 2015.
29. Шэньчжэнь шэхуй фачжань баогао (2012–2013) С. 193.
30. Там же. С. 194.

«Гласность с китайской спецификой»: некоторые современные тенденции в китаеязычном информационном пространстве

© 2015

А. Карнеев

Автор рассматривает постепенно меняющийся на глазах ландшафт публичной полемики в китаеязычном информационном пространстве, которое в условиях развития новых информационных технологий становится все более глобальным. Анализируется роль некоторых зарубежных китаеязычных СМИ, впервые ставших широко известными в период скандала с Бо Силаем.

Ключевые слова: зарубежные СМИ, китаеязычные сайты и издания, борьба с коррупцией, Си Цзиньпин, Бо Силай, Чжоу Юнкан, идейно-политическая борьба, цензура в КНР.

Отправной точкой для наблюдений и выводов, содержащихся в данной статье, стала начавшая раскручиваться особенно интенсивно с весны 2012 г. эпопея с известным китайским политиком-популистом Бо Силаем, вызвавшая в свое время колоссальный интерес в самом Китае и далеко за его пределами и совпавшая по времени со сменой высшей партийной власти в КНР. Беспрецедентный характер громких разоблачений и многих подробностей, связанных с фигурой Бо Силая и характером его деятельности, не мог не привлечь повышенного внимания публицистов и профессиональных китаеведов, получивших возможность заглянуть в обычно плотно закрытое от постороннего взгляда «нутро» китайской политической кухни.

Дело Бо Силая, начавшееся еще при прежнем руководстве КНР (Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао)¹, явилось началом последующих событий, которые мы наблюдали уже при нынешнем, пятом поколении китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином. Именно в последние два с лишним года в стране развернулись не имевшая аналогов прежде кампания по борьбе с коррупцией в рядах государственных служащих, затронувшая даже функционеров самого высокого уровня, а также кампания по «исправлению стиля», чем-то напомнившая массовые кампании идеологического перевоспитания эпохи классического китайского социализма.

Конечно, коррупционные скандалы случались и раньше. При этом, как отмечают некоторые китайские наблюдатели, именно скандал с Бо Силаем, потрясший Китай, послужил детонатором процессов, подлинные масштабы и смысл которых, видимо, можно будет осмыслить и проанализировать спустя определенное время.

В этом смысле «чунцинское дело», начиная с того рокового момента, когда Ван Лицзюнь переступил 6 февраля 2012 г. порог американского консульства в Чэнду, дейст-

вительно стало «ящиком Пандоры», так как открыло эпоху практически непрекращающегося скандала, когда едва ли не каждый новый день появляются новые сведения о снятых с постов партийных и государственных деятелях, вскрываются данные о серьезных, а в ряде случаев — поражающих воображение масштабах взяточничества, казнокрадства, торговли протекцией и должностями, «сексуальной коррупции», а также о деятельности целых групп чиновников и близких к ним бизнесменов, не гнушающихся в ряде случаев прямым устранением конкурентов и неудобных².

Среди множества разнообразных аспектов всех этих процессов, достойных отдельного изучения, наблюдатели выделяют также фактор, имеющий отношение к информационной сфере и делающий упомянутую выше атмосферу постоянного скандала особенно чувствительной с учетом традиционного для политической культуры Китая стремления держать публичную полемику и саму возможность распространения политической информации под строгим контролем.

В последние годы китаеведами в России и других странах опубликовано немало работ, посвященных контролю за информацией в КНР, эволюции китайских государственных и коммерческих СМИ и пространства публичной полемики в условиях экономической глобализации и стремительного развития информационных технологий. Тем не менее, многие важные особенности информационного фронта борьбы за будущее Китая остаются недостаточно изученными. В частности, наблюдателями был подмечен своеобразный феномен: те или иные детали политической интриги с Бо Силаем, а затем с Чжоу Юнканом, Гу Цзюньшанем, Сюй Цайхоу, Лин Цзихуа и другими высокопоставленными фигурами, да и вообще информация о том, что следующим «падшим тигром»³ станет какой-то руководитель, становились известными задолго до официальных сообщений информагентств и газет — из Интернета, Вэйбо⁴, блогов и зарубежных китаеязычных СМИ, причем поражала степень достоверности всей этой информации, циркулировавшей сначала в качестве «гипотез» и «слухов», а затем подтверждавшейся официальными заявлениями дисциплинарных органов.

По сложившейся традиции, издающиеся за пределами КНР на китайском языке газеты и журналы, которые не являются частью официальных информационных ресурсов китайского правительства или не относятся к небольшой группе пропекинских изданий, считаются «враждебными зарубежными или реакционными СМИ», стремящимися нанести ущерб имиджу и интересам страны или подорвать власть Коммунистической партии Китая. Такие информационные издания в КНР, как правило, блокируются, и при отсутствии специальных знаний по использованию VPN, прокси-серверов и других продвинутых технологий обычный китайский пользователь не может зайти на их сайты. Например, на протяжении многих лет блокируются сайты китайских служб «Голоса Америки», Би-Би-Си, Радио «Фри Эйша», не говоря о некоторых действительно яро враждебных КПК эмигрантских китаеязычных ресурсах, таких например, как сеть созданных религиозной организацией «Фалуьгун» сайтов и газет⁵. Селективно блокируются и ведущие западные информационные издания на английском языке. Один из относительно недавних примеров — блокирование «Нью-Йорк таймс» в Китае после появления серии публикаций, сообщавших о наличии у членов семей ряда высших руководителей КНР крупных активов (в частности, о наличии у семьи экс-премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао активов на сумму 2,7 млрд долл.)⁶. По некоторым сообщениям, в КНР практикуются кратковременные блокировки сайтов «дружественных СМИ». Например, сингапурская газета «Ляньхэ цаобао», считающаяся довольно лояльной к позициям Пекина, подвергалась блокировке в тех случаях, когда на страницах газеты критиковались те или иные просчеты и ошибки китайского правительства⁷.

Тянь Лу в перечне «реакционных сайтов», блокируемых властями КНР, выделяет следующие группы: сайты сепаратистов разных мастей (помимо тайваньских, уйгурских и тибетских, упоминаются еще и организации, выступающие за независимость «Южной Монголии», Гуанси, Сычуани и др.); сайты неконвенциональных религиозных организаций («Фалуньгун» и нелегальные христиане); сайты тайваньских политических партий и ведущих СМИ; китаезычные редакции западных государственных СМИ типа «Голоса Америки», Радио «Свободная Азия» и др.; коммерческие западные СМИ типа CNN, «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон пост», гонконгские издания типа «Кайфан цзачжи» и «Эппл дейли», американские «Босюнь синьвэнь», «Довэй синьвэнь»; сайты диссидентствующих политических групп, например, созданной еще в 1990-е годы «Демократической партии Китая», троцкистского «Чрезвычайного комитета КПК» и пр.⁸

В самом начале эпохи Интернета китайское правительство, не жалея сил и средств, постаралось оперативно «оседлать» новые технологические возможности для того, чтобы не прозевать распространение нежелательных настроений и взглядов посредством виртуального пространства, инфильтрации антикоммунистической идеологии⁹. Не случайно КНР считается в мире страной, где создана «Великая китайская стена Интернет-цензуры» и усилиями властей поддерживается целая армия штатных и внештатных проправительственных комментаторов (*умоо дан*), призванных направлять общественное мнение пользователей в «правильное русло». На кону крайне важные вещи и очень большая, жадная до политических новостей аудитория. В конце концов, в КНР в настоящее время насчитывается свыше 400 млн пользователей Интернета, включая 346 млн пользователей широкополосного доступа и 233 млн пользователей мобильного Интернета¹⁰.

Но в случае с разоблачением таких «коррупционеров», как Бо Силай, Чжоу Юнкан и другие, парадоксальным оказалось то, что тональность официальных комментариев была практически неотличима от материалов «враждебных» и «реакционных» сайтов, находящихся в Гонконге или в других странах. На это неоднократно обращали внимание некоторые деятели левого течения в КНР, те кто постоянно публикуется на страницах «Утопии», «Хора красных песен» и других подобных сайтов. Ван Хуэй, ведущий ученый из лагеря «новых левых», в частности, писал о своеобразном сговоре китайских официальных СМИ с западными «капиталистическими медиа» по вопросу Бо Силая. Примечательно, что рассуждения о «враждебных СМИ» всерьез воспринимаются в основном лишь этой частью политического спектра. Именно деятели леворадикального и левопатриотического направлений постоянно призывают быть начеку относительно информационной войны, которую ведут против КПК базирующиеся на Западе китаезычные СМИ. В других же частях политического спектра внешне также демонстрируется отношение к зарубежным СМИ как к «враждебным», но на деле данная риторика воспринимается скорее как дежурная фраза, как дань прошлому. Видимо, в этом коренится причина того, что идеи и мнения, публикуемые в неподцензурной части китаезычного Интернета (то есть за границей и в Гонконге) могут в настоящий момент более или менее свободно проникать в страну и влиять на определенное количество пользователей внутри Китая.

Характерен в связи с этим эпизод с бывшим секретарем парткома г. Нанкина Ян Вэйцзэ. Как известно, Ян был арестован дисциплинарными органами в январе 2015 г. и стал таким образом «первым крупным тигром-коррупционером 2015 года». Но еще в сентябре 2014 г., когда в Интернете широко распространились «предположения» и «версии» о его предстоящем снятии с должности и расследовании, Ян Вэйцзэ, как и многие другие руководители, оказавшиеся в сходной ситуации, принялся активно «опровергать ложные слухи» (в китайском языке существует для этого специальный термин — *ни яо*). В частности, в верной СМС-рассылке он написал: «Сейчас Интер-

нет в Китае хуже чем *дацзыбао* (газеты больших иероглифов. — *Авт.*) в годы «культурной революции», а зарубежные враждебные СМИ еще более злобны и жестоки, чем японские интервенты в годы войны»¹¹. То, что после ареста Ян Вэйцзэ стал предметом высмеивания тех самых зарубежных «враждебных сайтов», неудивительно. Но даже на официальном сайте сети «Синьхуа» посчитали необходимым написать: «У самого ж...а в дерьме, а дерьмом мажет Интернет... То же самое делали коррупционеры Лю Тенань, Сун Линь и др., но бумагой огонь не остановить, их преступления все равно обнаружились... Да, в Интернете есть немало недостатков и проблем, некоторые довольно серьезные, например, распространяют слухи, клеветуют, атакуют тех или иных лиц. Но в Интернете есть и позитивная энергия, он играет важную роль как инструмент общественного контроля»¹². Специалист по исследованиям в области правовых медиа из Политико-юридического университета Китая Чэнь Цзэжэнь считает, что изображать зарубежные СМИ в виде «враждебных сил» неправильно, в этом проявляется неуверенность некоторых чиновников в себе. Он отмечает: «Не разобравшись толком в существе того или иного вопроса, у нас часто называют критику со стороны международного общественного мнения «враждебными силами». В этом проявляется неуверенность в себе некоторых руководителей, которые боятся, что народ узнает об этой критике, боятся, что эти мнения получают распространение, в этом также проявляется их боязнь контроля со стороны международного общественного мнения»¹³.

Другими словами, в современном Китае, похоже, уже нет единого отношения к пресловутым «враждебным СМИ», и многим непонятно, кого сейчас в первую очередь считать «враждебными силами»¹⁴. Ведь внутренняя полемика между разного рода идейно-политическими лагерями в самом Китае сейчас по накалу страстей не уступает полемике с заграничными оппонентами. С другой стороны, зарубежные китаезычные СМИ, а также внутрикитайские блоги и прочие подобные ресурсы в ряде случаев предоставляют возможность вбрасывать в общество ту или иную информацию или идеи, которые по каким-то причинам до поры до времени неудобно публиковать в официальных газетах и журналах. Не исключено, что с помощью этих медиаресурсов те или иные фракции и группировки в правящем истеблишменте пытаются укрепить свои позиции и ослабить конкурентов.

Определенную степень сочувствия к тем или иным мнениям зарубежных СМИ можно почувствовать в блогах и форумах, где существует весьма высокая степень свободы самовыражения и нередко либеральные и прозападные настроения¹⁵. Там часто высмеивают заскорузлые методы осуществления политической цензуры, боязнь демократизации и свободных дискуссий по важным общественным вопросам, застывшие подходы официальных информационных изданий, особенно когда предпринимаются неуклюжие попытки, как в вышеуказанном случае, «проверить ложные слухи».

То, что воздействие и подоплека деятельности зарубежных информационных ресурсов носят весьма непростой и подчас неоднозначный характер, иллюстрируют примеры некоторых китаезычных сайтов, работающих в США. Из довольно большой и пестрой группы организаций такого рода целесообразно остановить внимание на двух довольно известных к настоящему моменту изданиях — «Босюнь синьвэнь»¹⁶ и «Довэй синьвэнь»¹⁷. Оба эти сайта, поддерживаемые китайцами, проживающими в США, получили публичность в разгар скандала вокруг Бо Силая и известны тем, что часто первыми сообщают те или скандальные подробности, связанные с коррупционными проявлениями в КНР, а также с предстоящими санкциями против тех или иных чиновников. Несмотря на то, что оба сайта находятся в США, в материалах, размещаемых там, американская проблематика или вопросы жизни китайцев США почти не представлены, подавляющая часть материалов посвящена вопросам политической и общественной жизни в КНР, вну-

тренней и внешней политике Китая, международным новостям, новостям из Гонконга и Тайваня, материалам по истории КНР, а также событиям из мира моды и развлечений. Кроме того, все материалы на обоих сайтах публикуются в упрощенной иероглифике, принятой в КНР в отличие от Тайваня, Гонконга и Сингапура. Это — свидетельство того, на какую читательскую аудиторию ориентированы такие издания, и очередное подтверждение мысли о том, что в современном глобализирующемся мире само пространство политических дискуссий на китайском языке приобретает все более глобальный характер. При этом между «Босюнь нюс» и «Довэй синьвэнь», пытающимися позиционировать себя как ведущие зарубежные китайоязычные информационные издания, возникают жесткие перепалки, в ходе которых стороны обвиняют друг друга в политической ангажированности и работе по указке то ли американских, то ли китайских спецслужб. Это не мешает им периодически ссылаться друг на друга, взаимно перепечатывать материалы друг друга. На первый взгляд может показаться, что оба сайта весьма схожи в плане основных принципов работы и продвигаемых политических позиций. Однако это не совсем так.

Информационная сеть «Босюнь», аттестованная одним журналистом как «самый ненавидимый в Китае сайт»¹⁸, была создана в 2000 г. и изначально старалась специализироваться на том, что нелегко было прочитать в материковых СМИ: конкретных случаях нарушения прав человека, махинациях девелоперских компаний, злоупотреблениях органов правопорядка, случаях массовых протестов и беспорядков на местах, коррупционных скандалах и политической борьбе в верхушке КПК¹⁹. Основателем «Босюнь» стал некий Вэй Ши, о котором известно то, что он — уроженец г. Баодин провинции Хэбэй, окончил в КНР университет и отправился на учебу в США, где учился в Университете Дьюка по специальности «электротехника», успел поработать в компаниях «Моторола» и «Юнилевер». Как и многие другие молодые китайцы, прошедшие несколько лет в университетах Америки, Вэй решил на родину пока не возвращаться, а попытать счастья в Новом свете, создав в 2000 г. свой собственный бизнес-сайт «Босюнь нюс».

Дела сначала шли плохо, денег катастрофически не хватало, но на каком-то этапе «Босюнь» заметили соответствующие американские структуры, заинтересованные в китайоязычных ресурсах, критически ориентированных по отношению к правительству КНР. По некоторым данным, начиная с середины нулевых годов, сайт «Босюнь» стал постоянно получать гранты Национального демократического фонда (National Endowment for Democracy), причем суммы поддержки постепенно увеличивались. Начиная с 2011 г., когда на «Босюнь» обратила внимание ведущая американская пресса, Вэй Ши (который стал именоваться Уотсоном Мэном) стал часто давать интервью, рассказывать о том, каким образом сайт получает необходимую информацию²⁰. Получается, что в основном материалы присылают со всего Китая «обиженные и оскорбленные», заинтересованные в придании публичности тем или иным случаям нарушения прав человека или другим значимым для общественности событиям, причем большинство из них выступают анонимно. Неизбежная тематика этих многочисленных интервью Мэна — цензура в СМИ КНР, непрозрачность власти, возмущение простых китайцев действующими порядками и желание придавать гласности те или иные вопиющие случаи несправедливостей.

«Основная идея, на основе которой мы создали этот вебсайт, — сообщает У. Мэн, — это та модель, которую мы тогда уже хорошо понимали — мы хотели создать «онлайн-платформу» для граждан Китая, где они могли бы без всяких ограничений высказываться... Позднее я понял, что эта модель по сути дела и есть «гражданская журналистика». Сейчас это стало очень популярным, особенно при помощи социальных сетей типа Youtube. А «Босюнь» начал то же самое для Китая»²¹. Кроме того, владелец сайта постоянно жалуется на хакерские (DDos²²) атаки против сайта его организации, совер-

шенно очевидно осуществляемые с территории КНР²³. Но нигде в этих интервью предумышленно не поднимается тема финансирования этой «гражданской журналистики» правительством США. Например, в статье для организации «World Press Freedom Committee» Уотсон Мэн заявлял, что «наш сайт поддерживается гражданами-журналистами и добровольцами. Никакого финансирования мы не получаем»²⁴.

Между тем, основной конкурент «Босюня» — «Довэй синьвэнь» приводит найденную им информацию (вполне официальную), что в 2006 г. «Босюнь» получил от Национального демократического фонда 116 тыс. долл., в 2007 г. — 195 тыс., в 2008 г. — 240 тыс., в 2009 г. — 295 тыс. долл.²⁵ Впрочем, впоследствии отношения «Босюня» с Национальным фондом претерпели серьезные изменения, в период кризиса 2008–2009 гг. финансирование резко сократили, и Уотсону Мэну пришлось искать новых спонсоров. Дальнейшие события известны довольно плохо, в основном это слухи и догадки китайской эмигрантской среды, в которых вращаются руководители сайта. Известно, что в дальнейшем сайт продолжал получать какие-то небольшие суммы от американских властей, но зато нашелся некий инвестор по фамилии Чжао, давно проживавший в США, однако имевший неоднозначную репутацию в среде активистов так называемого демократического движения. Никто толком не знал источника происхождения его капиталов и чем он занимается. Поговаривали, что за ним, возможно, стоят какие-то структуры из Китая, или какая-то влиятельная группировка в китайской политико-экономической элите²⁶.

Звездный час «Босюня» настал с началом в феврале 2012 г. политической интриги вокруг секретаря чунцинского парткома Бо Силая, хотя до этого сайт уже успел зарекомендовать себя как основной координатор неудавшейся попытки раскрутить в КНР так называемую жасминовую революцию по образцу «арабской весны». Вот как характеризует один американский журналист ажиотаж вокруг «Босюня» в тот период: «На протяжении всей захватывающей воображение интриги со скандалом вокруг Бо Силая был один информационный источник, который постоянно опережал на полшага всех остальных. Нет, это было не какое-то китайское издание. И нет, несмотря на то, что они очень старались, это была не какая-то из англо-американских газет. А этим изданием был «Босюнь», выглядящий по дизайну чисто любительским сайт, возглавляемый 47-летним выпускником Университета Дьюка Уотсоном Мэном. Этот сайт уже давно был обязательным чтением для китайцев среди зарубежных сайтов, но постоянная точность, с какой он предсказывал события вокруг Бо Силая, привнесла новое качество в его авторитетность. Один работающий в Пекине эксперт сообщил корреспонденту «Уолл-стрит джорнал», что все высокопоставленные пекинские чиновники теперь читают «Босюнь»²⁷.

На самом деле, такое повышенное внимание западных СМИ, вероятно, было необоснованным, но его можно объяснить с учетом ажиотажа того периода. Впрочем, и сам Уотсон Мэн в своих интервью признавал, что поскольку большинство материалов поступало из Китая анонимно, доподлинно удостовериться в правдивости сообщаемых слухов и версий не было возможности. Стало быть, нельзя было исключить, что сайт используется «втемную» теми или иными силами в Китае, с известными только им целями²⁸. Хуже того, посыпались обвинения в том, что сайт не гнушается не только публикацией непроверенных слухов и домыслов, но и прямой фабрикацией такого рода сообщений. Одним из ярких эпизодов в закрутившемся вокруг «Босюня» водовороте страстей было дело по обвинению в клевете, которое (возможно, с одобрения правительственных органов) инициировала в американском суде против сайта Чжан Цзыи — одна из самых титулованных и популярных актрис современного Китая, звезда мировой величины (самые известные роли — в фильмах «Крадущийся тигр, затаившийся дракон», «Час пик-2», «Мемуары гейши». Она подала в суд в Калифорнии обвинение в том, что Босюнь неоднократно на своих страницах изображал ее как проститутку, заработавшую около

100 млн долл. за секс с высокопоставленными чиновниками в китайской компартии (включая Бо Силая, с которым Чжан Цзыи якобы имела сексуальные контакты не менее десяти раз), а также другими лицами, и эта информация затем перепечатывалась многими другими китайскими и зарубежными СМИ²⁹.

Помимо Чжан Цзыи, процесс по делу которой, как известно, завершился публикацией «Босюнем» извинений и сделкой, условия которой стороны договорились держать в секрете³⁰, власти КНР и сами непосредственно приложили руку к тому, чтобы дополнительно увеличить известность сайта «Босюнь», подвергнув репрессиям некоторых постоянных авторов издания, проживавших внутри Китая. Так, в мае 2014 г. в Пекине был арестован постоянный автор разоблачительных материалов для Босюня некий Сян Наньфу, которого обвинили в «распространении ложных слухов» и в «соучастии в подстрекательстве к беспорядкам». Начиная с 2013 г., Сян Наньфу написал для сайта более тысячи статей, некоторые из них имели немалый общественный резонанс (не исключено, что часть из них писали другие авторы, а Сян лишь распределял деньги). Сян, в прошлом неоднократно осужденный за воровство, фактически являлся своего рода «старшим корреспондентом» «Босюня» в Китае, имел полномочия ставить задачи «народным журналистам», по своему усмотрению выплачивать гонорары. По большей части в материалах Сяна описывались душераздирающие истории насилия полицейских над беззащитными крестьянами, дома которых сносили для новой застройки, избиений беременных женщин и т.д. Находясь в заключении, Сян признался перед камерой, что умышленно по указанию внешних сил и с целью обогащения фабриковал негативные новости, искажал действительность, лгал на реальную жизнь в КНР, вводил в заблуждение читателей Интернета, в чем теперь полностью раскаивается³¹. Позднее Сяну с учетом состояния здоровья заключение было заменено в ожидании суда на домашний арест. За несколько месяцев до ареста Сян Наньфу уже было арестовано несколько «народных корреспондентов» «Босюня» в Китае. Реакцией со стороны руководства сайта было заявление Уотсона Мэна о том, что признания Сян Наньфу, вероятно, стали следствием применения к нему властями тех или иных методов воздействия. Заявление же Сяна о том, что он имел возможность распределять крупные денежные средства, Мэн опроверг³².

С другой стороны, есть некоторые сведения о том, что в последнее время сайт «Босюнь» занял более сбалансированную позицию: не критикует прямо политику Си Цзиньпина, а наоборот, приветствует разоблачения тех чиновников-казнокрадов, против которых ведет расследование Центральная комиссия по проверке дисциплины или ее территориальные органы. Это не означает, что сайт поменял политическое позиционирование на пропекинское. Это не так. «Босюнь» продолжает размещать немало материалов о закулисе китайской политики, о притеснениях властями свободных блоггеров, диссидентов и публицистов либеральных взглядов, о случаях протестов против злоупотреблений чиновников и массовых беспорядков на местах. Но все же есть ощущение, что некоторая трансформация постепенно происходит.

Не менее интересна история развития сайта «Довэй синьвэнь», созданного практически одновременно с «Босюнем», в 1999 г. В первые 10 лет существования этого ресурса, базировавшегося в Нью-Йорке, казалось, что он осуществляет ту же стратегию, что и «Босюнь»: публиковать все, что недоступно внутри Китая, особенно с упором на политические новости и разного рода неофициальные сведения, поступающие из КНР. «Довэй синьвэнь» довольно быстро занял нишу ведущего информационного издания, общающего массу интересной и своевременной информации о политических процессах в материковом Китае. Еще в 2004 г. издаваемый в Гонконге авторитетный журнал «Ячжоу чжоукань» (азиатское дочернее издание журнала «Тайм») поместил «Довэй синьвэнь» на обложку одного из номеров с заголовком: «Тайна, стоящая за Довэй синьвэнь».

В статье говорилось о том, что с некоторых пор многие чиновники, дипломаты, журналисты и политики в Китае, Гонконге и Тайване взяли за правило, приходя на работу, обязательно заглядывать в «Довэй синьвэнь», это стало неременной частью их ежедневного «информационного завтрака»³³. На пике популярности «Довэй», по данным специальных исследований, имел 500 тыс. постоянных читателей в месяц и занимал 1-е место среди китаеязычных СМИ за пределами Китая³⁴.

Основателем «Довэй синьвэнь» явился литератор и публицист Хэ Бинь, уроженец пров. Хунань. Он занимался журналистикой, в период студенческого движения 1989 г. организовывал в Шэньчжэне сбор подписей в защиту одного либерального шанхайского журнала, закрытого властями. В разгар событий на Тяньаньмэне отправился в Пекин. Опубликовал большое количество материалов в заграничных СМИ о событиях в Пекине, в связи с чем попал в черные списки органов безопасности. Бежал из КНР в 1989 г. и осел в Канаде. Является основателем нескольких газет и журналов китайской эмигрантской среды, автор книг «Партия принцев в коммунистическом Китае», «Архив высокопоставленных чиновников», «Новая элита КПК», «Биография Чжу Жунцзи» и ряда других³⁵.

«Довэй» с самого начала выделялся из числа других заграничных китаеязычных газет и журналов. В отличие от них, сайт давал не только критические по отношению к КПК материалы, но и официальные материалы «Синьхуа», «Чжунсиньван», тайваньско-Центрального информагентства. На страницах издания соседствовали материалы, положительно освещавшие политику властей КНР, статьи диссидентов и деятелей демократического движения и даже профалуньгуновских авторов³⁶. Другими словами, если Уотсон Мэн с его «Босюнем» и «гражданской журналистикой» был «главным врагом» китайского народа с точки зрения властей предрержащих, то всеядность Хэ Биня делала «Довэй синьвэнь», скорее, не рупором той или иной позиции, а площадкой, открытой для самых разных точек зрения. В связи с этим Довэй постоянно подвергался нападкам с разных сторон: в КНР он считался одним из самых ярких представителей «враждебных СМИ», в то время как за пределами КНР его постоянно обвиняли в пропекинской пропаганде. Сам Хэ Бинь в нескольких интервью разъяснял свою позицию не как какой-то жизненный или политический оппортунизм, а вполне продуманную линию: «Довэй синьвэнь отличается от всех других китаеязычных СМИ, в том числе даже от западных СМИ, так как обычные СМИ всегда имеют идеологическую позицию, партийную близость или ориентируются на те или иные группы интересов... Мы избрали название «Довэй» (в переводе с кит. многомерный, многоаспектный. — *Авт.*), чтобы подчеркнуть это свое отличие от других СМИ, мы надеемся, что наш сайт не является озвучиванием какой-то одной позиции. Почему «Довэй» решил поступать именно так? По крайней мере, есть две причины. Одна — это то, что нынешний способ существования китайцев в мире, политические режимы — сложнее, чем у любой другой страны или народа. Есть материковый Китай, есть Гонконг и Макао, есть Тайвань, разница в социальных структурах и стиле жизни огромная, а кроме того, есть еще китайцы диаспоры. Но при этом между всеми этими частями китайского мира связи становятся с каждым днем все более тесными, и уже сейчас созрела необходимость иметь открытую площадку для того, чтобы лучше понимать друг друга. «Довэй» и стал такой площадкой. Вторая причина — Китай сейчас переживает возрождение, трансформацию, развитие, этап реинтеграции с мировой цивилизацией. Но у китайцев по отношению к будущему страны, к тому, нужно ли объединить весь китайский мир или стоять за независимость, какая форма государственности в большей степени подойдет Китаю, есть множество мнений. Если с терпимостью и инклюзивным подходом относиться к самым разным точкам зрения — тогда можно сделать спокойный и рациональный выбор путей развития страны»³⁷.

Такое «инклюзивное» позиционирование «Довэй синьвэнь» многими воспринималось как утопизм, прекраснотушие и наивное желание быть в хороших отношениях со всеми, что, по мнению критиков, нереально в практической действительности. Слова Хэ Биня о том, что он одновременно является «рупором и пекинских властей, и китайского демократического движения», комментировались многими в том смысле, что в реальной политике невозможно быть полностью свободным от политической позиции или от финансирующей стороны, и что по сути «Довэй» обманывает читателей, выдавая себя за объективную платформу, дающую возможность звучать разным мнениям³⁸.

Всплеск интереса к «Довэю», так же как и к другим американским изданиям подобного рода, произошел после того, как начал раскручиваться скандал с Бо Силаем. В отсутствие какой-то внятной информации от официальных СМИ граждане КНР обратились к изданиям, подобным «Довэй синьвэнь», отмечал, например, британский журнал «Экономист»³⁹. Другие издания подчеркивали, что небывалая популярность эмигрантских веб-сайтов в Китае объясняется большим количеством «сливов» информации из недр правительственных структур⁴⁰.

В работе «Довэя», как и у других заграничных СМИ, было немало случаев публикации неподтвержденных и непроверенных материалов. Так, в частности, в 2004 г. Довэй сообщил о том, что известная активистка событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г. Чай Лин вернулась в КНР и занялась предпринимательской деятельностью, что, как выяснилось, не соответствовало действительности⁴¹. Сайт также постоянно обвинялся в том, что материалы поставляются «люмпен-журналистами» (*люман цзичжэ*). Но особенно эмоционально публика восприняла продажу «Довэя» в 2010 г. предпринимателю из Гонконга по имени Юй Пиньхай, который, как считалось, действовал по указанию каких-то сил в Пекине. Это было воспринято как «предательство», «отступничество», свидетельствовавшее о том, что Хэ Бинь «сжег за собой все мосты», окончательно превратив «Довэй» в «бордель» и т.д. и т.п.⁴²

Впрочем, еще до продажи «Довэя» Хэ Бинь обвинялся в том, что на самом деле подоплека его детища представляет какой-то не особо привлекательный секрет. Так, в частности, некоторые зарубежные издания раскопали раннюю историю деятельности Хэ Биня. По их данным, Хэ происходит из бедной крестьянской семьи, не получил высшего образования. С 14 лет, покинув родные места, стал рабочим, а в 17 лет занялся журналистикой. В 1991 г. Хэ Биня заметил некий тайваньский предприниматель, вместе с которым они зарегистрировали в Гонконге издательство «Минцзин чубаньшэ» («Минцзин» после продажи «Довэй синьвэнь» остался главным информационным предприятием Хэ Биня). После издания нескольких нашумевших книг издательство стало достаточно известным и впоследствии Хэ Бинь порвал со своим первым спонсором, решив пуститься в дальнейшее плавание по волнам медийного бизнеса самостоятельно⁴³. Вскоре после создания в 1999 г. «Довэя» на сайт обратили внимание в Пекине и якобы Хэ Бинь продолжал оставаться руководителем издания лишь для видимости, а на самом деле сайт и его информационную политику контролировала группировка Цзян Цзэминя. При этом для сохранения конспирации сайту разрешалось по второстепенным вопросам резко критиковать политику властей КНР, а по существенным — давать положительные материалы (*сяо ма да баиман* — ругать по мелким вопросам, помогать по важным)⁴⁴.

Впоследствии, согласно тем же источникам, полезность Хэ Биня для пекинских властей уменьшилась, так как и внутри Китая влияние группировки Цзян Цзэминя стало ослабевать. Якобы в этом была подлинная причина продажи сайта пропекинской группе гонконгских предпринимателей.

Сама по себе продажа «Довэй синьвэнь» в 2010 г. стала в зарубежной медийной среде своего рода сенсацией, тем более что новые владельцы ресурса предприняли не-

стандартный ход — перенесли всю редакцию издания в Китай, где она теперь находится в одном из пригородов Пекина. При этом продолжает сохраняться видимость того, что «Довэй синьвэнь» — это то же самое издание, что и раньше, одно из зарубежных «реакционных СМИ». Довэй все еще зарегистрирован по старому адресу в районе Грейтнек на Лонг-Айленде в Нью-Йорке и позиционирует себя как «американский» новостной сайт. Как и раньше, он входит в число блокируемых властями КНР информационных ресурсов.

По впечатлениям одного бывшего сотрудника «Довэя», покупка сайта магнатом с неоднозначной репутацией Юй Пиньхаем, имевшим обширные деловые интересы в КНР, была негативно воспринята сотрудниками редакции, многие авторы и сотрудники после этого ушли из «Довэя». «Созданная в 1999 г. компания «Довэй» была выдающимся достижением в сфере СМИ, созданным видными представителями китайской интеллектуальной элиты, перебравшейся из Китая за границу... до покупки компании у нас в редакции на Лонг-Айленде в Нью-Йорке одно время работало почти сто журналистов, каждый выпуск издания был более ста полос. В те времена издание входило в список 2000 крупнейших изданий мира. Конечно, это не может сравниться с сегодняшним «Довэем», который издается в пригороде Пекина Ичжуане, где работают несколько сот человек...»⁴⁵. Опубликованный в Босюне анонимный текст «одного старого сотрудника» «Довэя» утверждает также, что за Юй Пиньхаем стояла ни много ни мало группировка Бо Силая и Чжоу Юнкана. Тут разоблачительный тон критиков «нового Довэя» уже переходит в стилистику политического доноса: «Тот «Довэй», который существовал до 2009 г., всегда аккуратно и точно освещал подоплеку тех или иных дел, противодействовал идеологии «Фалуньгуна», давал отпор силам, выступавшим за раскол Китая, был площадкой, где представители интеллектуальной элиты могли высказывать свои мнения, спорить и полемизировать, где аккумулировались идеи и голоса общественных деятелей изнутри страны и из-за границы. Тот «Довэй», который существует с 2010 г., по содержанию представляет собой непонятно что, полная мешанина всего и вся, все видные представители интеллектуальной элиты покинули его. Но в возникшем хаосе и мешанине просматривается одна тенденция — поддержка Чунцина, поддержка Бо Силая, нанесение ущерба имиджу нынешней власти в Китае, особенно Си Цзиньпина и его соратников...»⁴⁶. Понятно, что все эти взаимные обвинения и разоблачения нужно воспринимать в контексте острого соперничества между зарубежными китайоязычными СМИ. Похожий конфликт возник между «Довэем» и «Фениксом» (*Фэнхуан*) — еще одним влиятельным неподцензурным СМИ (издается в Гонконге). Стороны также обвиняли друг друга в «тесной связи с группировкой Бо Силая и Чжоу Юнкана»⁴⁷.

Что же из себя представляет «Довэй синьвэнь» после переезда редакции в специальный экономический район Ичжуан под Пекином? Сайт действительно дает большое количество новостей в ежедневном формате, располагает неплохим дизайном. Видно, что это крупное и хорошо оснащенное информационное издание, имеющее «нестандартные возможности доступа» к актуальной информации. Оперативность и современные подходы к подаче информации выгодно отличают «Довэй» от СМИ, издаваемых внутри «великого китайского файе рволя». Сайт публикует немало эксклюзивных материалов, в результате чего на «Довэй» часто ссылаются другие информационные издания. Несмотря на все скандалы и дразги его присутствие на информационном поле остается заметным. Нередко на «Довэй» ссылаются и российские СМИ⁴⁸. Тем более, что ресурс часто публикует новости или комментарии по России или по тематике российско-китайских отношений. Еще одной особенностью данного сайта является постоянная публикация аналитических статей, посвященных актуальным и злободневным темам. Как правило, в той или иной форме проводится мысль о разумности и обоснованности предпринятых властями КНР мер, будь то сфера внешней, внутренней политики или борьба за

власть в руководстве. Есть признаки того, что журналистам других СМИ КНР иногда дают указания ориентироваться на отдельные передовицы «Довэя» как на установочные⁴⁹.

Конечно, всем понятна подоплека метаморфоз вокруг «Довэя» и ему подобных СМИ. Имеем ли мы в лице «Довэй синьвэнь» эффективный инструмент политики Отдела пропаганды ЦК КПК и других партийно-государственных инстанций, умело упакованный в оболочку «враждебного зарубежного сайта» и продвигающий нужные идеи в современной, яркой, иногда небесспорной форме? Тогда в дальнейшем мы увидим какое-то количество новых «довэев» и «босюней»? Ведь возникает какой-то новый гибридный вид информационного ресурса, сочетающий различные типы информационных практик, западных и китайских. Но разумен и другой вопрос: насколько все это может органично сопрягаться с продолжающей оставаться по сути дела авторитарной политической системой, по-прежнему опирающейся на идею о безусловной монополии правящей партии, с проявившимися в годы правления пятого поколения китайских руководителей тенденциями к активизации идеологического контроля и неомоистской практики переобучения кадров в соответствии с «линией масс»? Насколько все эти технологии безобидны для правящего истеблишмента, уже и так серьезно разделенного политико-идеологическими и фракционными склоками? Ведь применение технологий «иностранных СМИ» для достижения задач «направления мыслей в правильное русло» есть, в определенном смысле, оружие обоюдоострое. И не является ли такая изощренная информационная стратегия уже начавшейся ползучей «гласностью по-китайски»? По крайней мере, представляется, что заинтересованных экспертов ждет немало наблюдений в этой сфере.

1. Исследование «чунцинского дела» было предпринято автором настоящей статьи в следующих публикациях: Карнеев А.Н. «Чунцинская модель»: что это было? // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 33–41; Карнеев А.Н. «Чунцинская модель»: что это было? Часть 2-я // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 45–52; Карнеев А.Н. Чунцинская модель: Послесловие // Китай на пути к возрождению: К 80-летию академика М.Л. Титаренко / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: ИД ФОРУМ, 2014. С. 121–138.
2. Чжэньчи чуаньянь паньцзюй чжуннаньхай. Шэй сяньфань цзяппай паньдола мохэ? [Политические слухи заполнили собой Чжуннаньхай. Кто сорвал печать с ящика Пандоры группировки Цзян [Цзэминя]?] // Чжунго гуаньча (Сан-Франциско). 30.01.2015. URL: <http://chinaexaminer.bayvoice.net/gb/ccpsecrets/2015/01/30/94491.html>.
3. Традиция называть крупных государственных чиновников, причастных к коррупции и прочим преступлениям, «крупными тиграми» возводится к высказыванию Си Цзиньпина в начале 2013 г. о том, что в борьбе с коррупцией следует «в одинаковой степени бить и мелких мух, и крупных тигров» (*цаньпин далаоху ици да*). Впрочем, ассоциация «тигров» с влиятельными партийными функционерами, замешанными в коррупции, существовала еще в гоминьдановском Китае, и хорошо известна история с попытками сына Чан Кайши Цзян Цзинго навести порядок в послевоенном Шанхае во второй половине 1940-х годов.
4. Вэйбо — сервис коротких сообщений, китайский аналог Твиттера.
5. К числу созданных сторонниками «Фалуньгуна» СМИ относятся, например, «Минхуй ванн», «Да Циюань», New Tang Dynasty TV и целый ряд других.
6. Barboza D. Billions in Hidden Riches for Family of Chinese Leader // *New York Times*, 26.10.2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/10/26/business/global/family-of-wen-jiabao-holds-a-hidden-fortune-in-china.html?pagewanted=all&_r=0.
7. Тянь Лу. Хайвай «фаньдун ванчжань» миндань дяоча: [Исследование списка «реакционных сайтов»] // Чжунго баодао чжоукань. 12.01.2010. URL: <http://www.chinaweek.com/html/5432.htm>.
8. Там же.

9. Чжунго сян ваншан «дидуи шили» сюаньчжань [Китай объявляет войну «враждебным силам» в виртуальном пространстве] // BBC Chinese.com. 09.08.2000. URL: http://news.bbc.co.uk/chinese/simp/hi/newsid_870000/newsid_872200/872247.stm.
10. Чжунго яньфан ван шан цзинвай дидуи шили [Китай осуществляет строгие меры по противодействию враждебным силам в сети] // Кань чжунго. 04.05.2010. URL: <http://m.secrechina.com/node/347837>.
11. Кань «ян вэйцзэ мэнь» жухэ индуй шэтань шэфу чуаньвэнь [Как чиновники типа Ян Вэйцзэ реагируют на слухи об их причастности к коррупции] // Синьхуа ванн. 08.01.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-01/08/c_1113917651.htm.
12. Там же.
13. Цзао бяошань «вайго дидуи шили» чжухуа ваймэй цайфан цзяньнань [Получив ярлык «зарубежных враждебных сил», иностранным СМИ трудно работать в Китае] // Пинго жибао. 31.12.2014. URL: <http://hk.apple.nextmedia.com/realtime/china/20141231/53285153>.
14. Команда news.sina.com.cn проанализировала 50 тыс. случаев употребления в газете «Жэньминь жибао» словосочетания «враждебные силы» с 1949 по 2012 гг. Помимо «американского империализма», термин в разные годы означал: ревизионистов, «гоминьдановских реакционеров», преступные элементы, сторонников «буржуазной либерализации» и этнических сепаратистов. См.: Найсе нянь вомэнь дэ «дидуи шили» [«Враждебные нам силы» разных лет] // Цивэнь лу. 07.09.2013. URL: <http://qiwen.lu/21123.html>.
15. Существуют специальные ресурсы, занимающиеся мониторингом китайских СМИ и электронных ресурсов, а также Вэйбо и блогов. В результате то, что было удалено модераторами тех или иных сетей по причине «чувствительности» комментариев, можно найти в обзорах и анализе этих изданий. В частности, мониторинги такого рода выполняет China Media Project — программа Центра журналистики и исследований медиа Гонконгского университета. URL: <http://cmp.hku.hk/>
16. URL: <http://www.peacehall.com/>
17. URL: <http://www.dwnews.com/>
18. Rapoza K. China's Most Hated Website and the Revolution it Can't Launch // Forbes.com. 29.03.2011. URL: <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2011/03/29/chinas-most-hated-website-and-the-revolution-it-cant-launch/>
19. Шэнь Янь. Босюнь ван хэйму: [Темная подноготная сети Босюнь] // Довэй синьвэнь. 14.10.2014. URL: <http://blog.dwnews.com/post-808178.html>.
20. См., например: Taylor A. Meet the Man Revealing the Huge Scandals That The Chinese Government Doesn't Want You to Know // Business Insider, April 25, 2012. URL: <http://www.businessinsider.com/boxun-bo-xilai-watson-meng-china-hacked-2012-4>.
21. Там же.
22. Distributed Denial of Service.
23. Morillo, Isolda and Bodeen, Christopher // Associated Press. Friday, April 20, 2012. Hacker attack underlines Web role in China scandal. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2012/apr/20/hacker-attack-underlines-web-role-in-china-scandal/>
24. Meng W. Internet in China: Its Impact and Limits // World Press Freedom Committee. URL: <http://www.wpfc.org/ChinaConfWatsonMeng.html>.
25. Шэнь Янь. Указ. соч.
26. Там же.
27. Taylor A. Op.cit.
28. McGregor R., Hille K. Chinese Censors Hamstrung by US Site // Financial Times (Asia-Pacific). April 22, 2012. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/fb55035e-8c51-11e1-9758-00144feab49a.html#axzz3STOFj4R>.
29. Meet China's Public Frenemy № 1 (Watson Meng — Publisher of Boxun) // CLBR. Oct. 3, 2012. URL: <http://cyberlawradio.wordpress.com/2012/10/03/clbr-seg-1-meet-chinas-public-frenemy-1-watson-meng-publisher-of-boxun/>
30. Zhang Ziyi Reaches Settlement With US-Based News Site After Libel Suit // The Hollywood Reporter. 18.12.2013. URL: <http://www.hollywoodreporter.com/news/zhang-ziyi-reaches-settlement-us-666540>.

31. Бэйцзин ванминь цзай цзинвай ванчжань цзаояо мохэй гоцзя бэй синцзюй [Арестован житель Пекина, который на зарубежном сайте распространял ложные слухи и порочил государство] // Тэнсюнь синьвэнь. 13.05.2014. URL: <http://news.qq.com/a/20140513/001517.htm>.
32. China holds man for 'fake anti-government' articles // Taipei Times. Wed, May 14, 2014. URL: <http://www.taipetimes.com/News/world/archives/2014/05/14/2003590336>.
33. Ячжоу чжоукань вэньчжан: довэй дуцзя синьвэнь бэйхоу дэ мими [Статья в Ячжоу чжоукань: тайна эксклюзивных материалов издания Довэй синьвэнь]. 19.07.2004. URL: <http://archive.superlife.ca/2004/07/19>.
34. Zhou Min. Contemporary Chinese America. Immigration, Ethnicity, and Community Transformation. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2009. P. 138.
35. URL: <http://prison.alliance.org.hk/?p=2472>.
36. Чжумин «фаньдун ванчжань» бяньцзюй мэйго довэй синьвэнь ван бэй шоугоу нэйму [Перемены в знаменитом «реакционном сайте»: подоплека покупки американского сайта «Довэй синьвэнь»] // Чжунго ванн. 27.03.2010. URL: http://news.china.com.cn/rollnews/2010-03/27/content_1288493_2.htm.
37. Хэ Бинь тань довэй синьвэнь [Хэ Бинь беседует о «Довэй синьвэнь»] // Чжунго миньчжу чжэньи дан. URL: <http://www.cdjp.org/01/archives/00003666.shtml>.
38. Чжумин «фаньдун ванчжань»...
39. Hidden News. The Rumour Mill Goes into Overdrive // The Economist. February 11th, 2012. URL: <http://www.economist.com/node/21547307>.
40. Demick B. China's Bo Xilai scandal revs up news media run by exiles // Los Angeles Times. May 18, 2012. URL: <http://articles.latimes.com/2012/may/18/world/la-ig-china-exiles-20120518/2>.
41. Чжумин «фаньдун ванчжань»...
42. Там же.
43. Ли Вэй. Чжуань хун Ху Вэнь! Миньцзин юэкань юй босянь ван сетун цзочжань: [Специальная атака против Ху [Цзиньтао] и Вэнь[Цзябао]: Мицзин юэкань и Босянь синьвэнь ведут скоординированную атаку] // Кань чжунго. 15.09.2011. URL: <http://www.secretchina.com/news/11/09/15/421247.html>.
44. Там же.
45. Довэй шэньхоу бао мэньляо: довэй ван бэй бо силай чжоу юнкан шоумай нэйму цземи [Сенсация от «глубокого горла» Довэй синьвэнь: разоблачение подоплеку покупки сайта Довэй синьвэнь Бо силаем и Чжоу Юнканом] // Босянь синьвэнь. 18.01.2014. URL: <http://www.boxun.com/news/gb/china/2014/01/201401182331.shtml#.VPSi0LOsWUA>.
46. Там же.
47. Фэнхуан довэй цзяо э ху цзе хэй цайляо [Феникс и Довэй обмениваются оскорблениями, публикуют компромат друг на друга]. (Перепост из *Пинго жибао*) // Босянь синьвэнь. 18.01.2014. URL: <http://www.boxun.com/news/gb/china/2014/01/201401182236.shtml#.VPSpwOsWUA>.
48. См., например: Российско-китайские военно-морские учения — прикрытие от «цветных революций»? // Duowei News. 21.11.2014 (Duowei News, США). ЦентрАзия. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1416557520>; ту же новость со ссылкой на «Довэй» дало Иносми.ру. URL: <http://inosmi.ru/army/20141121/224405872.html>.
49. В августе 2014 г. гонконгская China Digital Times опубликовала полавшие в ее распоряжения сведения о том, что китайским СМИ рекомендовано опубликовать отрывки из статьи в «Довэй синьвэнь», посвященной роли Си Цзиньпина в «возрождении нации». Дословно в указаниях властей говорилось: Цин гэ мэйти цзай шуаншоуе яовэньцзюй чжуаньцзай Довэй ван (ваймэй) «чжэн цзай хуаньсин чжунго дэ Си Цзиньпин» и вэнь, чжуи кунчжи пинлунь (Просим все СМИ перепечатать в разделе важных новостей на первом развороте статью из Довэй синьвэнь (зарубежное СМИ) «Си Цзиньпин, который разбудил Китай», обратите внимание на то, чтобы контролировать все комментарии читателей). См.: China Digital Times. Aug. 2014. URL: <http://chinadigitaltimes.net/2014/08/minitruer-promote-duowei-article-xi-jinping/>

История

Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937–1945 гг.)

© 2015

Б. Горбачев

Автор характеризует значение помощи Китаю со стороны СССР и США в войне против Японии в 1937–1945 гг. Раскрываются формы советской военной помощи в борьбе китайского народа против японских агрессоров на разных этапах Второй мировой войны, анализируются военные поставки США в Китай по ленд-лизу.

Ключевые слова: военная помощь, Китай, война с Японией 1937–45 гг., СССР, США, ленд-лиз.

Война Китая против японских агрессоров являлась важной составной частью великой битвы антифашистской коалиции против группировки государств во главе с фашистской Германией и милитаристской Японией. Она развернулась в июле 1937 г. и продолжалась долгие восемь лет. Японские войска в ходе войны заняли 1,3 млн кв. км территории Китая. В противоборство были вовлечены вооруженные силы общей численностью 10 млн человек. Прямо или косвенно в войну было втянуто 200 млн жителей Китая. Можно сказать, что весь Китай был охвачен огнем¹.

Но он воевал не в одиночку. Вооруженная борьба в те годы в рамках каждой из противоборствующих сторон объединяла усилия многих стран. Поэтому в ходе войны Китай взаимодействовал с СССР, США и другими странами по военно-политическим вопросам, сотрудничал с ними в военно-технической области, получая иностранное вооружение и военную технику, помощь советнического аппарата и инструкторов в подготовке собственных военных кадров.

Военная помощь Советского Союза Китаю в борьбе с японской агрессией

С самого начала национально-освободительной войны китайского народа против японских захватчиков Советский Союз принял решение об оказании военной помощи борющемуся китайскому народу. 21 августа 1937 г. был заключен договор между СССР и Китаем о ненападении. Подписанный в самый тяжелый для Китая момент, он нанес серьезный удар по агрессивной политике Японии, рассчитывавшей на международную изоляцию Китая. Современные китайские историки признают, что договор объективно

Горбачев Борис Николаевич, доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук. E-mail: BorisGorbachev@yandex.ru.

укрепил советско-китайское военное и экономическое сотрудничество в военное время, однако, это не решило коренных проблем отношений между Китаем и СССР².

Заключение договора создало благоприятные возможности для оказания Китаю военной помощи, политическое решение о которой было принято в Москве еще в 1936 г. и, повторно, 8 марта 1937 г.³ 8 сентября 1937 г. в Москву прибыла китайская военная делегация во главе с генералом Ян Цзе⁴. На Щелковском аэродроме ей были продемонстрированы образцы советской техники, которые произвели на китайскую делегацию сильное впечатление⁵. Была достигнута договоренность о том, что Советский Союз предоставит Китаю в течение ряда лет кредиты на сумму 500 млн долл. США⁶ (тяжелейшая война с гитлеровской Германией не позволила СССР выполнить эти договоренности в полном объеме). В ходе переговоров были решены вопросы порядка кредитования, определены количество и типы поставляемых вооружений и военной техники.

Еще 22 августа 1937 г. полпред СССР в Китае Д.В. Богомолов в телеграмме в Москву рекомендовал после опубликования договора «прислать в Ганьсу 50 наших истребителей с нашими инструкторами в счет поставок. Это сильно подбодрит китайцев в их борьбе»⁷. В сентябре 1937 г. Чан Кайши в телеграмме в адрес наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова выразил горячую благодарность за сердечный прием, оказанный генералу Ян Цзе, и признательность за содействие в получении самолетов, персонала и вооружения. «Я надеюсь, писал Чан Кайши, что Советская Россия и Китай будут едины в поддержании мира на Дальнем Востоке и во всем мире и что наша дружба будет закреплена этой общей целью»⁸.

Хотя соглашение о первом кредите в 50 млн долл. было оформлено лишь в марте 1938 г., поставки вооружения из СССР в Китай начались уже в октябре 1937 г. А к марту 1938 г. в Китай было отправлено 282 самолета⁹.

Советскому Союзу предстояло в короткие сроки перебросить оружие и технику для 20 дивизий китайской армии, которая несла большие потери в боях с японцами¹⁰.

Кредитное соглашение под 3% годовых подлежало возмещению в течение пяти лет равными долями в размере 10 млн долл. США ежегодно с одновременной выплатой процентов с суммы уже реализованного кредита (кредиты западных стран, для сравнения, давались под 6,5% годовых). По условиям соглашения возмещение кредита должно было осуществляться Китаем товарами и сырьем по спискам, приложенным к соглашению. Все поставки в счет кредита оформлялись контрактами на каждую партию вооружения. В контракте определялся перечень поставляемого имущества и указывались сроки его поставки. Перечень товаров и сырья, поставляемых из Китая, уточнялся при подписании контрактов Наркоматом внешней торговли СССР и соответствующими китайскими органами.

В соответствии с первым кредитным соглашением были заключены три контракта на поставку советского вооружения. Реализация первого контракта, подписанного 3 марта 1938 г., началась 5 марта и была окончательно завершена к 10 июня 1938 г. Китай получил: средние бомбардировщики СБ — 62 ед., истребители И-16-94 ед., истребители И-15-62 ед., учебно-тренировочные истребители — УТИ-4-8 ед., тяжелые бомбардировщики ТБ-3-6 ед., запасные авиадвигатели, другие авиационные запчасти стоимостью 653 тыс. долл., специальный автотранспорт на сумму 421 тыс. долл., танки Т-26-82 ед., запасные двигатели и запчасти, ремонтные мастерские стоимостью 374 тыс. долл., тракторы и прицепы — 582 шт., 76-мм зенитные орудия — 20 шт., 45-мм противотанковые орудия — 50 шт., боеприпасы к танкам и артиллерии на сумму 3,179 млн долл. Общая стоимость первого контракта оценивалась в 27 млн долл.¹¹

По второму контракту, подписанному 11 марта 1938 г. на сумму свыше 7 млн долл. и реализованному в июне 1938 г., в Китай было поставлено 800 пулеметов "Максим" Токарева, 1100 пулеметов Дегтярева и 10 млн шт. патронов к ним, 160 шт. 76-мм полевых орудий, 80 шт. 115-мм гаубиц, 80 шт. 37-мм противотанковых пушек, артиллерийские боеприпасы и 10 млн шт. винтовочных патронов.

По третьему контракту от 22 марта 1938 г. на сумму около 9 млн долл., реализованному в июне 1938 г., Китай получил 60 самолетов И-15, 5 самолетов УТ-1, запасные авиадвигатели, комплекты оборудования и 400 автомобилей ЗИС-5¹².

Следует отметить, что контракты подготавливались и реализовывались в кратчайшие сроки, что было обусловлено, стремлением Советского Союза оказать действенную помощь китайскому народу в борьбе с японскими захватчиками. Всеобщее признание получили высокие качества поставляемой советской техники, по тем временам это были лучшие образцы вооружения. Во время приема в китайском посольстве в Великобритании член китайской миссии, прибывшие в Лондон для переговоров о предоставлении Китаю кредитов, отвечая на вопрос о том, какие самолеты китайцы считают наилучшими, с восхищением воскликнул: "Советские! Советские бомбардировщики, состоящие на вооружении нашей армии, в состоянии развить скорость до пятисот километров в час. Кроме того, мы имеем четыре советских бомбардировщика, которые легко могут достичь Токио и вернуться обратно"¹³. Видимо, речь шла о бомбардировщике СБ, скорость которого почти в двое превышала скорость состоявшего тогда на вооружении самолета ТБ-3 и достигала 445 км. Самолет СБ имел потолок 10 тыс. м, дальность действия — до 1600 км. Японские истребители И-95 и И-96 значительно уступали СБ в скорости. Слава об этом самолете во второй половине 1930-х гг. разнеслась по всему Западу¹⁴. 20 мая 1938 г. были продемонстрированы высокие боевые качества советских бомбардировщиков, когда эскадрилья, укомплектованная китайскими и советскими летчиками, осуществила налет на японские острова. Вместо бомб самолеты сбросили листовки, чтобы сделать предупреждение врагу о его уязвимости¹⁵.

1 июля 1938 г. между СССР и Китаем было заключено второе торговое соглашение, в соответствии с которым правительство Китайской Республики получило еще один кредит на 50 млн долл. для закупки в СССР вооружения, боеприпасов и другого имущества.

Кроме того, с 25 июня по 1 сентября 1939 г. дополнительно были переданы 120 самолетов (24 самолета ДБЗ-2М87, 36 бомбардировщиков СБ, 20 истребителей И-16, 4 пулеметных и 10 пушечных истребителей И-16), 83 авиационных двигателя, а также запасные части к ним¹⁶.

13 июня 1939 г. СССР заключил с Китаем третье кредитное соглашение на 150 млн долларов. Были подписаны четыре контракта на поставку продукции военного назначения¹⁷.

Прямой военно-политической поддержкой борьбы китайского народа против японских захватчиков в тот период был отпор, оказанный советскими войсками вооруженным японским провокациям у озера Хасан (1938 г.) и на реке Халхин-Гол (1939 г.). В результате полученного урока Япония вынуждена была считаться с военной силой СССР в данном регионе.

В 1937–1938 гг. Китай тратил на военные нужды и закупку оружия около 70% своего бюджета. В стране практически отсутствовал запас серебра и золота, а их добыча резко сократилась. Основные золотые прииски были оккупированы японцами. Поэтому все займы погашались товарами традиционного китайского экспорта: чай, кожа,

шерсть, сурьма, олово, цинк, никель, вольфрам, шелк, хлопок, тунговое масло, лекарственные растения и др.

Важно отметить, что советские вооружения и техника поставлялись в Китай по ценам на 20% ниже мировых. Например, истребитель И-15 стоил 35 тыс долл., И-16—40 тыс., самолет СБ — 110 тыс., самолет ТБ-3—240 тыс., танк Т-26—21302 долл.¹⁸. Китайские деятели Сунь Кэ и Ян Цзе признавали, что СССР поставлял вооружение по весьма низким ценам¹⁹. Советская техника направлялась в Китай в значительно больших объемах, чем это делали в тот же период США, Франция, Англия и Италия. Например, в январе 1938 г. Китай заключил в Западной Европе и Америке контракты на поставку до августа того же года 230 самолетов. В США было заказано 100 машин (поступило 15), во Франции — 63 (поступило 15), в Англии — 36 (поступило 9), в Италии — 40 (не поступило ни одной). Одновременно китайское правительство заказало у французской фирмы «Шнейдер-Крезю» партию 75-мм пушек. Но та выполнила обязательства только в 1939 г. Другие западноевропейские фирмы также задерживали осуществление контрактов, в том числе заключенных еще до июля 1937 г.

Доставка советских военных грузов Китаю осуществлялась по нескольким направлениям и маршрутам и была сопряжена с немалыми трудностями. Часть грузов доставлялась морем и по железным дорогам. Для этого порты Дальневосточного и Черноморского пароходств выделили несколько океанских судов, а на территории СССР использовалось около 10 тыс. товарных вагонов. С ноября 1937 г. по ноябрь 1939 г. в Китай по морю было доставлено более 26 300 тонн различных грузов. Но после того, как японцы захватили порт Гуанчжоу на юге страны, а англичане стали чинить препятствия на Бирманской дороге, остался единственный сухопутный маршрут через Синьцзян. Он пролегал от советско-китайской границы через Урумчи до г. Ланьчжоу (пров. Ганьсу). Уже в октябре 1937 г. китайские рабочие под руководством советских специалистов начали прокладку автомобильной трассы протяженностью 2925 км по маршруту: Сары-Озек—Урумчи—Ланьчжоу (так называемая трасса «Z»). Помимо китайцев, на ее строительстве трудилось несколько тысяч граждан СССР²⁰.

Другой маршрут из СССР пролегал в Китай по воздуху. Для доставки срочных грузов была организована авиалиния Алма-Ата—Ланьчжоу—Ханькоу, которую обслуживали в основном транспортные самолеты ТБ-3. В общей сложности на ней было задействовано 35 самолетов различных типов. На отправке грузов, упаковке, погрузке, транспортировке также были заняты десятки тысяч советских людей. Бомбардировщики (СБ, ДБ, ТБ) перегонялись летными экипажами, а истребители, как правило, в разобранном виде доставлялись по трассе «Z» на грузовиках до г. Хами, где на заводе была организована их сборка. Далее они своим ходом перелетали на фронтовые базы. Личным составом воздушной трассы было собрано около 180 самолетов, а около 200 самолетов перегнано по воздуху в Ланьчжоу. За период существования трассы с октября 1937 г. по начало 1940 г. на ней было задействовано около 1500 советских военных и гражданских специалистов.

Деятельность трассы «Z» обеспечивала доставку воюющему Китаю огромного количества грузов. Так, только в 1937–1938 гг. по трассе было перевезено 10 965 тонн различного вида вооружений, в том числе сотни самолетов, артиллерийских орудий, тысячи единиц другой боевой техники и военного имущества. К концу 1941 г. общий объем перевозок составил около 30 тыс. тонн различных грузов и 5 тыс. человек. Пробег автопарка трассы равнялся 32 млн км²¹.

Советские военные поставки правительству Чан Кайши продолжались по январю 1941 г. В общей сложности по морскому, воздушному и сухопутному маршрутам транс-

портировки в Китай было доставлено около 57 тыс. тонн различных грузов и перевезено около 10 тыс. человек²².

В 1940 г. советское правительство было вынуждено ограничить военную помощь Китаю. Это было связано с тем, что в конце 1939 — начале 1940 гг. гоминьдановское командование прекратило материальное снабжение 8-й и Новой 4-й армий, возглавляемых Компартией Китая, и спровоцировало против войск коммунистов несколько вооруженных конфликтов. Междоусобицы между КПК и Гоминьданом подрывали общекитайский фронт сопротивления Японии. После заявлений Чан Кайши о том, что он продолжит политику единого национального фронта и станет лояльно относиться к КПК, поставки советского оружия в Китай были продолжены. Так, в начале 1941 г. СССР поставил в Китай 200 бомбардировщиков и истребителей. К этому времени правительство Китая фактически использовало советские кредиты по первым двум соглашениям на 100 млн долл., т.е. почти на 100%, а по третьему — на 84.6 млн долл., т.е. на 54,4%. По другим подсчетам, общая стоимость советских поставок с конца 1937 г. по июнь 1941 г. составила 173,2 млн долл.²³ С учетом же 3% годовых, подлежащих начислению на сумму использованного кредита — 28,6 млн долл., задолженность китайского правительства по трем кредитам достигала 201,8 млн долл.²⁴ Но в эту сумму входили транспортные, административные и прочие расходы (в том числе на содержание советских военных специалистов).

Общий объем поставок непосредственно военной техники и вооружения из СССР в Китай за пять лет, начиная с 1937 г., составил 122,5 млн долл. США.²⁵ В литературе встречаются и другие данные по стоимости военной помощи и количеству вооружений, связанные с разной системой подсчетов и неодинаковыми источниками сведений.²⁶ Поставки включали в себя 1235 самолетов (в том числе 777 истребителей, 358 бомбардировщиков, 100 учебно-тренировочных самолетов²⁷), 82 танка, около 600 ремонтных мастерских, тракторов и прицепов к ним, 1550 автомашин, 1600 орудий, 14 тыс. станковых и ручных пулеметов, более 210 млн патронов к ним, 31,6 тыс. авиабомб, 2 млн артиллерийских снарядов, 180 млн винтовочных патронов и т.д.²⁸ По данным, опубликованным пресс-канцелярией Госсовета КНР в 2005 г., некоторые ранее известные данные были уточнены. Так, по этим сведениям, СССР поставил 1285 самолетов, в том числе 777 истребителей, в основном И-15 и И-16; 408 бомбардировщиков: ДБ-3—30 шт., СБ-2—328 шт., ТБ-3—50 шт.; 215 тыс. авиабомб, 1850 автомобилей, 14 тыс. ручных, станковых и зенитных пулеметов, 110 тыс. винтовок, 150 млн патронов, 1600 орудий, 2 млн снарядов, 82 танка Т-26²⁹.

Советским вооружением и военной техникой были оснащены военно-воздушные, артиллерийские и бронетанковые войска китайской армии. В сухопутных войсках в 1937–1940 гг. советским стрелковым и артиллерийским вооружением было оснащено 40–60 расчетных пехотных дивизий³⁰.

Следует отметить, что кроме поставок вооружения и военной техники, большую роль в содействии китайской армии сыграли советские военные советники и специалисты. Так, по постановлению Советского правительства для оказания помощи командному составу китайских вооруженных сил в Китай были направлены военные советники. Первая их группа (27 человек) прибыла в Китай в конце мая-начале июня 1938 г. К началу 1941 г. их число достигло 140 человек. Среди них были известные советские военачальники, имевшие опыт гражданской войны в России, некоторые из них были советниками во время войны в Испании и в 1920-е гг. в Китае. Это главные военные советники и одновременно военные атташе М.И. Дратвин (1937–1938 гг.), А.И. Черепанов (1938–1939 гг.), К.М. Качанов (май 1939—февраль 1940 гг.), П.С. Рыбалко (февраль—декабрь

1940 г.) и В.И. Чуйков (декабрь 1940 г. — март 1942 г.), а также П.Ф. Батицкий, П.Ф. Жигарев, А.Я. Калягин, П.В. Рычагов, Г.И. Тхор и др. В период с июня 1937 г. по июль 1944 г. в китайской армии в среднем ежегодно находилось от 30 до 140 военных советников и от 20 до 50 человек технического персонала, т.е. в общей сложности до 500 советников и свыше 200 технических специалистов. Больше всего в китайских войсках работало общевойсковых советников — 140 чел., артиллеристов — более 80, связистов и авиаторов — около 30, танкистов — более 20 человек³¹. Их качественный состав определялся реальными потребностями китайской армии и возможностями советской стороны. Советники помогали разрабатывать планы военных операций китайских войск, готовили командные кадры, обучали войска. Благодаря своей деловитости, продуманным рекомендациям советские специалисты очень скоро завоевали авторитет у китайского командования. Так, Чан Кайши в одной из бесед с комдивом М.И. Дратвиным заявил: "В связи с прибытием русских советников китайские войска стали лучше драться"³². Многие советские советники были награждены китайским орденом "За заслуги в строительстве и боевых действиях сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил Китая"³³.

В этот период помощь китайскому народу оказывали около 4 тыс. советских военных советников и специалистов. По некоторым китайским данным, свыше 5 тыс., в том числе военные медики, преподаватели, авиационные, бронетанковые и инженерные специалисты³⁴. Большую часть советского воинского контингента в Китае составили авиаторы. Среди них было 1091 летчиков и более 2000 человек технического персонала. Воюя в рядах китайской армии, 14 из них были удостоены звания Героя Советского Союза. Это летчики — Ф.П. Полюнин, В.В. Зверев, А.С. Благовещенский, О.Н. Боровиков, А.А. Губенко, С.С. Гайдаренко, Т.Т. Хрюкин, Г.П. Кравченко, С.В. Слюсарев, С.П. Супрун, М.Н. Марченков (посмертно), Е.М. Николаенко, И.П. Селиванов, И.С. Сухов. Шестеро пилотов стали воздушными асами, сбив в воздушных боях по 5 и более японских самолетов. По гоминьдановским данным, советские летчики с декабря 1937 г. по 1941 г. сбили 275 и уничтожили 264 японских самолета, всего 539 машин³⁵. Эта цифра явно занижена. Известно, что боевая эффективность советских летчиков была гораздо выше китайских, которые в то время не обладали достаточным опытом. А в Китай направляли самых лучших советских пилотов, в том числе с опытом боевых действий в Испании, на озере Хасан и Халхин-Голе. Хотя участие летчиков в борьбе против японской армии не афишировалось, в мировую печать просачивались сведения о подвигах добровольцев из СССР. Так, известный американский журналист Эдгар Сноу в 1941 г. писал о том, что Китай в войне использует в основном советские самолеты и что «русским летчикам принадлежат почти все воздушные победы»³⁶. На этот счет известны многие примеры. Так, только за два дня боев осенью 1939 г. в районе Ханькоу группа дальних бомбардировщиков ДБ-3 под руководством Г.А. Кулишенко³⁷ уничтожила более 100 вражеских самолетов, много техники, большой запас горючего и авиабомб³⁸. К 1940 г., по официальным данным, японцы потеряли на земле и в воздухе 986 самолетов. Эти успехи тесно связаны с героическими действиями советских авиаторов, которым принадлежит «львиная доля» побед³⁹. По данным некоторых отечественных авторов, советские летчики-добровольцы за годы участия в боевых действиях в Китае уничтожили свыше 1200 самолетов противника, большое количество его боевой техники и живой силы⁴⁰. Около 300 советских военнослужащих погибли в боях и умерли от ран в Китае. На 30 трехметровых памятных плитах Мемориала в Нанкине в честь летчиков Китая, СССР, США и других стран, погибших на территории Китая в годы войны с Японией, значатся фамилии более 3000 человек, в том числе 236 советских авиаторов⁴¹. Вышедшая в Пекине в 2007 г. книга "В бескрайних небесах кровавых битв" под редакцией Сунь Вэйтао приводит данные о 286

советских летчиках, павших смертью храбрых на китайской земле⁴². Следует иметь в виду, что некоторые советские добровольцы приезжали в Китай не под своей фамилией, а под псевдонимом. Это усложняло идентификацию в случае гибели или других чрезвычайных ситуаций⁴³. В 1939 г. Советское правительство наградило за мужество и отвагу, проявленные во время пребывания в Китае, 422 советских воина, из них 49 посмертно⁴⁴. Всего за участие в оказании помощи китайскому народу в войне с Японией было награждено орденами и медалями 1347 советских добровольцев⁴⁵. Под руководством советских специалистов военную переподготовку прошли 90 тыс. китайских военнослужащих. В городах Кульджа, Ланьчжоу, Суйнин и Чэнду были созданы авиационные школы. Только в Кульдже к 1940 г. было подготовлено 328 китайских летчика. В учебных заведениях в СССР к лету 1939 г. обучение прошли 8354 авиатора, в том числе 1045 летчиков, 81 штурман, 198 стрелков-радистов и других специалистов⁴⁶. Чан Кайши признавал, что Китай сумел продержаться в 1930-х гг. только благодаря помощи СССР⁴⁷.

В таком масштабном взаимодействии двух стран и их вооруженных сил, как предоставление военной помощи СССР Китаю, порой возникали определенные проблемы и трудности. Так, часть гоминьдановского командования не предоставляла необходимой информации советским военным советникам для принятия решений или игнорировала их рекомендации по планированию и организации боевых действий⁴⁸. Встречались случаи, когда некоторые китайские специалисты небрежно относились к поставленной технике, не обслуживали ее должным образом, что вело к быстрым поломкам, а то и умышленно выводили из строя самолеты⁴⁹. Порой китайское командование затягивало перебазирование авиационных подразделений, что вело к огромному ущербу, возникали трудности в обеспечении советских летчиков-добровольцев⁵⁰.

Примером неудачного взаимодействия сторон является судьба авиасборочного завода № 600 в г. Хами в 40 км от Урумчи. Он создавался на паритетных началах по протоколу от 11 августа 1939 г. между представителями наркомата авиационной промышленности СССР и уполномоченным китайского правительства⁵¹. (Существует мнение, что СССР создавал этот завод в таком удаленном месте на случай войны с Японией⁵²). Планировалось ежегодно собирать 300 самолетов И-16. К концу 1940 г. уже было произведено 10 самолетов. План по сборке 143 самолетов в 1941 г. был досрочно выполнен в июне. К моменту сдачи проекта к 5 июня 1942 г. производительность завода могла возрасти до 450 самолетов. По протоколу Китай брал обязательства закупать всю продукцию завода. Строительство и оснащение завода, однако, шло только за счет средств советской стороны. Китайская сторона денег не вносила. Она желала получать самолеты по кредиту, но не за счет внесения своей доли в валюту. Больше года велись переговоры. После долгих проволочек китайская сторона отказалась от ратификации протокола. После нападения Германии на Советский Союз, остро нуждавшийся в восполнении потерь на фронте, Москва отдала распоряжение перегнать собранные к тому времени в Хами 143 самолета в Алма-Ату для нужд советских ВВС⁵³. После этого завод продолжал выпускать некоторые авиационные агрегаты для советских самолетов, а в конце 1943 г. был переведен в Ташкент. Оставшиеся строения и коммуникации завода были проданы китайским властям в Синьцзяне в 1944 г. В то же время следует признать, что современный в 1930-х гг. самолет И-16 к этому времени устарел, хотя мог еще использоваться в боях с японцами. В 1941 г. производство этих самолетов в СССР сократилось до 1115 шт., а в 1942 г. — до 83 шт. и было прекращено. Так что отказ китайцев от сделки можно понять, к тому же они рассчитывали вскоре получить американские самолеты.

В 1941 г. из-за возобновившихся враждебных действий Чан Кайши по отношению к КПК и его отказа от активных военных действий против японской армии совет-

ское правительство было вынуждено принять решение о полном прекращении поставок вооружения в Китай. Оно также было связано с осложнением военно-политической обстановки в Европе и возрастанием военной угрозы в отношении СССР со стороны гитлеровской Германии. Чтобы обезопасить себя от перспективы борьбы на два фронта, Советский Союз 13 апреля 1941 г. подписал пакт о нейтралитете с Японией. Данное событие вызвало негативную реакцию в официальных кругах Китая. Дело в том, что в устной декларации при подписании Договора между СССР и КР от 21 августа 1937 г. уполномоченный Советского Союза заявил, что Советский Союз «не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, когда нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены»⁵⁴. По этому поводу Чан Кай-ши, обращаясь к Сталину, заявил: «Наш народ и армия действительно были потрясены сообщениями о заключении пакта. Вы знаете, что наш народ, наша армия слишком верят Советскому Союзу, который неизменно помогал нам... Неожиданность этого акта действительно оказала сильнейшее психологическое воздействие на Китай»⁵⁵. Китайское правительство все надеялось, что СССР двинет свои войска против Японии и не желало, чтобы между Москвой и Токио был подписан такой документ. Однако пакт о нейтралитете полностью разбил иллюзии о выступлении советских войск против японцев на стороне Китая и, по мнению китайских историков, способствовал расширению японской агрессии в Китае. Хотя военная помощь СССР Китаю не была прекращена⁵⁶.

В этих условиях, особенно после начала Тихоокеанской войны, внешняя политика гоминьдановского правительства стала переориентироваться на сближение с США и свертывание связей с СССР. Однако это не означало прекращение военной помощи китайскому народу со стороны Советского Союза в его борьбе с японскими захватчиками. В связи с началом 22 июня 1941 г. Великой Отечественной войны советского народа против фашистской Германии и ее сателлитов виды советской помощи видоизменились.

Во-первых, ведя масштабную и героическую борьбу с главной силой фашистского блока — гитлеровской Германией, советский народ тем самым приближал и освобождение китайского народа от японского порабощения. В декларации КПК от 7 июля 1941 г. отмечалось: "Наш народ хорошо понимает, что война, которую ведет советский народ, направлена не только на защиту СССР, но и на защиту Китая, на защиту свободы и независимости всех народов. Победа или поражение СССР будут победой или поражением Китая"⁵⁷.

Во-вторых, на протяжении всей войны для прикрытия советской территории от возможного нападения Японии на Дальнем Востоке было развернуто от 32 до 59 расчетных дивизий. Тем самым Советский Союз сковывал действия японской Квантунской армии и облегчал положение китайских войск, в том числе, частей под командованием КПК. "Можно считать, — говорил начальник политотдела Военного совета, генерал Чэнь Чэн⁵⁸, что Китай фактически получает от СССР поддержку в несколько сот тысяч солдат"⁵⁹.

В-третьих, вступление Советского Союза 9 августа 1945 г. в войну против Японии коренным образом изменило развитие военных событий в Китае, Северной Корее и других странах Азии. В освободительной борьбе китайского и корейского народов наступил коренной перелом. Советские войска в короткие сроки не только разгромили японскую армию, но и осуществили освободительную миссию на территории стран Дальнего Востока, прежде всего в Маньчжурии и Северной Корее.

Китайский народ горячо приветствовал советских воинов, которые принесли ему освобождение от многолетнего японского ига. Успешные боевые действия вооруженных сил СССР против японской армии оказали огромную помощь частям 8-й армии,

контролировавшимся КПК, которые находились в плотном кольце окружения. Учитывая полную бесперспективность дальнейшего сопротивления, командование японских войск капитулировало перед советскими войсками. Группировка японской Квантунской армии потеряла свыше 677 тыс. солдат и офицеров, в том числе убитыми около 84 тыс. человек. Была разоружена и распущена почти 200-тысячная армия Маньчжоу-го. Советская армия захватила значительную часть военной техники и материальных запасов японских войск, которые затем были переданы армии, находящейся под контролем КПК⁶⁰.

Все это тоже было существенной военной помощью Советского Союза Китаю на протяжении всех лет национально-освободительной борьбы китайского народа против японских захватчиков (1937–1945 гг.). Ее масштаб и формы претерпевали изменения в зависимости от ситуации на фронтах Европейского и Азиатского театров военных действий, но сама помощь носила постоянный характер.

Следует отметить, что советская военная и политическая помощь была оказана в критический для Китая момент, когда западные державы еще не оказывали ему существенной поддержки. Однако возрастающее советское влияние на военно-политическую ситуацию на Азиатском континенте подтолкнуло западные страны к изменению выжидательной позиции. Они начали оказывать военную помощь Китаю, борьба которого стала отвечать также и их интересам. Данное обстоятельство не только способствовало прорыву международной блокады воюющего против японской агрессии Китая, но и тому, что Китай превратился в участника широкой антифашистской коалиции, внося свой крупный вклад в общую победу. После нападения Германии на Советский Союз Чан Кайши заявил 2 июля 1941 г. о разрыве дипломатических отношений с Германией и Италией и присоединении Китая к антигитлеровской коалиции государств.

В Китае всегда преобладала позитивная оценка военной помощи СССР в годы войны с Японией, в том числе разгрома советскими войсками Квантунской армии в 1945 г., который оказал огромное влияние на исход войны на Дальнем Востоке. В телеграмме И.В. Сталину от 2 сентября 1951 года Мао Цзэдун писал: «Огромная помощь Советского Союза китайскому народу в войне против японских захватчиков и прочный союз СССР и Китайской Народной Республики, направленный на совместное предотвращение возрождения агрессивных сил Японии, безгранично воодушевляют китайский народ в борьбе против сил агрессии на Дальнем Востоке». Правда, позднее, особенно в изданиях периода советско-китайской конфронтации, стали встречаться и негативные оценки советской военной помощи. Мол, помощь эта была вынужденной и оказывалась не из чувства солидарности, а из-за собственных корыстных интересов. Некоторые китайские авторы упрекали СССР в том, что он оказывал помощь только гоминьдановскому правительству, а войска, находившиеся под контролем КПК, не получили от Советского Союза ни одной винтовки или снаряда. Единственной помощью были только лекарства, медицинское оборудование и политическая литература. Не случайно в Яньани, месте дислокации руководства КПК, была распространена поговорка: "СССР дал оружие буржуазии, а книги — пролетариям"⁶¹.

К сожалению, такие оценки можно услышать и сегодня. "Руководители СССР, — пишут современные китайские авторы, — чрезмерно высоко оценивали силы Гоминьдана и слишком низко оценивали силы революции народа Китая; они много раз заявляли представителям США и Гоминьдана, что КПК не обладает силой для того, чтобы объединить Китай; они признавали и поддерживали только правительство Гоминьдана, это "единственное законное правительство"⁶². Объясняя, почему выбран такой адресат советской военной помощи, И.В. Сталин говорил В.И. Чуйкову, который командировался в Китай в качестве главного военного советника: "Казалось бы, китайские коммунисты

нам ближе, чем Чан Кайши. Казалось бы им и должна быть оказана главная помощь... Но эта помощь выглядела бы как экспорт революции в страну, с которой мы связаны дипломатическими отношениями. КПК и рабочий класс еще слабы, чтобы быть руководителями в борьбе против агрессора"⁶³.

Действительно, по соглашению с правительством Китайской Республики советское оружие не направлялось в части 8-й полевой и Новой 4-й армии, находившиеся под контролем КПК. В то же время поставленное оружие следовало использовать только против японских войск, а не во внутривластительской борьбе Гоминьдана и КПК. Советский Союз помогал не Чан Кайши и не укреплял его позиций в борьбе с коммунистами. Помощь поступала китайскому народу, который сражался за свою свободу и независимость. Вместе с ним сражались против японских агрессоров и советские военные советники, летчики-добровольцы и специалисты.

Несмотря на то, что на официальном уровне в китайском обществе высоко оценивают советскую военную помощь, на бытовом уровне встречаются весьма нелицеприятные отзывы о целях китайской политики Советского Союза в годы войны и действиях советских войск на китайской земле в 1945 г. Так, некий блогер под «никном» Хуан Цзяньюань разместил на своей страничке материал о деятельности советских людей в годы антияпонской войны в Китае. Он не только искажает значение Договора между СССР и Китаем о ненападении от 21 августа 1937 г., но пытается обосновать неправомерность и отсутствие необходимости вступления СССР в войну против Японии. Блогер пишет: "Квантунская армия к августу 1945 г. значительно ослабла, и китайские войска сами смогли бы одолеть врага". Мол "Советский Союз за шесть дней боевых действий пытался воспользоваться плодами победы над поверженной Японией, а не желал освободить Маньчжурию от японских захватчиков". В опубликованном тексте выдвигается обвинение в том, что якобы СССР вывез из Северо-Восточного Китая промышленное оборудование на сумму, составляющую 10% общих экономических потерь страны, которые были подсчитаны гоминьдановским правительством в 1946 г. в размере 13,3 млрд ам. долл. "Советский северный медведь показал свой гнусный оскал...Мы потеряли 4 млн кв. км территории (имеется в виду, что МНР сохранилась как независимое государство, а не вошла в состав Китая. — *Прим. авт.*). Кровавый долг российского медведя перед Китаем не меньше, чем у японских пиратов. Они всегда были двумя самыми злейшими врагами Китая. Так было в прошлом, так есть сегодня и так неизбежно останется в будущем"⁶⁴.

Весьма прискорбно видеть, что такие инсинуации распространяются ныне некоторыми китайскими блогерами в Интернете. Они вряд ли изменят устоявшиеся представления в китайском обществе о роли СССР (России) в годы Второй мировой войны, но могут породить в головах малоопытных молодых людей неверные исторические представления, посеять семена недоверия и раздора в современных российско-китайских отношениях.

На самом деле имеется масса документальных свидетельств о том, как горячо встречали советских воинов-освободителей жители Китая и Кореи. Во многих городах и селах проходили митинги, на которых население выражало свою благодарность советским воинам. Так, на митинге в Муданьцзяне местной молодежью было принято обращение, в котором говорилось: "Мы выражаем свою горячую благодарность русскому народу и Красной Армии за освобождение от гнета заклятых врагов китайского народа — японских разбойников"⁶⁵. После завершения военных действий советские войска занимались налаживанием нормальной жизни, восстановлением хозяйства, снабжением населения продуктами питания.

Лучшим доказательством признательности китайского народа Советскому Союзу за помощь в годы войны с Японией является его память о советских военных советниках, летчиках-добровольцах, воинов Красной Армии, павших на территории Китая в 1937–1945 гг. В настоящее время на территории КНР насчитывается 74 военно-мемориальных объекта советским военнослужащим. Автор этих строк не раз бывал на мемориальных кладбищах в городах Ухань, Харбин, Шэньян, Люйшунь (Порт-Артур), Чэндэ и лично убеждался, что память о советских людях, помогавших китайскому народу в борьбе с японскими захватчиками, хранится с должным почтением.

Председатель КНР Ху Цзиньтао, встречаясь в мае 2005 г. в Москве с российскими ветеранами, участвовавшими в войне с японскими агрессорами, подчеркивал: "В той небывалой в человеческой истории жестокой войне народы Китая и СССР воевали плечо к плечу и завязали глубокую дружбу... В ключевой момент Войны сопротивления китайского народа японским захватчикам Красная Армия СССР отправилась на северо-восточный фронт Китая и участвовала вместе с китайской армией и народом в антияпонской борьбе, оказав, таким образом, важную поддержку китайскому народу в завоевании окончательной победы над японскими агрессорами. Военнослужащие Красной Армии воевали мужественно, и немало из них героически погибли, их героический подвиг навсегда останется в сердце китайского народа. Я от всей души признателен присутствующим ветеранам за участие в антияпонской войне на северо-восточных полях сражения Китая, за ваш драгоценный вклад в борьбу китайского народа против японских захватчиков"⁶⁶.

В свою очередь Владимир Путин 8 мая 2010 г. на встрече с председателем КНР Ху Цзиньтао, который приехал в Москву на торжества по случаю 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, сказал: "Россия и Китай были союзниками во Второй мировой войне и внесли серьезный вклад в дело разгрома фашизма и японского милитаризма"⁶⁷.

(окончание следует)

1. Горбачев Б. Китайский фронт // *Азия и Африка сегодня*. 1995. № 7. С. 16.
2. *Луань Цзинхэ*. Цзиньдай илай элосы дуй хуа чжэнцэ шулунь [Обзорные политики России в отношении Китая с нового времени] // *Чжун-э гуансидэ лишн юй сяньши* [История и реалии русско-китайских отношений]. Пекин, 2009. С. 65.
3. *Мировицкая Р.А.* К истории подписания Договора о ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой (21 августа 1937 г.) // 30 лет реформ в КНР: Тез. докл. XVII Международ. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (М., 22–23 окт. 2008 г.). М.: ИДВ РАН, 2008. Ч.1. С. 204.
4. Ян Цзе (1889–1949) — военный деятель Китая, генерал-полковник. Родился в провинции Юньнань. Учился военному делу в Японии. После возвращения в Китай служил в армии на должностях от командира полка до командира корпуса. Был начальником штаба общевойсковой армии, начальником военного училища сухопутных войск. С мая 1938 по апрель 1940 г. — посол КР в СССР. Из-за симпатий к СССР и за предложения активизировать войну с японскими захватчиками был снят Чан Кайши с должности и направлен в Чунцин для занятий военно-теоретической работой. Написал книги «Новая теория обороны», «Оборона и военное дело», «Главный секрет войны», «Учение для полководцев больших армий». После войны с Японией выступал против курса Чан Кайши на развязывание гражданской войны в Китае. Убит в Гонконге 19 сентября 1949 г. чанкайшистским агентом.
5. *Дубинский А.М.* Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945. М.: Мысль, 1980. С. 64.
6. *Шэнь Цян, Ван Ситунь*. Канчжань шици сулянь юань хуа шилунь [Исторический обзор помощи СССР Китаю в период войны сопротивления Японии]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2013. С. 52.

7. Документы внешней политики СССР. Январь — декабрь 1937 г. / Министерство иностранных дел СССР. М.: Политиздат, 1976. Т. 20. С. 479–480. URL: <http://istmat.info/nodc/38736>.
8. Там же.
9. Там же.
10. ВТС России. Исторический очерк / Под общ. ред. А.П. Исайкина. М.: Kremlin Multimedia, 2013. С. 135.
11. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М.: Наука, 1977. С. 129.
12. Там же. С. 130.
13. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / Под ред. К.П. Агеева. М.: Воениздат, 1975. С. 71.
14. В небе Китая, 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 322.
15. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / Под ред. К.П. Агеева. М.: Воениздат, 1975. С. 71.
16. *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 131–132.
17. *Дубинский А.М.* Указ. соч. С. 83–84.
18. "Ю шуй чжидао дуй во го канжи чжаньчжэн цзюньши юаньчжу цзуйдоэ гоцзя ши сулянь" [Кому известно, что государство, оказавшее наибольшую военную помощь Китаю в антияпонской войне — это СССР]. URL: http://club.china.com/data/thread/1011/2705/52/98/8_1.html.
19. *Шэнь Цян, Ван Синьхуа.* Указ. соч.
20. ВТС России. Исторический очерк. М., 2013. С. 137–138.
21. *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941. Барнаул: БГПУ, 1999. С. 161–162.
22. *Вартапов В.Н.* Военная помощь СССР китайскому народу накануне и в годы второй мировой войны (1937–1945): Автореф. дис.... докт. истор. наук. М.: Ин-т воен. Истории; МО, 1990. С. 22–24.
23. *Чжан Сюэкунь.* Чжун-э гуансидэ яньбянь юй фачжань [Эволюция и развитие российско-китайских отношений]. Шанхай, 2013. С. 80; *Шэнь Цян, Ван Синьхуа.* Канчжань шици сулянь юань хуа шилунь [Исторический обзор помощи СССР Китаю в период войны сопротивления Японии]. Пекин: Шэцхуэй кэсюэ вэньсянь, 2013. С. 56.
24. *Сладковский М.И.* Указ. соч., С. 138; Цзюньши юаньчжу чжунго сулянь юаньчжу гайкуан [Общие сведения о военной помощи Советского Союза Китаю]. URL: <http://superwind.blog.163.com/blog/static/119587819200972453529761/>
25. *Горбачев Б.* Москва и Пекин: плечо к плечу в кровавых битвах // Независимое военное обозрение. 2011. № 37. 30 сент.-6 окт. С. 14–15.
26. *Шэнь Цян, Ван Синьхуа.* Указ. соч. 2013. С. 68–71.
27. *Лу Вэньчжи.* Де сюэ би кун. Канжи чжаньчжэнчжундэ чжунго кунцзюнь [Кровавое лазурное небо. Китайские ВВС в войне с Японией] // Бинци чжиши. 2005. № 11. С. 48.
28. Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы. Т. 4. 1937–1945. Кн. 2: 1945 г. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 474.
29. Воспоминания о победе. Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Пекин, 2005. С. 37, 40, 41, 44, 45.
30. *Вартапов В.Н.* Указ. соч. С. 21.
31. Там же. С. 24.; *Чудодеев Ю.В.* Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) // Пробл. Дальнего Востока. 1988. № 2. С. 118–124.
32. *Дубинский А.М.* Указ. соч. С. 87.
33. Там же. С. 92.
34. *Шэнь Цян, Ван Синьхуа.* Указ. соч. 2013. С. 100.
35. Цзэми сулянь юань хуа ханкундуй: хунча тайвань хэ жибэнь бэньту [Снять покров секретности о помощи СССР китайской авиации: бомбардировка Тайваня и японской территории]. URL: <http://mil.sohu.com/20140924/n404617896.shtml>.
36. Ленинская политика СССР в отношении Китая. М.: Наука, 1968. С. 105.
37. В Национальном музее Китая в Пекине расположен интерактивный стенд под названием «100 деятелей, сыгравших важную роль в истории Китая». В этот список включен летчик Григорий Акимович Кулишенко.
38. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1980. С. 355.
39. Там же. С. 10; *Демин А.* Авиация великого соседа // Авиация и космонавтика. 2001. № 2 С. 7.

40. *Вартанов В.Н.* Указ. соч. С. 33; *Телицин В.Л.* Пылающий Китай. Военные конфликты в Китае и советские «добровольцы». М.: ЭКСМО, 2003. С. 206.
41. Вечным сном спят в китайской земле: Мемориальный альбом / Сост. В.И. Иванов, Г.В. Куликова, В.А. Бушуев. М.: Изд-во "МАС", 1997. С. 9, 11.
42. *Горбачев Б.* Москва и Пекин: плечо к плечу в кровавых битвах// Независимое военное обозрение. 2011. № 37. 30 сент.—6 окт. С. 15.
43. URL: <http://mil.sohu.com/20140924/n404617896.shtml>.
44. *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. С. 116, 200.
45. Вечным сном спят в китайской земле: Мемориальный альбом / Сост. В.И. Иванов, Г.В. Куликова, В.А. Бушуев. С. 11.
46. Указ. соч. С. 72.
47. *Дубинский А.М.* Указ. соч. С. 92, 117.
48. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. С. 60; *Калягин А.Я.* По незнакомым дорогам. Воспоминания военного советника М.: Наука, 1969. С. 191.
49. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. С. 75; В небе Китая, 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1980. С. 295.
50. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. С. 76.
51. *Сладковский М.И.* Указ. соч., С. 140–141.
52. *Рабинович М.* Наши в Синьцзяне. URL: <http://maxpark.com/community/14/content/1977741>.
53. *Шматов В.Г.* «Советские крылья» китайской авиации (о строительстве и деятельности авиасборочного завода в Синьцзяне 1938–1941 гг. URL: [http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/CHINA.HTM](http://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-krylya-kitayskoj-aviatsii-o-stroitelstve-i-deyatelnosti-aviasborocnogo-zavoda-v-sintszyane-v-1938-1941-gg; Мухин М.Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне, 1930–1940-е гг. //Новая и новейшая история. 2005. № 5. URL: <a href=).
54. *Мировицкая Р.А.* Указ. соч. С. 204.
55. *Мясников В.С.* Дальневосточный театр Второй Мировой войны и советская дипломатия (1937–1945) // Мир истории. 2000. № 2. URL: http://millitera.lib.ru/articles/1/wars/20/1945_32788.html.
56. *Чжан Сюэкунь.* Указ. соч. С. 81.
57. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. С. 82.
58. Чэнь Чэн (1898–1965) — военный и государственный деятель Гоминьдана. Родился в провинции Чжэцзян. Окончил военное училище в Баодине. Работал преподавателем в военной школе в Хуанпу. Занимал должности командира 18 корпуса, начальника генерального штаба. Родственник Чан Кайши. В период гражданской войны в 1946–1949 г. руководил войсками гоминьдановской армии в боевых действиях в Шаньдуне и Северо-Востоке Китая, где потерпел поражения. После чего возглавил администрацию провинции Тайвань. Возглавлял административный юань Гоминьдана, был заместителем президента КР на Тайване.
59. Там же.
60. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне / Под общ. ред. А.А. Гречко. М.: Политиздат, 1971. С. 444.
61. *Вартанов В.Н.* Указ. соч. С. 11.
62. *Галенович Ю.М.* "Исторический счет" к России и к СССР в "Истории Коммунистической партии Китая". М.: Вост. кн., 2012. С. 84.
63. *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. Записки военного советника. М.: Наука, 1981. С. 56–57.
64. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_452e89aa0100kant.html.
65. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне / Под общ. ред. А.А. Гречко. М.: Политиздат, 1971. С. 444.
66. *Ху Цзиньтао.* Выступление на встрече с российскими ветеранами — участниками войны сопротивления китайского народа против японских захватчиков// Агентство Синьхуа. 09.05.2005. URL: <http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/dtxw/t194975.htm>.
67. Ху Цзиньтао и В.Путин подчеркнули исторический вклад Китая и России в победу во всемирной антифашистской войне // Жэньминь жибао он-лайн. 10.05.2010. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6978003.html>.

«Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев»

© 2015

Д. Кузнецов

В статье рассматривается проблема политических репрессий в отношении так называемых «харбинцев». Выявлены три ключевых этапа, в рамках которых «харбинцы» подвергались преследованиям со стороны советской власти. В ситуации, когда размах репрессий становился все шире, «харбинцы», проживавшие ранее на территории зарубежного государства, не могли оказаться в стороне, и их судьба фактически была предрешена.

Ключевые слова: КВЖД, «харбинцы», эмиграция, реэмиграция, репатриация, депортация, политические репрессии в СССР.

Маховик массовых репрессий, раскрутившийся с небывалой силой в СССР в 1937–1938 гг., перемолол не только миллионы советских граждан, но и десятки тысяч русских эмигрантов и реэмигрантов. Среди них — так называемые «харбинцы». Несмотря на то, что данная тема уже была отражена в ряде работ отечественных исследователей, в последнее время стали доступны новые (в том числе архивные) документы, позволяющие более широко взглянуть на проблему.

Автором использованы архивные материалы, в частности, документы Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД СССР и др. Кроме того, мы обращались к ряду исследований, которые в той или иной степени связаны с рассматриваемой проблемой (Н.Н. Аблажей¹, Н.Е. Аблова², Е.Е. Аурилене³, П.П. Балакшин⁴, В.П. Иванов⁵, Г.В. Мелихов⁶, Н.Д. Старосельская⁷, А.А. Хисамудинов⁸ и др.).

Термин «харбинцы» следует отличать от терминов «харбинские русские» и «русские харбинцы», под которыми понимаются несколько поколений русских, живших в г. Харбине, являвшемся главным узловым городом Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1930-е гг. в СССР получили распространение термины «КВЖДист» и «харбинец». В данном случае имелись в виду все люди, имевшие отношение к КВЖД, т.е. лица, в разное время работавшие на КВЖД, причем независимо от того, жили они в Харбине или нет.

Эта довольно многочисленная группа русскоязычного населения, проживавшая на Северо-Востоке Китая, образовалась в результате процесса строительства и эксплуатации КВЖД. Значительная часть лиц, работавших на КВЖД, переселилась сюда еще на рубеже XIX—XX вв. После передачи в 1924 г. КВЖД в совместное советско-китайское управление среди персонала КВЖД оказались и граждане СССР, командированные на работу на Северо-Восток Китая. Одновременно с этим была введена практика предостав-

ления советского гражданства тем, кто ранее им не обладал, но имел отношение к КВЖД, поскольку установление советско-китайских отношений и подписание соглашений о КВЖД с пекинскими и мукденскими властями открыло путь к получению советского гражданства значительному числу бывших российских подданных. Таким образом сложилась в своей основе группа так называемых «харбинцев».

Наряду с ними довольно многочисленной оказалась также еще одна группа русскоязычного населения, проживавшая на Северо-Востоке Китая — беженцы и участники Белого движения, покинувшие Россию под влиянием революционных событий.

Уже в течение 1921–1927 гг. была предпринята первая попытка вернуть эмигрантов на родину, но реэмигранты, вернувшиеся в страну как легально, так и нелегально, подверглись преследованиям со стороны советских властей. Факты службы в Белой армии, эмиграции или нелегального перехода на советскую территорию становились основанием для репрессий. Общее число репрессированных составило тогда несколько тысяч человек⁹.

В 1929 г. в связи с конфликтом на КВЖД в СССР возвратилась большая группа представителей технической интеллигенции¹⁰. В 1932 г. в обстановке развернувшейся шпиономании значительная часть бывших работников КВЖД подверглась репрессиям.

Продажа 23 марта 1935 г. СССР Маньчжоу-го Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в соответствии с подписанным в Токио соглашением¹¹, вызвала процесс репатриации, участие в котором приняли бывшие сотрудники КВЖД и члены их семей, имевшие или принявшие советское гражданство. Только за 1935 г., по данным НКВД СССР, из Китая выехало 21 343 человека, которые были планомерно распределены в системе железнодорожного транспорта¹². Репатриация продолжилась и в последующие годы. Возвратившись на родину, практически все репатрианты оказались под пристальным вниманием НКВД и в конечном счете были репрессированы.

Важно подчеркнуть, что оказавшись в Харбине в силу самых разных обстоятельств, в том числе связанных с революционными событиями в России, многие «харбинцы» (в их числе те, которые оказались в Китае еще до 1917 г.), не оставляли надежд вернуться на Родину. Во всяком случае, именно об этом говорят бывшие харбинцы, принявшие участие в проекте «Рельсы судьбы: Русские в Китае. 1917–1955 гг.» (2007–2008 гг.), в рамках которого Центр устной истории и биографии «Мемориала» в течение нескольких лет собирал устные свидетельства по истории политических репрессий в СССР. Интервью, записанные с бывшими «харбинцами», свидетельствуют, что каждая семья принимала индивидуальное решение о переезде, основываясь на своих собственных представлениях о правильности сделанного выбора. При этом осуществленная в 1935 г. продажа КВЖД в их представлении как бы заканчивала русский период Харбина. В сознании многих из них отъезд был неизбежным, привычный мир переставал существовать. С другой стороны, идеалы построения справедливого общества в СССР, получившие широкое распространение в мире, оказались привлекательны для многих. Кроме того, появлялась возможность осуществить мечту родителей о возвращении в Россию. Очевидно, сказалось и то, что в СССР была организована громкая компания по встрече харбинцев с митингами и лозунгами. «Мы ехали на Родину, мы ехали с почетом!», — вспоминает одна из участниц этого проекта. Однако по мере продвижения по советской территории постепенно усиливался страх за свою дальнейшую судьбу. Мелькавшие перед глазами картины советской жизни, в большинстве своем вовсе не являвшиеся радужными, вселяли тревогу и осознание того, что уже ничего нельзя изменить. «Мы ехали как кролики», — вспоминает еще одна из участниц этого проекта¹³.

Тем не менее, в течение 1935–1937 гг. происходил процесс интеграции «харбинцев» в советское общество, который можно расценить как достаточно успешный, учитывая то, что многие из вернувшихся на родину специалистов, обладавшие высокой квалификацией и ранее работавшие на КВЖД, смогли найти работу на советских предприятиях транспорта и промышленности.

Тем не менее перспектива вхождения «харбинцев» в советское общество на правах его полноправных членов была осложнена развернувшейся вскоре кампанией массового террора.

Локальные репрессии в отношении бывших служащих КВЖД начались уже с осени 1935 г., что было связано с кампанией «разоблачения шпионов на железнодорожном транспорте». В 1936–1937 гг. в советской периодической печати прокатилась волна публикаций, посвященных деятельности на территории СССР иностранных разведок, в том числе японской, которая, как указывалось, использовала для вербовки агенты эвакуацию советских граждан с КВЖД. Так, в статье в «Правде» в номере от 9–10 июля 1937 г. указывалось, что среди вернувшихся на Родину бывших служащих КВЖД имеется немало японских агентов¹⁴. Подобного рода материалы фактически готовили почву для перехода к практической реализации так называемой «харбинской операции».

Начало массовым репрессиям, предпринятым в отношении «харбинцев» («харбинская операция»), было положено 20 сентября 1937 г., когда появились два документа, подписанные наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым — «Оперативный приказ № 00593 "О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из харбинцев"» и «Закрытое письмо № 60268 "О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев"». Оба документа (в настоящее время их подлинники находятся в Архиве ФСБ РФ) были утверждены решением Политбюро ЦК ВКП (б) № П. 53/107 от 19 сентября 1937 г.¹⁵

Согласно документам НКВД, в СССР насчитывалось до 25 000 так называемых «харбинцев». К ним относились бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и резмигранты из Маньчжоу-Го, которые в тот момент работали на железнодорожном транспорте и в промышленности СССР.

С опорой на «учетные и агентурно-оперативные материалы» был сделан вывод о том, что «прибывшие в СССР харбинцы в значительной части являются бывшими белыми офицерами, полицейскими, жандармами, участниками различных эмигрантских фашистских организаций и т.п.». Подчеркивалось, что «в подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности».

Указывалось, что еще до продажи КВЖД китайская полиция и японская разведка, особенно после захвата Маньчжурии японцами в 1932 г., проводили массовую вербовку среди советских граждан, осуществляя это «в целях создания диверсионных и шпионских кадров на Китайско-Восточной железной дороге для последующей переброски их на территорию СССР», причем особенно широкая вербовочная работа была развернута среди молодежи.

Отмечалось, что завербованные харбинцы обычно направлялись на особые диверсионно-шпионские курсы (школа шоферов Ядловского, автотракторные курсы «Прага», «Интернационал», курсы генерала Сычева и др.), после чего проходили «стажировку», выполняя различные задания, нацеленные на получение практических навыков диверсионной и шпионской деятельности.

Причастными к вербовочной работе японской разведки среди харбинцев, были указаны: японские военные миссии, японские жандармские отряды, японо-маньчжурская полиция, японские торгово-промышленные предприятия, «Всероссийская фашистская партия», «Дальневосточный союз военных», «Эмигрантское бюро», молодежные организации («Черное кольцо», «Союз мушкетеров», «Союз крестоносцев», «Союз христианских молодых людей», «Русский студенческий союз» и др.), спортивные организации («Комета» и др.) и др. Подчеркивалось, что все они готовили террористов, диверсантов и шпионов, перебрасываемых японской разведкой на территорию СССР.

Практикуя в качестве методов вербовки методы провокации, компрометации и шантажа (в том числе применительно к нелегальным работникам партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и резидентам ОГПУ в Маньчжурии), используя возможности женской агентуры, японская разведка, как указывалось, использовала двойников, осуществляла перевербовку советской агентуры и внедрение своей агентуры в аппарат советской разведки и контрразведки.

Переброска японской разведкой своей агентуры в СССР, как указывалось в документах, почти во всех случаях проводилась с таким расчетом, чтобы обеспечить агентуре легальный въезд и дать возможность укрепиться, осесть на месте, наладить необходимые связи и до известного времени (иногда в течение нескольких лет) не вести никакой нелегальной работы. В числе применяемых японской разведкой методов переброски с диверсионно-шпионскими заданиями в СССР назывались агенты-женщины, которым для легализации, установления необходимых связей и получения шпионских сведений рекомендовалось выходить замуж за ответственных работников, командиров РККА, инженеров, работающих на предприятиях транспорта и промышленности, особенно на заводах оборонной промышленности и других объектах, имеющих стратегическое значение. Перечислялись также случаи, когда завербованные японской разведкой женщины вели свободный образ жизни, заводили знакомства среди военнослужащих и инженерно-технического персонала и вступали с ними в сожительство, собирая таким образом ценные сведения, которые затем направляли в Харбин. Одна из таких женщин-агентов, имевшая специальное задание собрать ряд разведывательных сведений по частям Приволжского военного округа, вступила в сожительство с несколькими командирами расположенных в Сталинграде частей РККА.

В качестве доказательства подрывной работы харбинцев в СССР приводились следственные материалы. Подчеркивалось, что на железнодорожном транспорте и в промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность несколько тысяч харбинцев. Отмечалось, что следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполняющую работу японской разведки по организации на территории СССР диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев.

Подробности были изложены в приложенном к «Оперативному приказу № 00593 "О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из харбинцев"» «Закрытом письме № 60268 "О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев"», которое представляет собой сопроводительное письмо общим объемом в 35 страниц. В этом документе рисовалась фантастическая по своему характеру и масштабам картина деятельности японской разведки на территории СССР через внедрившихся «харбинцев».

В частности, указывалось, что переброшенным в СССР харбинцам японской разведкой давались следующие задания: 1. Установить контакт с антисоветским правотроцкистским подпольем в целях использования его для террористической деятельности,

диверсии, шпионажа и вредительств. 2. Создавать самостоятельные террористические группы и совершать теракты против руководителей партии и правительства. 3. Готовить кадры для подготовки диверсионных актов, главным образом в военное время, на военных заводах и предприятиях оборонного значения, железных дорогах (мосты, паровозные депо, водокачки, механизированные гаражи и т.п.). 4. Подготавливать на военное время особые диверсионные группы, располагающие средствами бактериологической диверсии — заражения источников водоснабжения, хлебофуражных и продовольственных складов бактериями эпидемических болезней. 5. Устраивать крушения поездов и поджоги важнейших технических сооружений и складов на железнодорожных узлах, совершать диверсии на транспорте, в промышленности и на объектах Красной Армии. 6. Вести широкую шпионскую работу, собирая сведения о работе предприятий военной и оборонной промышленности, а также о перевозках воинских грузов, дислокациях, передвижениях и перебросках частей РККА.

Один из конкретных примеров, представленных в указанных документах НКВД, относился к деятельности шпионских организаций, действующих в приграничных районах и областях Дальнего Востока и Восточной Сибири. Так, в Благовещенске была ликвидирована организация, созданная японцами через так называемую «Всероссийскую фашистскую партию», возглавляемую К.В. Родзаевским. Согласно версии НКВД, помимо связи через консульство Маньчжоу-го в Благовещенске, она посылала в этот приграничный город своих эмиссаров, используя для этой цели нелегально переходивших границу японских агентов. Организация имела свою агентуру на ряде оборонных объектов Амурской области и вела свою шпионско-диверсионную работу.

С учетом этих обстоятельств, подчеркивая, что «все изложенные выше данные указывают, что в лице харбинцев мы имеем серьезную угрозу безопасности наших предприятий... особенно в предвоенный и военный периоды», народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов издал приказ, в соответствии с которым в течение 1 октября — 25 декабря 1937 г. (этот срок неоднократно продлевался) должна быть осуществлена «широкая операция по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности».

Аресту подлежали все «харбинцы», разделенные на 13 категорий: а) избалованные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности; б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнотружущие разных белых формирований; в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.); г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований; д) участники разных эмигрантских фашистских организаций; е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Маньчжурии японцами, так и после образования Маньчжоу-Го; ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма «Чурин и Ко.» и др.); з) окончившие в Харбине известные курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»; и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.); к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов; л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство; м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т.п.; н) участники контрреволюционных сектантских группировок. Речь, таким образом, шла не только о бывших работниках КВЖД. Согласно НКВД, в число «харбинцев» вошли фактически все категории лиц, которые до своего прибытия в СССР проживали в Китае и могли быть отнесены к «антисоветским элементам».

Аресты предполагалось произвести в отношении тех «харбинцев», которые работали в НКВД, служили в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности, а также в советских учреждениях, совхозах, колхозах.

«Харбинцы», не подпавшие под перечисленные категории, независимо от наличия компрометирующих данных, подлежали немедленному удалению из предприятий транспорта и промышленности. Одновременно предпринимались меры к недопущению их впредь на эти объекты.

Как и в случае с другими группами арестованных лиц в ходе массовых репрессий, все арестованные харбинцы должны были быть разбиты на две категории. К 1-й категории были отнесены все харбинцы, избранные в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежали расстрелу. К 2-й категории были отнесены все остальные, менее активные харбинцы, которые подлежали заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет. Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производилось на основании агентурных и следственных данных Народным Комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД, области или края, начальником ДТО ГУГБ НКВД совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги. Особо подчеркивалось, что «после утверждения списков НКВД СССР и прокурором СССР приговор приводить в исполнение — НЕМЕДЛЕННО». Также указывалось на прекращение освобождения из тюрем и лагерей ранее осужденных харбинцев, отбывших наказание за шпионаж, диверсию и вредительство. На этих лиц необходимо было представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР.

Как подчеркивает российская исследовательница Н.Н. Аблажей, «с самого начала массовых репрессий рассмотрение дел арестованных было поставлено на поток, следственные действия совершались в короткие сроки и в упрощенном порядке». В сущности, подавляющее большинство дел, открытых в отношении так называемых «харбинцев», подвергшихся аресту, было сфабриковано. Н.Н. Аблажей разделяет следственные дела харбинцев на две разновидности — индивидуальные и коллективные. Последние получили наибольшее распространение. В качестве обвиняемых по таким делам, как правило, фигурирует группа, обычно не превышавшая десяти человек. В делах подробно описываются контакты подследственных с иностранцами и «харбинцами», прибывшими в СССР, прилагаются документы о пребывании за границей, сведения об арестах и деятельности в период конфликта на КВЖД в 1929 г. В свою очередь, сведения, приводимые в протоколах допросов, обычно касаются службы на КВЖД, членства в комсомольских, партийных и профсоюзных организациях, действовавших в полосе отчуждения КВЖД, а также о связях с бывшими российскими, китайскими и японскими подданными, бело-гвардейскими организациями, действующими на Северо-Востоке Китая, наконец, об арестах и задержаниях китайской полицией, о времени прибытия в СССР, об имеющихся контактах с харбинцами. Особое внимание уделялось выявлению фактов создания групп и организаций. При этом следствие строилось по типовым сценариям, когда на железных дорогах после «выявления» центральной резидентуры, якобы действовавшей в узловом транспортном центре, «вскрывалась» сеть мелких периферийных групп, якобы работавших на крупных железнодорожных узлах¹⁶.

Судебное производство носило формальный характер и зачастую харбинцы осуждались списком — в так называемом «альбомном порядке». В соответствии с введен-

ным в практику новым процессуальным порядком осуждения, справки-заключения на арестованных каждые десять дней представлялись на рассмотрение комиссии из двух человек — начальника НКВД—УНКВД и прокурора («двойка»), которая определяла категорию обвинения: 1-я или 2-я. Скомплектованные в специальный список («альбом») материалы с кратким изложением следственных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, направлялись на утверждение в Москву. Далее в центральном аппарате НКВД составлялись протоколы заседаний «Комиссии НКВД и Прокурора Союза ССР», а окончательное решение выносили народный комиссар внутренних дел СССР Н.И. Ежов и прокурор СССР А.Я. Вышинский или их заместители. Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в региональные УНКВД. Такой процессуальный порядок осуждения и получил название «альбомного». Официально он был установлен в соответствии с Оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. Спустя год, когда в Москве скопились данные о десятках тысяч следственных дел, во всех республиках, краях и областях для их рассмотрения были образованы так называемые «Особые тройки», функционировавшие два месяца.

Важно подчеркнуть, что репрессии были распространены и в отношении семей арестованных харбинцев. Реализация этих мероприятий осуществлялась в соответствии с положениями Оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937 г.¹⁷ Семьи арестованных харбинцев прошли весь путь членов семьи изменников родины вместе с миллионами других советских семей осужденных «врагов народа».

Первые цифры, отражающие общее количество жертв политических репрессий в годы «Большого террора» среди так называемых «харбинцев», были представлены в 1956 г. Согласно данным комиссии ЦК КПСС о расследовании причин массовых репрессий, работавшей накануне XX съезда КПСС, в течение 1937–1938 гг. было рассмотрено 30 938 дел харбинцев, по которым 19 312 человек осуждены к расстрелу, 10 669 — осуждены к другим мерам наказания¹⁸. Согласно данным Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», по «харбинской линии» в 1937—1938 гг. было осуждено 49 470 человек, из них 31 226 приговорены к расстрелу¹⁹. Отечественная исследовательница Н.Н. Аблажей называет несколько меньшие цифры. По ее мнению, в ходе «харбинской операции» репрессиям подверглось 42 507 человек, в том числе к высшей мере наказания приговорено 28 348 человек. Наибольшее количество харбинцев было «выявлено» в промышленно-развитых районах Дальнего Востока, Сибири, Урала и Центральном регионе, что в целом совпадало со структурой распределения харбинцев²⁰. При этом всего в течение 1937–1938 гг., на которые пришелся пик сталинских репрессий, по делам органов НКВД было арестовано 1575 259 человек, из них 681 692 человека приговорены к расстрелу²¹.

В числе репрессированных харбинцев оказались как рядовые сотрудники, так и руководители КВЖД, назначавшиеся на должности Советским правительством, в том числе первый и последний советские управляющие КВЖД Алексей Николаевич Иванов и Юлий Викентьевич Рудый.

Среди харбинцев, подвергшихся репрессиям, было немало и тех, кто на момент репатриации не имел прямого отношения к КВЖД. Трагической оказалась судьба ректора Харбинского политехнического института Леонида Александровича Устругова, в свое время занимавшего пост министра путей сообщения в правительстве А.В. Колчака. После приезда в СССР он получил высокий пост в Народном комиссариате путей сообщения СССР, но 7 октября 1937 г. был арестован и 15 февраля 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу как шпион трех (!!!) иностранных разведок —

японской, германской и польской, завербовавший к тому же более 50 студентов ХПИ в японскую разведку. Был также репрессирован Николай Васильевич Устрялов — правовед, философ, идеолог «сменовеховства». Находясь в эмиграции в Харбине, он преподавал международное право на юридическом факультете, вел активную общественно-политическую деятельность, писал статьи в журналы, газеты, сборники и, кроме того, в 1926–1935 гг. работал в различных учреждениях КВЖД. После приезда в СССР он работал профессором в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время — в Московском университете, однако, 6 июня 1937 г. был арестован и 14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР признан виновным в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» и в тот же день расстрелян.

Таким образом, репрессии в отношении так называемых «харбинцев» являлись составляющей частью политики «Большого террора», проводившейся на территории СССР в 1937–1938 гг. (московские процессы, репрессии в РККА, «Дело Тухачевского», репрессии в отношении бывших кулаков, «социально-вредных элементов», уголовников и других антисоветских элементов). Репрессии в отношении «харбинцев» фактически укладывались в рамки репрессий по «национальным линиям», направленных против поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, финнов, греков, румын, болгар, китайцев, иранцев, афганцев и др. Целью «национальных операций» (всего их насчитывается 13, в ходе которых в СССР, по данным НКВД СССР с 25 августа 1937 г. до 17 ноября 1938 г. подверглись репрессиям более 365 тыс. человек)²² провозглашалась борьба с диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран (Англия, Франция, Германия, Польша, Япония). Против «харбинцев» фактически была развернута отдельная операция. Никаких разнарядок по «национальным операциями», в отличие от других операций, проводимых в период «Большого террора», не давалось: начальникам местных органов НКВД предоставлялась свобода действий.

Подчеркнем также, что не менее трагичной оказалась судьба тех, кто остался в Харбине. Послевоенная реэмиграционная политика, инициированная СССР в отношении отдельных категорий соотечественников, проживавших за рубежом, в том числе в отношении русских эмигрантов в Китае, сопровождалась советизацией эмигрантского сообщества в этой стране, а действия по репатриации советских граждан из Китая в первые послевоенные годы не исключали проведение репрессивной кампании.

После вступления в Маньчжурию советских войск во второй половине августа 1945 г. вслед за армейскими частями в Маньчжурию вошли подразделения контрразведки СМЕРШ, которые приступили к «зачистке» Харбина и других населенных пунктов от «антисоветских элементов».

Ради справедливости, важно подчеркнуть, что в числе арестованных находилась довольно значительная по своей численности группа тех представителей русской эмиграции в Китае, кто действительно принимал активное участие в деятельности, направленной против Советского государства. В их числе — попавшие в советский плен руководители «Российской фашистской партии» (К.В. Родзаевский, А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, И.А. Михайлов, Л.П. Охотин, Б.А. Шепунов, князь Н.А. Ухтомский и др.), которые в 1946 г. были казнены или приговорены к длительным срокам заключения (Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу атамана Г.М. Семёнова, К.В. Родзаевского и других)²³. Однако среди репрессированных оказались не только бывшие участники Белого движения («колчаковцы», «каппелевцы» и «семеновцы»), но и бывшие сотрудники КВЖД. Репрессиям подверглись многие журналисты, издатели, деятели культуры, науки и образования, которые в той или иной мере имели сношения с японскими властями²⁴.

В докладной записке от 27 февраля 1946 г. начальника ГУКР «СМЕРШ» (ген.-полк. В.С. Абакумова) в НКО СССР (Сталину) говорилось, что органами «СМЕРШ» Забайкальско-Амурского, Приморского и Дальневосточного военных округов на территории Маньчжурии и Кореи, занятой советскими войсками, на 25 февраля 1946 г. было арестовано: сотрудников и агентов японских разведывательных и контрразведывательных органов — 5921 человек; руководящих и активных участников белогвардейских и других вражеских организаций, а также изменников Родины — 2824 человек²⁵. И хотя данные о национальном составе арестованных и месте их проживания в документе не приводятся, очевидно, что подавляющую часть первой категории арестованных составляли японцы, а большую часть второй — русские, проживавшие на территории Маньчжурии. По данным Н.Н. Аблажей, было арестовано и депортировано в СССР около 10 тыс. человек²⁶.

Таким образом, в 1945–1947 гг. прокатилась еще одна волна репрессий, в которую оказались вовлечены так называемые «харбинцы», однако по своим масштабам она оказалась гораздо меньше той, что имела место в период «Большого террора».

На 1954–1955 гг. приходится еще одна волна «исхода» так называемых «харбинцев» на родину, которая, учитывая изменения, произошедшие к тому моменту в Советском государстве, не сопровождалась репрессиями. Толчком к этому послужила окончательная передача КВЖД в 1952 г. правительством СССР правительству КНР. Факторы, влиявшие на принятие харбинцами решения о возвращении на родину, были различными. Половина семей выехала в СССР в надежде соединиться со своими родственниками, арестованными в 1945–1947 гг. В некоторых случаях на выезде особенно настаивал кто-то из членов семьи, в то время как остальные были не в состоянии принять твердое решение. «Патриотическая» составляющая во всех случаях была достаточно высока, однако, несмотря на это опасения оставались и, как показали дальнейшие события, частично оправдались.

Практически все выехавшие тогда в СССР харбинцы, в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 18 апреля 1954 г. № 751–329с и Постановлением Совета министров СССР от 15 февраля 1955 г. № 238–143с, вместе с другими репатриантами, прибывшими в СССР из КНР, оказались на целине, в степных районах Казахстана, Урала, Сибири и Дальнего Востока, где осуществлялась массовая распашка целинных и залежных земель. Немногие из них смогли найти работу по специальности и были вынуждены заниматься непривычным физическим трудом. В сочетании с крайне тяжелыми бытовыми условиями это вынуждало «китайцев», как их тогда называли соотечественники, буквально выживать и при первой возможности они старались уезжать в город²⁷.

С меньшими трудностями прошел процесс адаптации к жизни в советском обществе у молодых людей. Они довольно безболезненно смогли, в отличие от представителей старших поколений, интегрироваться в советское общество, приобщиться к советским стандартам жизни, чтобы, как подчеркивает одна из участниц проекта «Рельсы судьбы», «более-менее нормально жить».

Что же касается представителей русской диаспоры в Китае, не пожелавших выехать из КНР в СССР, то в течение последующих лет, за годы, прошедшие после создания Китайской Народной Республики, большинство русских эмигрировали в Австралию, США, Канаду и ряд других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Подводя итог всему вышесказанному, следует указать на три ключевых этапа, в рамках которых так называемые «харбинцы» подвергались преследованиям со стороны советской власти: 1. До 1937 г. 2. 1937–1938 гг. 3. 1945–1947 гг. Наибольшим трагизмом, если говорить о судьбе «харбинцев», был наполнен период «Большого террора». В ситуации, когда размах репрессий становился все более широким, «харбинцы», проживавшие

ранее на территории зарубежного государства, не могли оказаться в стороне от репрессивной политики, проводимой советскими властями. Их судьба была фактически предрешена. Волна «Большого террора» поглотила практически их всех.

1. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007; *Аблажей Н.Н., Комиссарова Е.Н.* Амнистия белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49–51; *Аблажей Н.Н.* Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 1. С. 57–61; *Аблажей Н.Н.* Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85; *Аблажей Н.Н.* Репатриация советских граждан из Китая в СССР в 1947–1948 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 90–92.; *Аблажей Н.Н.* Репатрианты из КНР в районах освоения целинных и залежных земель (1954–1962 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 104–106.
2. *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн.: БГУ, 1999; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Рус. панорама, 2005.
3. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае: (1920–1950-е гг.). Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2008.
4. *Балакишин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. В 2-х т. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2013. Т. 1–2.
5. *Иванов В.П.* Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. М.: МГОУ, 2003.
6. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М.: Вост. лит. РАН, 1994; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М.: Рус. путь: Викмо-М, 2007.
7. *Старосельская Н.Д.* Повседневная жизнь «Русского» Китая. М.: Мол. гвардия, 2006.
8. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.
9. *Аблажей Н.Н., Комиссарова Е.Н.* Амнистия белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49–51.
10. *Аблажей Н.Н.* Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 1. С. 57–61.
11. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги) // Документы внешней политики СССР. Т. 18. 1 янв. — 31 дек. 1935 г. М.: Политиздат, 1973. С. 204–213.
12. *Аблажей Н.Н.* Масштабы и последствия возвратной миграции из Китая в СССР // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII—XX вв. Сб. материалов конф. / Под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламна. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. URL: <http://hum.sbras.ru/kapital/project/modern/>.
13. *Козлова А.* Русский взгляд в харбинское прошлое // Уроки истории. XX век. URL: <http://urokiistorii.ru/vzglyad/10/russkii-vzglyad-v-kharbinskoe-proshloe>.
14. Подрывная работа японской разведки // Правда. 1937. 9–10 июля. № 188 (7184).
15. Директивы Политбюро и НКВД о репрессиях. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П. 53/107 от 19 сент. 1937 г. «О начале харбинской операции». URL: <http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm>.
16. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 135–136.
17. Оперативный Приказ Народного Комиссара Внутренних дел СССР № 00593 от 20 сентября 1937 года // Меморнал-аспект. 1993. № 1(3).

18. Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/>.
19. Интернет-версия 4-го издания диска «Жертвы политического террора в СССР», выпущенного в 2007 году Международным обществом «Мемориал» совместно с Уполномоченным по правам человека в РФ. URL: <http://lists.memo.ru/index.htm>.
20. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Рос. эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 133.
21. Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК — ОГПУ — НКВД СССР в 1921–1953 гг. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/>.
22. *Аблажей Н.Н.* Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.
23. Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело Н-18765 в отношении Семёнова Г.М., Родзевского К.В. и др. Т. 22. Л. 442–462.
24. *Гребенюкова Н.* Дело «харбинцев» // Словесница искусств: Региональный культ.-просвет. журн. 2012. № 2 (30). URL: <http://www.slovoart.ru/>.
25. Страницы истории: "СМЕРШ" 65 лет // ФСБ: За и Против. 2008. № 1 (1). С. 74–85.
26. *Аблажей Н.Н.* Русские эмигранты из Китая: Репатриация, карательная политика и трудоустройство во второй половине 1940-х годов // Вестн. Рос. гуманитарного фонда. 2006. № 4. (45). С. 24–35.
27. *Аблажей Н.Н.* Репатрианты из КНР в районах освоения целинных и залежных земель (1954–1962 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 104–106.

Научная жизнь

О российско-китайской международной конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне»

5–6 мая 2015 г. в здании Президиума Российской академии наук состоялась российско-китайская международная конференция «Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне».

Конференция была инициирована руководством Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН совместно с руководством Цзилиньского университета (КНР) и включена в Перечень российско-китайских мероприятий по празднованию 70-летия Победы во Второй мировой войне. Основную функцию организатора и исполнителя взяли на себя: с российской стороны — ИДВ РАН, МИД РФ, Президиум РАН, а с китайской стороны — Президиум Академии общественных наук Китая и Общество китайско-российской дружбы.

На церемонию открытия конференции собрались представители Обществ дружбы двух стран, видные ученые из России и Китая. Конференцию открыл заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы, и.о. директора ИДВ РАН, доктор исторических наук, профессор С.Г. Лузянин.

Заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов огласил форуму адресное Приветствие Президента Российской Федерации В.В. ПУТИНА. Заместитель председателя Постоянного Комитета Народного Политического консультативного совета Китая, председатель Общества китайско-российской дружбы Чэнь Юань зачитал специальное Приветствие участникам конференции Председателя КНР СИ ЦЗИНЬПИНА. В приветствиях руководителей РФ и КНР содержалось пожелание ученым объективно изучать события военных лет, выявить подлинную роль СССР и Китая в годы Второй мировой войны.

С приветствиями участникам конференции выступили: заместитель министра иностранных дел России И.В. Моргулов, Чэнь Юань, Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй, заместитель председателя Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами Се Юань, ректор Цзилиньского университета, академик Ли Юаньюань.

С приветствием обратился также ветеран дипломатической службы, академик РАН, Почетный председатель ОРКД С.Л. Тихвинский. Было оглашено письменное при-

ветствие директора ИДВ РАН, академика М.Л. Титаренко, в котором он подчеркнул особую, общественно-политическую значимость проводимого форума.

В подготовительный период оргкомитет конференции (председатель — проф. С.Г. Лузянин) привлек к реализации проекта более 30 представителей различных российских научных и военных организаций, 37 китайских институтов и университетов, исследовательских центров, ветеранских структур. Сотрудниками ИДВ РАН в сжатые сроки было переведено на русский язык 54 доклада китайских экспертов, отредактированы выступления российских участников конференции, издан совместный сборник материалов конференции *«Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне» (Москва, 5–6 мая 2015 г.)*.

Китайская сторона была представлена на конференции 112 участниками, включая 56 директоров, заместителей директоров, руководителей центров различных академических институтов, исторических музеев и ветеранских организаций. С российской стороны участвовало 69 человек, включая ведущих ученых, дипломатов, ветеранов, действующих военных (7 генерал-полковников, один адмирал), представителей народной дипломатии. Российские участники представляли 24 организации от академических, университетских, военных, общественных и ветеранских структур. Китайские участники — 57 организаций.

За два дня в рамках двух пленарных заседаний и четырех академических сессий было заслушано и обсуждено 48 докладов, проведено четыре цикла дискуссий, участники которых представили основной спектр научно-исторической и военной мысли. Ведущие эксперты по военной проблематике двух стран детально проанализировали ключевые баталии в Азии. В ходе работы конференции были проведены специальные презентации — 12-томной «Истории Великой Отечественной войны» (полковник, д.и.н. В.П. Зимонин) и журнала «Россия — Китай: общее дело» (проф. Э.А. Галумов).

Суммируя содержательную часть докладов и дискуссий, в которых были высказаны единые, либо близкие оценки, можно выделить следующее:

— Участие Китая в борьбе против империалистической Японии не было «инцидентом» или «частным конфликтом», как это пытаются показать отдельные западные и японские историки. Многомиллионный китайско-японский фронт с 1937 г. был основным в Восточной Азии до вступления СССР в войну против империалистической Японии (8 августа 1945), частью театра боевых действий Второй мировой войны. Жертвы, которые принесли СССР и Китай для общей Победы, были самыми значительными среди всех ее участников: у СССР — 27 млн жизней, у Китая (по заявлению Председателя КНР Си Цзиньпина) — более 35 млн человек. Китайский фронт был главным во Второй мировой войне в Азии.

— Военная политика и идеология Японии с 1931 по 1945 гг. носили агрессивный, экспансионистский характер. Японский милитаризм проводил последовательный и системный захват Китая и других азиатских стран и народов, нередко приобретавший форму открытого геноцида («Нанкинская резня» в декабре 1937 г.).

— 7 июля 1937 г. Япония напала на Китай. 21 августа 1937 г. между Советским Союзом и Китаем был подписан Договор о ненападении, и Москва начала оказывать реальную финансовую и военную помощь китайскому народу. Китайское правительство получило в 1937 г. первый советский кредит в размере 450 млн долл. и последующие кредиты. С того же года стали осуществляться регулярные военные поставки — самолеты, артиллерийские орудия, танки, пулеметы, винтовки. В течение 1938–1939 гг. советские военные специалисты принимали непосредственное участие в подготовке военных операций и боевых действиях на китайско-японском фронте, в которых участвовали тысячи советских летчиков-добровольцев. В Китай были направлены известные советские военачальники П.Рыбалко, В. Чуйков, П. Батицкий и др.

– Несмотря на развернувшуюся дискуссию относительно даты начала Второй мировой войны, большинство китайских и российских ученых считают, что события 1931 (оккупация Японией Маньчжурии) и 1937 гг. (открытая агрессия Япония против Китая) явились лишь прологом ко Второй мировой войне. Другая часть китайских историков считает 1931 г. началом Второй мировой войны.

– В историографии Второй мировой войны под термином «второй фронт» подразумевают высадку в 1944 г. союзников СССР — войск США и Великобритании — на севере Франции в Нормандии и начало их военных операций против фашистской Германии. Не подвергая сомнению данный термин, участники конференции подчеркнули, что уже, как минимум, с 1937 г. был еще один «второй фронт», который находился в Китае до 1945 г. и являлся, по сути, главным фронтом борьбы против японского милитаризма в Азии. Он сковывал Японию и отвлекал у нее огромные военные и материальные ресурсы. После создания в 1937 г. единого антияпонского фронта внутренние разногласия между КПК и Гоминьданом отошли на второй план, а на первый вышло антияпонское сопротивление, которое автоматически превратилось в часть мировой борьбы против фашизма и милитаризма.

– Вступление СССР в войну против империалистической Японии и разгром Квантунской армии завершили войну в Азии. Решающий вклад внес Советский Союз. Разгром немецкого фашизма и японского милитаризма — это общая победа СССР и Китая. Участники конференции были едины в том, что в настоящее время всем народам следует учесть уроки истории и не допустить возрождения новой волны неонацизма и неонацизма в отдельных странах Восточной Европы. Высоко оценивая значение антигитлеровской и антияпонской коалиции союзных государств — СССР, США, Китая, Великобритании, Франции — в победе во Второй мировой войне, участники единодушно подчеркнули, что СССР и Китай понесли в этой войне основную тяжесть, и их вклад является решающим.

– Вместе с тем отмечалось, что западные союзники, прежде всего США и Великобритания, преследуя далеко идущие цели, постарались максимально обескровить СССР и Китай, поставить их в зависимость от своей политики. Союзники стремились переложить главные тяготы войны именно на СССР и Китай. Независимый и твердый курс СССР и победа китайской революции сорвали эти расчеты Запада, что и стало одним из главных поводов начала «холодной войны» в Азии в послевоенный период.

Конференция вызвала значительный интерес китайских, российских СМИ и положительные оценки ведущих мировых экспертов. Есть все основания констатировать, что совместная конференция — это вклад ученых в сохранение дела мира и стабильности в Азии и Европе. Форум прошел успешно, поставленные руководителями РФ и КНР цели и задачи были выполнены. Помощь в подготовке конференции оказывали: МИД РФ (заместитель министра И.В. Моргулов, Первый департамент Азии), Посольство КНР в РФ и лично Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР Ли Хуэй, Общество российско-китайской дружбы (ОРКД), Общество китайско-российской дружбы (ОКРД). Организаторы конференции с обеих сторон пришли к единому мнению о необходимости продолжения сотрудничества по вопросам восстановления исторической правды о роли СССР и Китая в годы войны и борьбы с фальсификациями истории Второй мировой войны.

Выступление Почетного председателя Общества российско-китайской дружбы академика С.Л. Тихвинского на конференции «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне»

Наша конференция посвящена историческому событию в жизни народов России и Китая — годам борьбы с агрессивней германского фашизма и японского милитаризма. В предыдущих выступлениях были освещены основные этапы этой героической борьбы. Я хотел бы остановиться на роли деятелей культуры, науки и искусства России и Китая в борьбе с немецкими и японскими агрессорами.

Советский Союз первым из иностранных государств пришел на помощь Китаю, когда последний подвергся полномасштабной агрессии японских милитаристов 7 июля 1937 г. Еще велись переговоры между правительствами Советского Союза и Китая о заключении пакта о ненападении, а советское правительство уже стало оказывать существенную помощь Китаю в отражении японской агрессии и направило в Китай летчиков-добровольцев для защиты китайских городов от японской авиации. В 1937–1938 гг. Советский Союз предоставил Китаю два крупных валютных кредита для приобретения необходимого вооружения с целью оказания отпора агрессору.

В мае 1939 г. мне, молодому сотруднику НКВД, недавно принятому на работу, довелось в Кремле переводить беседу советских руководителей и прибывшего в Москву для заключения третьего валютно-кредитного соглашения председателя законодательного юаня (палаты) китайского парламента, сына основателя Китайской республики доктора Сунь Ятсена Сунь Фо. А осенью того же года, во время своей первой служебной командировки в Китай на стажировку в советское Генконсульство в г. Урумчи, я был свидетелем проходивших через Урумчи из СССР на фронта сражавшегося с Японией Китая колонн советских грузовых автомобилей с вооружением для китайской армии, а также длинных караванов тяжело нагруженных верблюдов, перевозивших из Советского Союза на фронты китайско-японской войны в западных многопудовых канистрах авиационный бензин.

До начала 1940-х годов помощь Китаю со стороны Советского Союза выражалась не только в материальной поддержке оружием и кредитами, но также участием военных летчиков, советников и инструкторов. Все это способствовало мужественному сопротивлению китайского народа японским милитаристам.

Я хотел бы сказать о роли так называемой «народной дипломатии» в совместной борьбе двух народов против немецкого фашизма и японского милитаризма. Еще за несколько лет до начала крупномасштабной агрессии Японии против Китая Советский Союз посетили видные китайские общественные деятели, такие как профессор Цзян Цинфу (специалист в области международных отношений) и директор Пекинской национальной библиотеки профессор Юань Тунли, а также известные китайские деятели культуры: ар-

тист пекинской оперы Мэй Ланьфан и художник Сюй Бэйхун, ознакомившие советскую общественность со своим искусством.

В годы, предшествовавшие вероломному нападению фашистской Германии на Советский Союз, советские люди с большим вниманием следили за ходом борьбы китайского народа против японских захватчиков и с огромной симпатией относились к китайскому народу, ставшему жертвой японской агрессии. Эти же годы ознаменовались двумя попытками японских милитаристов протупать обороноспособность СССР на Дальнем Востоке. В 1938 г. агрессор был разбит близ озера Хасан, а в 1939 г. — объединенными советско-монгольскими силами под Халхин-Голом в МНР.

На Тегеранской конференции трех держав в 1943 г. союзники СССР — США и Великобритания — обратились к советскому правительству с просьбой принять участие в войне на Тихом океане против милитаристской Японии. Верная своим обещаниям вступить в войну с японскими агрессорами через три месяца после разгрома фашистской Германии, Советская армия осуществила молниеносную операцию против миллионной Квантунской армии, войск марионеточного Маньчжоу-го, базировавшихся в северо-восточных провинциях Китая (Маньчжурии), и японского военно-морского флота, завершившуюся капитуляцией Японии.

Советский Союз был первой страной признавшей образование Китайской Народной Республики на следующий день после ее провозглашения 1 октября 1949 г.

После провозглашения КНР отношения между нашими странами успешно развивались по всем направлениям, в том числе и наши культурные связи. Знаменательно, что 1 октября 1949 г., в день провозглашения КНР, среди огромной массы людей, заполнивших величественную пекинскую площадь Тяньаньмэнь, находилась представительная делегация деятелей советской науки, культуры и искусства, возглавляемой писателем А. Фадеевым и К. Симоновым.

Надо сказать, что культурные связи между Россией и Китаем имеют большое историческое прошлое. В годы сопротивления японской агрессии в Китае выходили переводы русской и советской литературы, демонстрировались советские кинофильмы и образцы графического искусства, также проводились фотовыставки с фронтов войны с фашистской Германией. В советских кинотеатрах демонстрировалась кинохроника, снятая советским кинорежиссером Романом Карменом, о героической борьбе китайских партизан и регулярной армии с японскими войсками. А ученые-китаеведы публиковали переводы патриотических работ китайских писателей Лу Синя, Мао Дуня и др., знакомивших читателей с борьбой против японского агрессора. После образования КНР культурные связи между странами-соседями переживали бурное развитие.

Наша конференция, посвященная борьбе народов России и Китая против немецкого фашизма и японского милитаризма, надеюсь, позволит подробно восстановить в памяти нынешнего поколения россиян и китайцев дружественное, а подчас и героическое, прошлое, связавшее наши страны и народы, а также покажет роль народной дипломатии в укреплении дружбы народов наших стран. Благодарю за внимание!

Всероссийский круглый стол

30 января 2015 г. в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова состоялся Всероссийский круглый стол на тему: «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: современная политика и методологические основы нормативно-правового обеспечения государственных программ».

В центре внимания участников оказались принятый в декабре 2014 г. ФЗ "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации", а также вопросы связанные с современным состоянием экономики Дальнего Востока.

Направление работы и атмосферу мероприятия определил доклад **А.С. Галушки, министра Минвостокразвития**, который остановился на главной задаче, стоящей перед руководимым им министерством. По словам министра, главная цель Минвостокразвития состоит в том, чтобы создать конкурентоспособные условия для экономического развития региона.

В настоящее время все экономические силы мира концентрируются в АТР. XXI век — век Азии. Социально-экономическая динамика Азии значительно отличается от Европы. Крупнейшей экономикой мира стала КНР. По данным МВФ, уже в 2015 г. ВВП КНР превысит ВВП США на 1 трлн долл. и далее этот разрыв будет увеличиваться. Наиболее динамично развивающейся экономикой мира стала экономика Индонезии. Все эти факторы определяют внешнеэкономическую политику России, а именно «разворот на Восток» и подъем наших дальневосточных регионов. Главный вопрос, на который мы должны ответить — это создание конкурентоспособных условий развития Дальнего Востока. Очень важна отправная констатация — сегодня наша неконкурентоспособность складывается из прямых измеримых показателей: объем денежных средств, которые нужно потратить на строительство, длительность таможенных процедур, объем налоговой нагрузки, стоимость киловатт электроэнергии — из таких показателей складывается экономика реальных инвестиционных проектов. Поскольку эти показатели российского Дальнего Востока хуже, чем у наших азиатских соседей, инвестиции будут направлены в эти страны. Очевидно, что из этой констатации вытекает и наша практическая работа, цель которой создать конкурентоспособные условия экономического развития.

Министр сообщил, что в конце 2014 г. приняты нормативные акты, направленные на ускоренное развитие дальневосточного региона. В первую очередь, это «Закон о территориях опережающего развития». Закон содержит три главных положения: дебиюрократизация, упрощение, отвлечение процедуры условий ведения бизнеса и налоговое стимулирование. Спустя один месяц после принятия закона, заметен высокий уровень заинтересованности как российских, так и иностранных инвесторов. Закон предусматривает создание Управляющей компании, которая будет для инвестора «Одним окном», оказывая государственные услуги, услуги таможенного брокера, юридические услуги и нести ответственность за конечный результат.

Серьезным проблемам Дальнего Востока было посвящено выступление **Штырова В.А., заместителя Председателя СФ ФС РФ**. Он отметил, что в новое время

проявилась вся «незащищённость» региона от рыночной стихии, возникла *определённая угроза безопасности нашей страны* в связи с непростым положением региона. Именно поэтому в в 2006 г. состоялось заседание Совета Безопасности, на котором был поставлен вопрос о том, что Россия может потерять Дальний Восток, если не уделять ему должного внимания. Президент Российской Федерации дал поручение о разработке стратегии развития Дальнего Востока. Затем по аналогии были созданы стратегии развития Сибири, Кавказского региона. Стратегия — документ, описывающий риски, существующие на Дальнем Востоке, и возможности развития региона, которые могут *противодействовать возникновению этих рисков*. Как сделать так, чтобы стало выгодно работать на Дальнем Востоке, и люди не хотели бы его покидать. Для этого нужно создавать ТОР, искать новые подходы к организации государственно-частного партнёрства, осуществлять специальную социальную политику. Докладчик в своем выступлении акцентировал внимание на стимулах развития Дальнего Востока, как было им отмечено, наиважнейшим остается вопрос инфраструктуры, поскольку только *объединенная инфраструктура* приведет к целостности региона, необходимо создать меридиональную транспортную сеть.

Ключ к решению проблем, обозначенных в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона, лежит в развитии экономики и инфраструктуры. Это, в свою очередь, требует *масштабного привлечения инвестиций*.

Своим взглядом на Закон о ТОРах поделился депутат Комитета Госдумы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Иван Абрамов. Как отметил докладчик, в прошлом году в Госдуме была проведена значительная работа по принятию закона о ТОРах, по второму чтению поступило около 200 поправок, которые были детально рассмотрены на Комитете. Абрамов отметил, что сегодня дан срок 3 года на исполнение этого закона на Дальнем Востоке и только потом закон будет распространяться на территорию всей страны. Сейчас перед регионом стоит главная задача — снижение оттока населения. Регион был брошен в условиях рынка, условия производства на Дальнем Востоке нельзя сравнивать с условиями на Западе страны. Но не только закон о ТОРах должен оказать влияние на развитие экономики региона, необходимо осуществлять комплексный подход. Перед регионом стоят *энергетические, финансовые, инфраструктурные проблемы*. И наверняка, на фоне современных событий, когда ставится задача импортозамещения — это дает определенный шанс региону для развития, в т.ч. строительства новых производств именно в целях импортозамещения.

В ходе работы круглого стола статс-секретарь — замминистра Минвостокразвития (МРДВ) Кирилл Степанов выступил с докладом-презентацией Закона о территориях опережающего социально-экономического развития. Одним из основных результатов работы министерства стало принятие закона о ТОР. Мы имеем уникальный шанс в течении первых 3-х лет доказать и показать, насколько эффективно будет работать закон по *созданию точек роста* в отдельном макрорегионе для ускорения его экономического развития. Создание специальных ТОР с целью формирования благоприятной среды для привлечения инвестиций в организацию новых высокотехнологичных производств, выпускающих товары, прежде всего поставляемые на экспорт. Ключевой идеей ФЗ является обеспечение на таких территориях *конкурентоспособных условий*, какие в настоящее время созданы в ряде стран АТР. Степанов выделил очевидные преимущества российского Дальнего Востока перед соседними странами АТР, главное из которых — ресурсная составляющая. Создание ТОРа должно сопровождаться ускоренным развитием инфраструктуры, установлением правовых решений регулирования предпринимательской и

хозяйственной деятельности для инвесторов, а также обеспечением налогового стимулирования и налоговых льгот. В докладе было подчеркнуто, что принятый Закон координирует *систему управления ТОРа*, которая строится по принципу трех ключевых элементов: Уполномоченный федеральный орган исполнительной власти (на Дальнем Востоке МРДВ) — Управляющая компания — Наблюдательный совет. С точки зрения выступавшего, именно такая система управления и консолидация ответственности в этой триединой системе позволит обеспечить полную ответственность органов управления ТОР в формировании благоприятного инвестиционного климата.

В заключение первой части круглого стола министр Минвостокразвития поделился с участниками своим видением развития ТОРов как механизма упрочения позиции России. Он проиллюстрировал свою речь примерами китайского и сингапурского чуда. Сингапур, не имея воды, нефти, земли, квалифицированных кадров, с высоким уровнем коррупции и соответствующими политическими настройками встал на путь достижения «сингапурского чуда». Сегодня необходима фокусировка на прикладных проектах, следует пользоваться рецептурой близлежащих стран. В КНР по каждой отдельной СЭЗ принимался отдельный закон, учитывались особенности каждой из них, а после того как были экспериментально опробованы новые модели и методы госуправления, методы привлечения инвестиций, принималось решение распространять лучшие из них на всю страну.

Особое внимание вызвал взвешенный и аргументированный доклад Рыковой И.Н., руководителя центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Минфина России. Тема доклада: «ТОСЭР: инициирование, выбор приоритетов, управление развитием, эффективность бюджетных расходов».

Как отметил докладчик, у Минвостокразвития появляются достаточно *большие возможности*, которые, по мнению Министерства финансов, *порождают ряд рисков*, среди которых следует выделить следующие:

1. *Перераспределение экономической активности* в пользу ТОР, но при этом нет четко обоснованных расчетов;

2. Риск *неэффективного расходования средств* на создание инфраструктуры. Государство должно обеспечить условия и стимулы для начала работы, но прежде необходимо провести инвентаризацию, а потом принимать решение. Инвестору следует оценить потребности собственного предприятия в той или иной инфраструктуре. Если инвесторы не могут этого сделать, возникают риски, которые внесут ошибки в объемы финансирования.

3. *Правовые риски* связаны с *особым статусом управляющей компании*. В последнее время появляется тенденция создания неких форм надстройки управления, причем, как правило, вся эта идеология строится *за счёт 100% бюджетных средств*. Не существует механизма оценки деятельности, эффективности, достижения целей управляющей компании.

4. Необходимо создать единую базу проектов на Дальнем Востоке, которая даст возможность избежать дублирования проектов в различных федеральных целевых программах.

В рамках мероприятия также прозвучали доклады заведующего центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН, д.э.н., проф. Е.М. Бухвальд, научного руководителя РЭУ С.Д. Валентей, проф. базовой кафедры Минвостокразвития С.А. Орлова, зам. директора Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ В.П. Емельянцева, заместителя директора ФБНУ «Институт макроэкономических исследований» Минвостокразвития

РФ А.Б. Виссарionoва и старшего преподавателя базовой кафедры Минвостокразвития А.С. Давыдовой.

Во многих из перечисленных докладов подчеркивалось, что проблемы, стоящие перед Дальним Востоком, невозможно решить исключительно за счет рыночных механизмов. Отечественный опыт свидетельствует, что наибольший эффект при решении подобных задач достигается при наличии системных мер государственной поддержки.

Если подсчитать наиболее часто повторявшиеся в ходе мероприятия слова и словосочетания, то три из них повторялись более, чем другие — инвестиции, инфраструктура, риски. Исходя из этого можно отметить, что в зале присутствовали две группы участников, позиции которых значительно расходятся. К первой группе следует отнести практиков и научных специалистов со значительным опытом работы, которых отличает взвешенность, осторожность. Ко второй группе можно отнести молодых чиновников-экспериментаторов, которые зачастую без серьезного экономического анализа и должной подготовки пытаются провести опыт над целым регионом, охватывающим более 35% территории страны.

© 2015

*М. Александрова,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН*

Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН «Китай на новом этапе экономической реформы»

16 марта 2015 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая (ЦСЭИК) по теме: «Китай на новом этапе экономической реформы». В своем докладе «Итоги экономики КНР в 2014 г.: спад или структурные реформы?» зам. директора ИДВ РАН, руководитель ЦСЭИК, д.э.н., проф. *А.В. Островский*, отметил, что главный показатель четвертого года 12-й пятилетки КНР, рост ВВП, составил 7,4%, что существенно ниже, чем было в 2001–2013 гг. Рост, планируемый на 2015 г., — 7%. «На этом основании можно предположить, что «китайское чудо» подошло к концу или что Китай попал в «ловушку средних доходов». Однако макроэкономические показатели об этом не свидетельствуют, они по-прежнему выше, чем в США, странах Евросоюза, АСЕАН.

«Сложившиеся в последние годы соотношения между экономическим ростом, структурными изменениями и увеличением занятости населения показывают, — отметил докладчик, — что примерно 7-процентный рост экономики может создавать более 10 млн рабочих мест в городах и поселках... Экономические риски есть. Внешние — это мировой финансовый кризис, трудности с повышением внешнего спроса. Но экспорт во всех отраслях значительно возрос. Внутренних — три, все они подробно обсуждались на сессии ВСНП. Первый — демографический: снижение численности населения в трудоспособном возрасте. Поэтому Китай изменил демографическую политику «одна семья — один ребенок», на «одна семья — два ребенка». Второй — нехватка энергоресурсов (прежде всего нефти и газа). Третий — загрязнение природной среды.

Но в целом, причин для беспокойства нет. Китай не только выполняет, но и перевыполняет намеченные экономические показатели, при соблюдении пропорций развития отдельных отраслей. В 2014 г. инфляция составила всего 2%. Очень высока норма сбережений на вкладах населения. В частности, в 2014 г. она составила 75% от ВВП КНР, причем треть из них принадлежит сельскому населению. Это — подушка экономической безопасности. 2/3 розничного товарооборота приходится на город, но за последние 2 года доходы на селе увеличиваются быстрее, чем в городе. Это залог роста внутреннего рынка, расширение социальной сферы развития. В 2014 г. урбанизация составила 54,7%. За 4 года 12-й пятилетки создано 51 млн новых рабочих мест. Численность сельских мигрантов составила 273 млн, из них 170 млн живут и работают в городах (низкоквалифицированными рабочими), остальные — живут в сельской местности, но работают вне сферы сельской экономики. Безработица в 2014 г. составила 4,1%. Средняя продолжительность жизни выше, чем в России — 74,5 года.

Текущие риски для китайской экономики существуют: они обсуждались на сессии ВСНП, на предыдущих рабочих совещаниях по экономике и сельскому хозяйству в

2012–2014 гг. Это прежде всего — необходимость ускорить изменение модели развития народного хозяйства, выявления новых движущих сил.

Китай должен решить пять основных проблем, связанных с повышением жизненного уровня в стране. Первая — разработка генерального плана по реформе системы доходов населения. Вторая — создание системы компенсации при изъятии земельных участков у крестьян. Третья — охват городского и сельского населения 100-процентным социальным страхованием по старости (ныне в деревне лишь 100 млн чел. охвачены социальным медицинским страхованием). Четвертая — оказание помощи отстающим районам. Пятая — повышение доли расходов из госбюджета на образование до 4%, подчеркнул проф. *Островский*

Многие из этих проблем более детально проанализированы в 27-ми докладах участников конференции.

В рамках первого тематического блока «Общие проблемы» главный научный сотрудник ЦСЭИК ИДВ РАН, доктор экономических наук, профессор, академик РАН *Э.П. Пивоварова* отметила, что лидеры «пятого поколения» руководства КНР Си Цзиньпин и Ли Кэцян на последних официальных форумах акцентировали внимание на реформировании бюджетно-финансовой системы, системы распределения доходов и на решительном движении в сторону социальной справедливости. В гипернаселенной и слабо обеспеченной ресурсами стране решение этих задач на порядок труднее тех, что решались в предыдущие десятилетия рыночных преобразований в КНР. Речь идет о качественных поправках практически во всех тех нововведениях, которые были осуществлены в ходе рыночных реформ, затронувших не только экономическую жизнь, но и общественный строй страны. Безусловно и то, что отыскание способов «гармонизации» всего того, что требует корректив для достижения надежной стабильности в китайском обществе, требует и неординарных решений.

В докладе в.н.с., к.э.н. *О.Н. Борох* была рассмотрена концепция «новой нормальности», сформулированной руководством КНР в 2014 г. Оратор проанализировала основные источники и ключевые этапы формирования этой концепции, выявив ее специфические характеристики, отличающие китайскую трактовку от западных подходов к описанию посткризисных процессов в мировой экономике. Особое внимание она уделила позитивным акцентам в китайской трактовке «новой нормальности», указывающим, что в сложившейся экономической ситуации присутствуют не только скрытые риски, но и большие потенциальные возможности для развития экономики КНР и его стимулирующего воздействия на глобальные экономические процессы».

В.н.с., к.э.н. *З.А. Мурамцева* в своем сообщении «Общее и особенное четвертого этапа реформы госсектора КНР» отметила, что реформа госпредприятий проводится более трех с половиной десятилетий, но только после 2004 г. он расценивается как «поворотный». Этот этап, именуемый как «перестройка управления госактивами и совершенствование современной системы предприятий», направлен на распространение государственно-частного партнерства, совершенствование государственного управления госкапиталом и повышение доли отчислений от доходов по нему, вложенной в предприятия центрального подчинения».

К.э.н., ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН *Е.С. Баженова* в докладе на тему «Урбанизация в западных районах КНР как важный фактор их развития» отметила, что за время реализации Программы освоения западных районов Китая урбанизация получила там быстрое развитие. К концу 2012 г. доля городского населения достигла 44,9% (на 16% выше по сравнению с 2000 г.) Сформировались три городские агломерации: Чэнду—Чунцин, Гуаньчжун—Тяньшуй

(юг пров. Ганьсу — коридор Хэси) и Бэйбувань — приморская зона Гуанси-Чжуанского автономного района. Как и в других регионах страны, урбанизация в западном Китае стоит перед лицом многих вызовов. Так, большие массы населения, перемещающиеся из сельской местности в города, испытывают трудности при интеграции в городское сообщество; отчуждение земель в сельских районах идет быстро и эти земли используются в целях строительства не всегда эффективно; имеет место нерациональное распространение урбанизации, она не всегда разумно сопряжена с имеющимися природными ресурсами и окружающей средой; низок уровень управления процессами урбанизации; неэффективно осуществляется охрана природы и исторического наследия; не отработаны механизмы, способствующие прогрессивному развитию урбанизации. Существует необходимость разработки новых моделей урбанизации для западного Китая.

«Одним из ключевых звеньев комплекса рыночных преобразований, объявленного на 3-м Пленуме ЦК КПК 18 созыва (2013 г.), является реформа финансовой системы», — отметила в своем выступлении д.э.н., г.н.с. ИДВ РАН *Л.В. Новоселова*. Поставлена задача обеспечить существенное повышение роли рыночных механизмов в распределении ресурсов и развитии экономики. Новая редакция Закона о бюджете (2014 г.) значительно расширяет возможности провинциальных властей в финансировании местной экономики, в том числе посредством самостоятельного выпуска и погашения долгосрочных облигационных займов. Рассмотрение механизма местных заимствований, равно как и основных направлений их использования, позволяет раскрыть алгоритм решения на рыночной основе застарелой проблемы дефицита финансовых ресурсов и огромных долгов местных правительств.

«Электронная коммерция — новые горизонты китайской экономики»: доклад на эту тему представил с.н.с. ИДВ РАН *А.В. Пиковер*. «По данным Китайского центра изучения электронной коммерции по состоянию в середине 2014 г., объем сделок во всей электронной торговле КНР достиг 5,85 трлн юаней, увеличившись за год на 34,5%, в т.ч. в секторе B2B объем сделок достиг 4,5 трлн юаней, увеличившись за год на 32,4%, объем розничной торговли в интернете достиг 1,08 трлн юаней, увеличившись за год на 43,9%. В структуре электронной торговли 2014 г. в КНР сектор B2B (business to business) занимал 76,9%, сектор сделок розничного рынка достигал 18,5%, на остальные сектора пришлось всего 4,1%. На июнь 2014 г. количество людей, непосредственно занятых в отрасли электронной торговли, превысило 2,5 млн, количество людей, опосредованно связанных с отраслью, уже превысило 17,2 млн.

В докладе «Китай на мировом рынке вооружений» к.полит.н., в.н.с. ИДВ РАН *П.Б. Каменов* указал на то, что КНР является одним из крупнейших импортеров вооружений. Российский экспорт в Китай сохраняет хорошие перспективы, однако требует учета возрастающих возможностей китайского ВПК, диверсификации форм сотрудничества, разрешения проблем защиты российской интеллектуальной собственности. В китайском импорте после спада в 2005–2011 гг., связанного с попытками наладить производство вооружений своими силами, отмечено возобновление тенденции к закупкам крупных партий вооружений в России.

В качестве экспортера Китай наращивает усилия по расширению географии и увеличению объемов поставок вооружений своего производства. Доля КНР на мировом рынке вооружений в 2009–2013 гг. составляла 6% (4-е место), России — 27% (2-е место). В перспективе, в связи с завершением модернизации своего ВПК Китай, может составить серьезную конкуренцию России в отдельных сегментах этой сферы.

В.н.с., к.э.н. *С.Л. Сазонов* в докладе отметил: «Китай является крупнейшим внешнеторговым партнером стран АСЕАН и основным донором развития региональной

инфраструктуры. На субрегиональном уровне основные магистрали будут построены с помощью китайских инвестиций в странах ЮВА, которые будут соединяться с основными региональными портами. Это позволит увеличить поток экспортных грузов из КНР и стран ЮВА в страны АСЕАН, Ближнего Востока и Африки. Строящаяся при финансовой помощи Китая объединенная железнодорожная сеть КНР и стран ЮВА и широтная паназиатская высокоскоростная железная дорога (Китай—Лаос—Вьетнам—Камбоджа—Таиланд—Малайзия—Сингапур), в будущем станут основой второй Евроазиатской транспортной магистрали. Железнодорожный маршрут протяженностью 14 тыс. км будет проходить через территорию 18 стран».

Сообщением «Новые источники роста китайских инвестиций за рубежом» первый тематический блок конференции завершила с.н.с. ИДВ РАН *Т.Г. Терентьева*. Она отметила, что в рамках стратегии «Выход за рубеж» в 2014 г. объем нефинансовых прямых инвестиций Китая впервые превысил 100 млрд долл. Однако при сохраняющейся тенденции роста объемов внешних прямых инвестиций, в последние годы наблюдается снижение их темпов. С целью улучшения возможностей вывоза капитала с 6 октября 2014 г. вступили в силу новые «Правила регулирования зарубежных инвестиций», в которых впервые применяется регистрация не только в разрешительном, но и в уведомительном порядке. Новыми источниками роста внешнего инвестиционного потока станут реализация стратеги экономического пояса «Шелкового пути», а также увеличение объемов инвестиций в совместные с Россией энергетические проекты».

В рамках второй секции конференции («Отраслевые и региональные проблемы») с докладом «Сельское хозяйство Китая: к новой модели развития?» выступила д.э.н., г.н.с. ИДВ РАН *Л.Д. Бони*: «Вступление экономики Китая в этап «новой парадигмы» развития» ознаменовалось решением руководства ускорить модернизацию сельского хозяйства, сменив модель его роста. Потенциал нынешней модели экстенсивного роста, обеспечивавшей относительно успешное развитие отрасли за счет максимальной затраты дефицитных природных ресурсов, дешевой рабочей силы и госинвестиций, оказался исчерпанным. Об этом говорят глубокие противоречия и вызовы, вставшие на пути дальнейшего развития отрасли: структурный дефицит рабочей силы (ее старение), низкая производительность труда подрядного двора, падение сравнительной эффективности земледелия; снижение доли дохода крестьян от земледелия (менее ¼ в 2013 г.), высокая себестоимость производства и рост цен; падение конкурентоспособности сельхозпродукции на мировом рынке, резкий рост импорта; исчерпанность политики поддержки агросферы, привязанной к принципам «желтой корзины» ВТО; катастрофическое состояние сельской экологии и пр. Преодоление вставших проблем и поиски новых факторов роста руководство Китая однозначно связывает с ускорением модернизации сельского хозяйства и перехода к интенсивному способу производства, с его упором на качество и эффективность, реструктуризацию производства, развитие масштабного хозяйства, технологические и системные инновации, усиление роли рынка».

В сообщении «К вопросу об упорядочении земельных отношений в китайской деревне в новых условиях» к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН *Л.А. Валкова* сказала: «Новое нормальное состояние экономики» предполагает улучшение качества экономического роста. Важнейшим средством достижения этого в области сельского хозяйства является упорядочение земельных отношений с целью повышения эффективности производства».

К.э.н., в.н.с. Института аграрных проблем РАН (ИАГП РАН, г. Саратов) *В.П. Пашков* в докладе «Теоретическое определение содержания государственной собственности на землю» подчеркнул: «Земельный Кодекс России не дает определения государственной собственности. Он в пункте 1 статьи 16 говорит, что «государственной соб-

ственностью являются земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований». Данное определение является не качественным, а количественным, причем по остаточному принципу. В неоклассической экономической теории, господствующей в странах Запада, государственная собственность определяется как собственность, принадлежащая органам государственной власти. Принадлежность объектов субъектам означает владение субъектами такими объектами. Это означало бы признание органов государственной власти владельцами. На самом деле они наделяются гражданским обществом лишь одной функцией — распоряжения объектами государственной собственности и не наделяются функциями владения и пользования. Государственная собственность на землю это собственность народа (граждан, но не юридических лиц), распоряжение которой передано органам государственной власти».

К.э.н., с.н.с. ИДВ РАН *Е.И. Кранина* выступила с сообщением: «Китай на новом этапе экологического правового регулирования»: «В 2015 г. наступил третий — ключевой этап всестороннего углубления, реформирования и правового регулирования экологической безопасности Китая, а именно, отход от политики «упора на экономический рост» к устойчивому развитию, основанному на понимании взаимосвязи между человеком и природой. В ходе строительства и совершенствования правовой системы в области охраны окружающей среды важнейшее значение придается не только законодательной работе, но и исполнению законов на практике. В апреле 2014 г. ПК ВСНП одобрил проект изменений в Закон КНР «Об охране окружающей среды», которые вводят прямую и неограниченную материальную ответственность для нарушителей Закона. С 1 января 2015 г. поправки вступили в силу. Кроме того, разрабатывается новая система рыночных экологических платежей на выбросы (включая диоксид серы, диоксид азота и другие загрязнители), пакет нормативов на выбросы парниковых газов, а также внутренняя схема торговли квотами на выбросы».

К.э.н., с.н.с. ИДВ РАН *Н.Н. Коледенкова* проанализировала в своем выступлении проблематику развития Центрального Китая, являющегося крупным индустриально-аграрным районом страны. В повестке дня — создание современного сельского хозяйства с преимущественным производством зерновых, базы производства электроэнергии и сырьевых отраслей, развитие конкурентоспособной промышленной структуры и комплексной транспортно-логической системы. Среди ряда задач региона наиболее важно — развитие «новой экономики», в основе которой лежат экологически чистые источники энергии, охрана окружающей среды, высокая конкурентоспособность производственных отраслей и экономики в целом.

В сообщении «Устойчивое социально-экономическое развитие национальных районов за последние годы» к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН *Т.В. Лазарева* рассказала об ускоренном развитии социальных и экономических процессов в национальных районах Китая. В докладе приведены данные, подтверждающие успехи в создании инфраструктуры, транспортной системы, в борьбе с бедностью, в улучшении системы образования, медицинского обслуживания, в решении экологических проблем и др. Докладчик уделила внимание имеющимся факторам нестабильности в развитии национальных районов, главные из которых: наличие большого числа бедного населения, значительная разница в развитии национальных и восточных регионов Китая, противоречия между растущими с каждым днем культурными и материальными потребностями неханьского населения и отсталым производством.

Аспирант ДВФУ (Владивосток) *Н.С. Плесский* предпринял попытку выявить региональные различия качества жизни бедного населения Китая. На основе статистических данных нацстата КНР и провинциальных статистических бюро произведен расчет

коэффициента Джини, а также индикатора бедности. По результатам исследования составлена карта и дана характеристика регионов страны, обозначены основные причины и проблемы развития регионов. Особое внимание уделено социально-экономическому положению и перспективам развития районов концентрации бедности.

В выступлении по проблематике малого предпринимательства на новом этапе экономической реформы к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН *В.В. Чуванкова* отметила «В этот период резко активизировалась деятельность этих структур, повысился их экономический потенциал как по количественным, так и по качественным параметрам, расширились рамки и география производственных интересов. Акцент на развитие малых и микропредприятий прежде всего обусловлен проблемой обеспечения самозанятости населения в условиях замедления темпов роста китайской экономики. Большое количество малых и микропредприятий должно стать важной опорой экономики, базой обеспечения занятости населения».

К.и.с., в.н.с., ИДВ РАН *О.В. Почагина* в докладе «Особенности структуры семейного бюджета в современном Китае» отметила, что в условиях снижения темпов экономического роста увеличение внутреннего потребления рассматривается руководством КНР в качестве одной из движущих сил поступательного развития экономики и дальнейшего повышения уровня жизни населения. Структура семейного бюджета является объективным и достоверным индикатором, демонстрирующим не только уровень жизни средней семьи, но и показателем, характеризующим активность экономического поведения ее членов, степень их социальной мобильности в условиях рыночной экономики. В последние годы в семейном бюджете китайской семьи особо выделяется доля сбережений — более 30% ежемесячного дохода, что является чрезвычайно высоким показателем и обусловлено социокультурными факторами, а также стремлением родителей дать качественное образование детям, намерениями молодых людей приобрести собственное жилье, а пожилых китайцев — иметь доступ к качественным медицинским и патронажным услугам. У молодого поколения формируются новые типы моделей потребления, все большую роль играет так называемый «эффект присоединения к большинству». На фоне позитивных тенденций повышения доходов, роста потребления, а значит, и качества жизни населения в целом, ежегодно фиксируемых ГСУ КНР, имеет место и другая тенденция — углубление процессов экономической и социальной дифференциации китайских семей.

С.н.с., к.э.н. *И.В. Вахрушин* в сообщении на тему развития фондового рынка КНР подчеркнул: «В 2014 г. развитие фондового рынка КНР ознаменовалось резким ростом (ключевой индекс Шанхайской фондовой биржи вырос более чем на 50%), пришедшим на смену рецессии, длившейся несколько лет».

Аспирант ИДВ РАН *О.В. Лин* в докладе «Банковский сектор и теневой банкинг в свете финансовой реформы в КНР» отметил: «В ходе финансовой реформы КНР банковские учреждения подстраиваются под новые условия функционирования: либерализация депозитных ставок, ужесточение мер по борьбе с теневыми банковскими операциями, развитие инструмента секьюритизации, смягчение ограничений на межбанковском валютном рынке, разработка проектных положений страхования вкладов. Это оказывает воздействие на ресурсную базу банков и на кредитный катализатор развития экономики. Народным банком Китая были снижены годовые ключевые ставки для повышения ликвидности финансовых учреждений. В рамках сближения с рынокоориентированной моделью банковского бизнеса разрабатываются возможности по развитию частного банковского дела».

Аспирантка ИДВ РАН *К.А. Петрунько* в сообщении «Стремительное развитие гражданской авиации КНР» проанализировала современное состояние этой отрасли и инфраструктурных объектов авиационного транспорта Китая.

К.ю.н., в.н.с. ИДВ РАН *В.И. Балакин* в докладе «Роль Китая в формировании региональных «производственных цепочек» в Восточной Азии» отметил: «Развивающаяся интеграция в Восточной Азии постепенно приобретает форму глубокой специализации по отдельным производственным направлениям. В рамках формирующегося восточноазиатского стратегического пространства Китай акцентирует внимание прежде всего на долгосрочной стратегии утверждения своего геополитического влияния как на региональном, так и на субрегиональном уровнях. При этом упор делается на приобретение максимально возможной степени китайского контроля над приоритетными секторами экономики государств, представляющих наибольший интерес для КНР. Китайское правительство формирует свое региональное доминирование достаточно осторожно, используя в основном рычаги уже сложившегося экономического порядка. Китайская региональная модель «производственных цепочек» предусматривает постепенное формирование в масштабах Восточной Азии устойчивых финишных производств, полностью зависящих от китайских материнских компаний».

Помощник ответственного секретаря "Российского исторического общества" к.и.н. *М.П. Харченко* в своем докладе «Стратегия развития региональных приоритетов КНР в Центральной Азии и проблема энергетической безопасности Китая» сказал: «КНР является одной из ведущих держав современного мира. Ее интересы уже давно вышли за пределы Юго-Восточной Азии и охватывают фактически весь Азиатский континент. Регион Центральной Азии, территориально граничащий с Китаем, сегодня приобрел статус важной площадки в сфере энергетического снабжения Поднебесной».

Закрывая конференцию, проф. *Островский* выразил уверенность, что Китай способен достичь целей, поставленных руководством страны: построить к 2020 г. общество «среднего достатка», а к 2030 г. общество «всеобщей зажиточности». Главный вывод: в экономике КНР происходят структурные реформы, а не спад производства».

© 2015

Е. Кранина,
старший научный сотрудник ИДВ РАН,
кандидат экономических наук

Рецензии

Проверенный историей диалог культур.

Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2014.

В монографии Николая Анатольевича Самойлова решается важная в научном отношении проблема — впервые в отечественной и зарубежной историографии для анализа взаимосвязей России и Китая в XVII — начале XX вв. применена концепция социокультурного взаимодействия. Социокультурный подход к истории был разработан выдающимся русско-американским философом, социологом и культурологом Питиримом Александровичем Сорокиным в его классическом труде «Социальная мобильность» (1927 г.). В дальнейшем (Россия и США. 1944) им была предложена и теория конвергенции социально-политических систем. При этом П.А. Сорокин рассматривал исторический процесс как циклическую смену основных типов культуры, в основе которых лежат интегрированная система ценностей и символов.

В нашем востоковедении методология сравнительной культурологии¹ впервые была затронута в известной книге Н.Я. Бичурина «Китай в гражданском и нравственном состоянии», где было сказано, что в Китае «много находится вещей, которые и мы имеем, но там все в другом виде»². Классический труд Н.И. Конрада «Запад и Восток» (М., 1972) всколыхнул в востоковедной среде интерес к сравнительному изучению цивилизаций. Взаимовлияние восточной и западной культур было детально рассмотрено Е.В. Завладской в ее книге «Культура Востока в современном западном мире» (М., 1977). Большим успехом пользовалась работа Т.П. Григорьевой «Дао и логос (встреча культур)» (М., 1992).

Размышляя о философско-культуроло-

гическом аспекте труда Н.А. Самойлова, я вспомнил замечательное выступление Тимофея Николаевича Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории», в котором он говорил: «Быть может, ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как История. Влияние это обнаруживается часто против воли самих историков, упорно отстаивающих самостоятельность своей науки. Содержание каждой философской системы рано или поздно делается общим достоянием, переходя в область применений, в литературу, в ходячие мнения образованных сословий. Из этой окружающей его умственной среды заимствует историк свою точку зрения и мерило, прилагаемое им к описываемым событиям и делам»³.

Использованный в данной монографии методологический подход к проблемам исторического исследования можно отнести к самым актуальным и продвинутым. Н.А. Самойлов справедливо подчеркивает, что «междисциплинарные исторические исследования... входят в число магистральных направлений современной исторической науки, а востоковедно-исторические работы требуют применения новых междисциплинарных методов» (С. 9). И далее автор очерчивает свою позицию следующим образом: «Учитывая накопленный на сегодня теоретико-методологический опыт, следует признать, что наиболее продуктивным может оказаться изучение взаимоотношений России и Китая одновременно в русле нескольких парадигм, каждая из которых обладает своим научным инструментарием. Один из таких подходов

может быть сформирован на стыке цивилизационной и формационной моделей развития человеческого общества» (С. 29–30). С этим нельзя не согласиться. Ведь отечественное востоковедение с момента основания Российской Академии наук исследует различные аспекты проблемы «Россия и Китай». Являясь комплексной, эта проблема требует синтеза результатов, получаемых такими дисциплинами как: история, филология, философия, социология, психология, экономика, международные отношения, культуроведение, демография, антропология и генетика.

Источники для исследования своей темы автор проработал в основных архивах Санкт-Петербурга и Москвы, а также используя опубликованные тома серии «Русско-китайские отношения в XVII—XIX веках». Кстати, Н.А. Самойлов и сам участвовал в подготовке одного из томов этой серии, который охватывает последние десятилетия XIX столетия и пока еще существует в виде рукописи.

Необходимо отдать должное тому глубокому анализу, которому Н.А. Самойлов подверг сложившуюся к сегодняшнему дню историографию русско-китайских отношений. Такой многоаспектный анализ проведен впервые за последние два-три десятилетия. Понятно, что в науке продвигаться можно, только постоянно анализируя новейшие полученные результаты и опираясь на них.

Касаясь возможностей цивилизационного подхода, Н.А. Самойлов приводит интересную формулу, выработанную японскими учеными, которые «разделяя понятия “культура” и “цивилизация”, утверждают, что “цивилизация” — это “внешняя оболочка жизни человечества”, а культура его внутренний облик. Цивилизация — “твердое”, а культура — “мягкое”. Оба этих аспекта взаимодействуют, и цивилизация, которая формирует систему в качестве “твердого” часто независима от культуры и может заимствоваться другой культурой» (С. 41). Я бы добавил, что эта формула почерпнута у Лао-цзы, который в «Дао дэ цзине» подчеркивал, что «мягкое преодолевает твердое».

На мой взгляд, ни одну из цивилизаций, бывших в историческом прошлом или существующих ныне, нельзя изучать в отрыве от общечеловеческой цивилизации. Все цивилизации представляют собой варианты развития этой земной цивилизации, выражаясь языком

музыковедения — вариации на тему прогресса человечества. Итак, первое требование — изучать цивилизации системно, то есть как систему цивилизаций, образующих единое целое. Второе методологическое требование — изучать в сравнении. Достоинства и недостатки, достижения и промахи любой цивилизации легче всего обнаруживаются в сравнении ее с другой, развивавшейся в близких исторических условиях. Интересный опыт сравнения древних цивилизаций Китая и Греции недавно провел Франсуа Жюльен⁴.

Кстати, нет «мертвых цивилизаций», как иногда называют египетскую, греческую и ряд других цивилизаций, существовавших еще до нашей эры и прошедших через исторические катастрофы. Гибель государств и гибель цивилизаций (их культур) это разные понятия, ибо государства лишь оболочки цивилизаций. Дело в том, что «душа» каждого цивилизационного комплекса, то есть его духовная культура, в тех или иных формах продолжает существовать в современном мире. Если древние открытия и разработки в духовной сфере востребованы, то и цивилизация продолжает жить. Даже если ее материальная культура стала добычей времени и соответственно археологов. Примером этому служит современное китайское общество, в котором реализуется девиз «поставить древность на службу современности» («и гу вэй цзинь»). В этом смысле цивилизации бессмертны.

Это подтверждают и достижения современного востоковедения. В качестве примера можно сослаться на постулат в Предисловии к «Истории Древнего Востока»: «Как показывает история человечества, культуры погибают лишь насильственной смертью, что бывает чрезвычайно редко. Обычно же преемственность в той или иной степени сохраняется, а за гибель культуры часто принимают гибель государства или перемены языка и стиля»⁵.

Человечество с момента его возникновения существовало как информационное общество. Автор рассматриваемой монографии, на мой взгляд, справедливо включает эту особенность всеобщей истории в определение понятия «культура». Н.А. Самойлов утверждает, что «культура — формируемое поколениями качественное состояние человеческого общества и социально-исторической среды его обитания, включающей всю совокупность созданных

им материальных и духовных ценностей и возникающей в результате творческой активности человека на основе коммуникации между индивидами и эпохами» (С. 42). Отсюда вытекает и расшифровка термина «социокультурное взаимодействие», вынесенного в заглавие монографии. «...Взаимодействие, возникающее между региональными и локальными социумами и культурами, обладающими характеристиками социокультурных суперсистем, являющееся частью общемирового культурного развития и отражающее процессы стадияльно-формационного характера, и есть не что иное, как *социокультурное взаимодействие*» (С. 43).

Изучая *социокультурное взаимодействие*, важно не упустить из вида, что, формируясь как многонациональное государство, расположенное и в Европе, и в Азии, Россия строила свои отношения с Востоком, включая Китай, в определенном смысле *идентифицируя* себя с ним. Для России Восток не был манящим заморским чудом, он начинался в ее собственном российском доме, был его неотъемлемой частью. Даже реформы Петра I не смогли искоренить у россиян стихийное чувство своей большей близости к Азии, нежели к Европе и своей экономической, политической и духовной самодостаточности. Так, несмотря на цивилизационные различия, Россия строила некую *интеграционную модель* связей с Востоком. Это позволяло включать в русскую культуру ряд восточных, в первую очередь, тюркских, а позже и китайских компонентов.

Как отмечено в монографии, на *стадии идентификации* первыми источниками сведений о Китае в Русском государстве в XVII в. были отчеты посольств и миссий, направлявшихся царским правительством в Пекин для установления дипломатических и торговых отношений с Китаем. Среди них наибольший научный интерес представляли «Роспись» Ивана Петлина (1618–1619), «статейные списки» Ф.И. Байкова (1654–1657) и Н.Г. Спафария (1675–1677), дневники Избранта Идеса и Адама Бранда (1692–1695). Эти документы, ставшие памятниками дипломатической истории, содержали разнообразную информацию о Китае и сопредельных странах, о политическом положении Цинской империи. Мировая географическая наука обогатилась открытиями первостепенной важности — были проложены пути из Европы в

Китай через Сибирь, Монголию и Маньчжурию. Интерес к этим наиболее ранним русским описаниям Китая и ведущим в него маршрутам был исключительно велик. Уже в XVII в. они неоднократно издавались и переиздавались в большинстве европейских столиц на английском, немецком, французском, латинском языках.

Рассматривая начальный этап взаимодействия двух социокультурных суперсистем как стадию *индифферентного взаимодействия* Н.А. Самойлов отмечает, что к концу XVII столетия Русское государство превращается в крупнейшего соседа Китая, который в свою очередь стал в этот период могущественной Цинской империей. Ее властители считали, что не имеют себе равных в Поднебесной. В этих условиях начался процесс формирования общей границы двух государств. Одновременно Китай начинает играть важную роль в экономических связях России с внешним миром. Я согласен с приведенным в рассматриваемой работе положением, выдвинутым Александром Степановичем Мартыновым, об общности исторических судеб России и Китая, прошедших длительный этап борьбы «полю» со «степью». К этому можно добавить, что конфуцианская модель политической и духовной жизни Китая по многим показателям была близка к православным воззрениям, определявшим российскую духовность.

Проанализировав взаимосвязи двух государств на протяжении XVII столетия, Н.А. Самойлов резюмирует, что «подводя итоги данного периода, можно сделать вывод о том, что сложившиеся в XVII в. отношения между Россией и Китаем носили характер диалога двух различных культур, приобретавшего весьма своеобразные формы в силу принципиально разного подхода к оценкам содержания данных отношений. Специфическое восприятие отношений с другими странами и народами, заимствованное маньчжурской династией Цин из многовековой китайской традиции, накладывало отпечаток на все виды контактов между двумя странами. Вместе с тем, в России шел процесс накопления знаний о Китае и наметился достаточно прагматичный подход к взаимоотношениям с дальневосточным соседом» (С. 95). Этот вывод не вызывает никаких возражений.

Если говорить о социокультурном влиянии Востока на Россию, то следует признать, что из всех стран Азии именно Китай в наиболь-

шей мере влиял на все стороны жизни нашей страны. Какие факторы способствовали этому?

Во-первых, интерес в различных кругах российского общества к истории китайской цивилизации, к ее искусству самосохранения на протяжении нескольких тысяч лет, невзирая на неоднократные вторжения завоевателей. Освещавшая эту проблему китайская историческая наука появилась, когда великим историком Сыма Цянем (145 или 135 до н.э. — ок. 86 до н.э.) был подготовлен труд «Ши цзи» («Исторические записки»). К этому следует добавить, что задолго до нашей эры в Китае были заложены и основы мощных философских и этических школ. Но особенно были развиты наука о военном деле и политическом руководстве государством. Императорская Академия наук — «Хань линь» («Лес перьев») (738–1911 гг.) на протяжении многих веков развивала науки о человеке — гуманитарные дисциплины. Молодой русской цивилизации было, что черпать из «колодца дракона».

Во-вторых, стремление правящих слоев российского общества познакомиться поближе с произведениями китайской духовной и материальной культуры, иметь их в своем распоряжении.

И, наконец, в-третьих, те возможности, которые Россия получила для познания всех сторон жизни Китая, учредив в 1727 г. в Пекине Русскую духовную миссию.

XVIII столетие, если следовать градации Н.А. Самойлова, все еще являлось *стадией идентификации*. В этот период разворачивается деятельность Русской Духовной Миссии в Китае (С. 140–166), первым главой которой был архимандрит Илларион Лежайский. Хотел бы отметить, что этот раздел работы написан очень хорошо. Это не случайно — Н.А. Самойлов является одним из главных специалистов по истории РДМ в Китае и организатором специальных конференций по этой проблеме. В монографии справедливо подчеркивается, что «Российская Духовная Миссия и ее сотрудники сыграли важнейшую роль в деле развития диалога культур России и Китая. Благодаря их деятельности и трудам в России впервые узнали о китайской культуре, а в Китае начали осознавать, что такое Православие и культура России» (С. 155).

На определенной по Кяхтинскому до-

говору (1728 г.) границе двух империй в районе Забайкалья и Монголии была создана своеобразная особая экономическая зона: были воздвигнуты торговые городки Кяхта с русской стороны границы и Маймайчэн — с китайской. Н.А. Самойлов описывает их функционирование как развитие *геокультурного* пространства. Этот раздел монографии (С. 166–179) содержит большое количество любопытных фактов, (отраженных, например, в «Записках» будущего шефа жандармов Бенкендорфа), свидетельствующих о развитии добрососедства в этих двух городках, разделенных условной границей. Сложился даже особый язык общения — кяхтинский говор.

Для описания соседства русских и китайцев в некоторых анклавах вдоль государственной границы используется термин *фронтир* (С. 180–189). Это вполне допустимо, так как в географической науке именно этим термином обозначаются приграничные или еще не разграниченные территории.

Отдельный раздел монографии посвящен российско-китайскому взаимодействию в сфере искусства (С. 189–202). Являясь автором путеводителя по объектам китайской культуры в Петербурге, Н.А. Самойлов великолепно рассказывает о них и в данном труде, полемизирует с теми авторами, которые выдвигали нелепое утверждение, что якобы Россия узнавала Китай «глазами иностранцев». Да, среди русских дипломатов, которые вели дела с Китаем, мы встречаем имена Николая Спафария, Андрея Белобоцкого, Избранта Идеса, Саввы Лукича Владиславича. Хочу подчеркнуть, что все иностранцы, поступая на русскую службу, должны были принять православие, и что все перечисленные служили России как своей второй родине. Не случайно, имя Н.Г. Спафария было выгравировано на воротах Спасской башни Кремля, а Савве Владиславичу в 2012 г. был открыт памятник в Шлиссельбурге.

Н.А. Самойлов категорически не соглашается с тезисом западноевропейской историографии, гласящим, что «в Россию Китай пришел с Запада». Лейбниц, состоявший на службе у Петра I, посоветовал государю создать в России Академию наук. Вольтер, который был тайным советником на службе у Екатерины II, опубликовал довольно много своих размышлений о Китае. Как говорил о Вольтере

в своих лекциях В.О. Ключевский: «Вольтер — человек не гениальный, но живой, способный писать много и обо всем, талант, но не первой величины... В научном отношении исторические сочинения Вольтера — легкость, отсутствие критики, вздор; но они поднимали самые живые вопросы и читались с жадностью»⁶. Читались они с жадностью и русскими вольтерьянцами, сначала в оригиналах, а в 1756–1759 гг. и в переводах на русский язык, сделанных А.Р. Воронцовым и публиковавшихся в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Как раз в это время — в 1756–1757 гг. — русский дипломат Василий Федорович Братишев, хорошо знакомый с китайским циклом сочинений Вольтера, был направлен в качестве дипломатического курьера в Пекин, где провел переговоры с императором Цянь Луном (Хун Ли).

Возвратившись из Китая, В.Ф. Братишев подготовил для петербургской публики, увлекавшейся по примеру государыни в то время Вольтером и его сочинениями о Китае, собственный критический анализ “Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний”. Даже кратковременное пребывание в Пекине, позволило В.Ф. Братишеву пересмотреть высказывания Вольтера о Китае и дать, в отличие от французского философа, реальную картину политической жизни Цинской империи.

Русское китаеведение к концу XIX столетия вышло на мировой уровень, а по ряду показателей — я имею в виду труды академика В.П. Васильева — превосходило европейскую науку о Востоке. Этому С.А. Самойловым уделено должное внимание.

Следует отметить, что используемые в монографии термины *социокультурный* и *геокультурный* являются производными от слова культура. И это закономерно. Дело в том, что еще в конце XIX и особенно в XX вв. наблюдался интенсивный процесс специализации гуманитарного знания, его дифференциации и возникновения новых научных дисциплин и областей научного исследования. Сформировался большой корпус научных дисциплин, которыми занималось академическое китаеведение. В него вошли языкознание, литературоведение, философия, археология, культурология, эпиграфика, древняя, средневековая и новая ис-

тория, социология, международные отношения, страноведение, этнопсихология, нумизматика и некоторые другие отрасли науки. В дальнейшем гуманитарные науки начали отделяться от социальных, которые также претендовали на изучение не только социальных дисциплин, но и культуры Китая в ее различных формах и модусах.

Это вызывало необходимость выделить из всей совокупности гуманитарных и социальных дисциплин «основную науку», как ее определял еще Г.Г. Шпет. «Как основная наука, — отмечал выдающийся философ, — должна быть и может быть принята только та наука, которая в области данного предмета изучает его в наибольшей полноте... это нормальная постановка вопроса, единственно разрешает проблему множественности научных методов и избегает всякого рода материализма в философии»⁷.

Культура и предстает как тот регулирующий идеал, который позволяет найти способы рассматривать единство разнообразных гуманитарных и социальных наук, выделив синтезирующий их объект. Таким объектом исследования в синологии стала культура Китая, которая позволила сомкнуть в единое целое объекты различных гуманитарных наук (от археологии до музыковедения, от теории литературы до архитектуры) и найти руководящий принцип при образовании их понятий. Это и ставит на твердую почву метод *социокультурного взаимодействия*.

Еще академик В.М. Алексеев разделил китаеведение на две части: синологию китайскую и синологию европейскую. Вот что он говорил о новых поколениях, например, китайских историков: «В новом Китае старый конфуцианский историк сменился новым историком общемирового типа, европейским ученым, перед которым вся предыдущая история китайского старого историка предстала, наконец, в виде мировой проблемы, и он решает ее на общенаучных линиях, в которых конфуцианская идеология есть только объект изучения, а не идеологическая доминанта»⁸. Поэтому и китайские философы, и культурологи сегодня говорят о возможности взаимодействия и взаимопроникновения культур⁹.

К несомненным достоинствам рассматриваемой монографии следует отнести перечень источников и библиографию работ на русском, английском, французском, немецком, ки-

тайском и японском языках. Кроме того, автор проверил свои выводы на весьма многочисленных конференциях в нашей стране и за рубе-

жом. Поэтому монография Н.А. Самойлова является серьезным вкладом в разработку истории взаимодействия России с Китаем.

© 2015

Академик В.С. Мясников

1. Сегодня эта дисциплина преподается в ВУЗах гуманитарного профиля. См.: *Борзова Е.П.* Сравнительная культурология: Учеб. пособие. СПб.: «Litres», 2013. Т. 1–2.
2. См.: *Бичурин Н.Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., Восточный дом, 2002. С. 29.
3. Цит. по: *Шнет Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 1004.
4. *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции / Пер. с фр. В. Лысенко. М: Моск. философ. фонд, 2001.
5. *Яacobson В.А.* Предисловие // История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М.: Вост. лит., 2004. С. 41.
6. *Ключевский В.О.* Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / под ред. Р.А. Киреевой. М.: Рус. панорама, 2012. С. 56.
7. *Шнет Г.Г.* Указ. соч. С. 1065.
8. *Алексеев В.М.* Китайская литература: Избр. труды. М.: Наука, 1978. С. 331, 337.
9. Например, *Kuang-ming Wu.* On the “Logic” of Togetherness. A Cultural Hermeneutic. Brill. Leiden; Boston; Köln, 1998.

Барabanов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. 272 с.

Одним из важнейших факторов стремительного увеличения роли и значения Китая в современном мире в последние десятилетия является устойчивый рост его экономического и военного потенциала. Аналитики пытаются дать ответ на вопрос о содержании и направленности экономического и военного строительства Китая, о вытекающих из него последствиях для интересов безопасности других государств, в особенности соседних с КНР государств Восточной Азии. При этом высказываются различные, зачастую противоположные точки зрения, включая алармистские, в числе которых — получившая распространение в последние годы концепция «китайской угрозы».

Значение предлагаемой вниманию читателя книги заключается в том, что она отражает практический результат осуществлявшейся на протяжении последних трех десятилетий военной политики КНР в части, касающейся реформирования и модернизации военно-промышленного комплекса, основы которого были заложены в 50-е годы прошлого столетия при участии Советского Союза, что позволило КНР наладить производство новейших на тот период вооружений и военной техники для оснащения ими НОАК. Однако заимствованная у Советского Союза модель жестко централизованной отраслевой системы ВПК, обладающая избыточными производственными мощностями и изолированная от гражданского сектора экономики режимом секретности, оказалась неадекватна требованиям рынка.

Наиболее серьезной проблемой китайского ВПК являлось научно-техническое и технологическое отставание страны от мирового уровня как следствие полуколониального прошлого. Из других причин следует выделить вовлеченность военного руководства во внутриполитическую борьбу, его приверженность док-

трине «народной войны» в ее ортодоксальной трактовке, которая не придавала должного значения военно-техническому фактору; несовершенство системы управления деятельностью ВПК, допускавшей выпуск отсталых по своим характеристикам вооружений.

С логической точки зрения, процесс заказа и закупок вооружения и военной техники для армии должен включать оценку степени военной угрозы, вывод о необходимости разработки и принятия на вооружение тех или иных систем оружия, отвечающих определенным требованиям, их заказ, закупку и оперативное развертывание. Однако в Китае не всегда следовали этой логике. В данном процессе доминирующую роль играли военно-технические специалисты, учитывающие свои возможности и интересы, в то время как НОАК не играла решающей роли. Интеграция между оборонными НИОКР, производством и развертыванием систем оружия отсутствовала, поскольку Комитет оборонной науки, техники и промышленности (КОНТОП) не выполнял роли объективного посредника между оборонной промышленностью и НОАК. Технический персонал довольно часто перемещался между оборонной промышленностью и упомянутым Комитетом и во взаимоотношениях с НОАК, как правило, принимал сторону оборонной промышленности. Это делало невозможным для представителей НОАК отстаивать интересы армии, соответственно потребности вооруженных сил зачастую не находили отражения в планах производства. В результате военная промышленность выпускала системы оружия, которые не отвечали потребностям НОАК в полной мере. Имели место случаи, когда системы оружия входили в стадию проектирования, а их оперативное предназначение все еще не было определено¹.

В результате к концу 1970-х годов ог-

ромный по масштабам ВПК, насчитывающий более 2000 предприятий с числом занятых 3 млн человек и 200 НИИ (300 тыс. человек)² и поглощавший значительную часть бюджетных военных ассигнований, оказался неадекватен потребностям обороны. В то же время изолированность ВПК от гражданского сектора вследствие режима секретности, а также его ограниченная производственная мобильность, делали невозможным использование части оборонного научно-технического и производственного потенциала в интересах экономического строительства. Все это вызвало необходимость глубокого реформирования и модернизации ВПК, что стало возможным только в условиях политики открытости Китая внешнему миру и рыночных преобразований китайской экономики.

Исходным моментом для реформирования ВПК послужила эволюция взглядов Пекина по проблемам войны и мира в конце 1970-х — начале 1980-х годов, суть которой заключалась в отходе от концепции неизбежности новой мировой войны. Это привело к коренному пересмотру военной политики: прежняя стратегическая концепция постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения была изменена на концепцию военного строительства в мирное время. Выдвинутая Дэн Сяопином идея реформирования ВПК получила выражение в виде так называемого курса 16 иероглифов: *«Сочетание военного и гражданского, мирного и немирного, приоритет военного производства и его развитие с опорой на выпуск гражданской продукции»*³.

При формировании новой структуры ВПК Китай под влиянием опыта развитых стран совершил переход от прежней отраслевой системы оборонной промышленности, для которой характерна высокая степень централизации, к корпоративной системе, основу которой составляют военно-промышленные корпорации⁴, находящиеся под контролем государства и выпускающие как военную, так и гражданскую продукцию. Ныне развитие ВПК осуществляется в направлении создания инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы, включая фундаментальные научные исследования, НИОКР, проектирование и производство при свободном использовании высоких технологий военного и гражданского

назначения в интересах как оборонного, так и гражданского секторов.

В книге три главы. Первая глава посвящена характеристике системы государственного управления оборонной промышленностью, а также содержит сведения о структуре и составе военно-промышленных корпораций и входящих в их состав крупнейших предприятий; рассмотрены вопросы конкурентоспособности отрасли на мировом рынке. Подчеркнута главенствующая роль Комиссии по надзору и управлению госимуществом при Государственном совете КНР (КНУГИ) в осуществлении государственного контроля за деятельностью военно-промышленных корпораций, включая оценку ее результативности, выработку и принятие решений о реорганизации, кадровые вопросы и другие. Раскрыта роль Государственного управления по делам оборонной науки, техники и оборонной промышленности (ГУОНТП) Министерства промышленности и информатизации КНР, на которое возложено определение общей стратегии развития ВПК, координация работы промышленности и научных центров по выполнению заказов НОАК на проведение НИОКР и выпуск продукции военного назначения, организация подготовки инженерных кадров.

Авторами отмечено, что созданное в 1998 г. Главное управление вооружений НОАК (ГУВ НОАК), подчиненное Центральному военному совету (ЦВС) КНР и отвечающее за выработку требований к вооружению и военной технике (ВВТ) НОАК, военный заказ и закупку ВВТ для войск и сил флота, вследствие бюрократической борьбы между видами вооруженных сил в действительности имеет ограниченные полномочия и выполняет указанные функции только по отношению к Сухопутным войскам НОАК и Народной вооруженной полиции (НВП), в то время как Стратегические ракетные войска, ВВС, ВМС НОАК сохранили за собой собственные структуры, выполняющие аналогичные функции.

В качестве недостатка данного раздела следует отметить отсутствие в нем сведений о роли и значении в системе государственного управления оборонной промышленностью Министерства обороны КНР, выполняющего важные функции по финансированию и материально-техническому обеспечению военного строительства, подготовке военных кадров, в том чи-

сле — инженерно-технического профиля.

В книге приводятся сведения о структуре и коммерческой (в том числе внешне-экономической) деятельности военно-промышленных корпораций Китая, их дочерних структурах, научно-исследовательских и испытательных учреждениях и прочих активах, а также — о перспективах их выхода на фондовые рынки. Основываясь на сведениях из китайских источников, авторы убедительно подтверждают официальные данные, а также выводы большинства зарубежных аналитиков о том, что в деятельности корпораций в последние годы преобладает выпуск гражданской продукции при широком участии в самых разнообразных формах коммерческой деятельности. Так, Северная корпорация по производству вооружений (China North Industries Group Corporation (CNGS)), являющаяся монопольным поставщиком большинства видов вооружения и военной техники для НОАК, выпускает следующие виды продукции:

— *военного назначения*: танки, колесные и гусеничные БТР и специальные машины на их базе; системы ствольной и реактивной артиллерии; стрелковое оружие; боеприпасы к стрелковому оружию, к ствольной артиллерии, к РСЗО и танковому вооружению, управляемые (корректируемые) авиабомбы и бомбы свободного падения; глубинные бомбы; системы управления огнем; приборы ночного видения; средства связи; средства ПВО (зенитные артиллерийские системы, ЗРК); взрывчатые вещества;

— *гражданского назначения*: тяжелые грузовики; автобусы; мотоциклы; тяжелая специальная колесная и гусеничная техника (бульдозеры и карьерные самосвалы); химическая продукция; железнодорожная техника и оборудование; нефтепродукты. Соотношение между гражданским и военным производством корпорации составляет в последние годы 70:30⁵. Особым направлением деятельности корпорации является ее нефтяной бизнес.

Широко распространенным, в том числе среди аналитиков США⁶ является мнение о том, что в настоящее время КНР обладает научно-техническим и производственным потенциалом, позволяющим осуществлять программы производства вооружения и военной техники практически во всех секторах военно-промышленного комплекса. В последнее

время данный тезис в том или ином виде присутствует и в китайских СМИ. Тем не менее, авторы книги, опираясь на конкретные данные о российско-китайском военно-техническом сотрудничестве, стремятся дать объективную оценку уровня технологических и производственных достижений КНР в одном из наиболее важных секторов — двигателестроении, что является несомненным достоинством издания. Авторы убедительно показывают, что закупки в 2011–2012 гг. в России крупных партий авиационных двигателей АЛ-31Ф и АЛ-31ФН для истребителей, а также двигателей Д-30КП для выпускаемых с 2009 г. модернизированных бомбардировщиков «Хун-6» (H-6) и «Хун-6К» (H-6K) свидетельствуют о нерешенности проблем в данной области. То же самое относится к дизельным танковым двигателям, судовым двигателям, корабельным средствам ПВО, электронным средствам и некоторым другим видам военной техники.

Глава содержит наиболее полные сведения о военно-промышленных корпорациях Китая и входящих в их состав предприятиях и учреждениях. Исключение составляет основанная в 2002 г. Китайская корпорация электронных технологий (China Electronics Technology Company) (CETC), по которой приводятся лишь самые общие и краткие сведения.

Вторая глава посвящена положению Китая на рынке вооружений в качестве импортера, при этом особое внимание уделено анализу российско-китайского военно-технического сотрудничества в 1992–2012 гг., что представляется вполне естественным. Авторы приводят подробные сведения как по количеству и типам закупаемых Китаем в России вооружений и военной техники, так и по другим направлениям взаимодействия в военно-технической области, таким как лицензионное производство (например, лицензионная сборка в Шэньяне (КНР) самолетов Су-27), разработка по заказу китайской стороны новых образцов вооружений (например, эскизное проектирование российской корпорацией «Камов» в 1995 г. боевого вертолета WZ-10, ныне состоящего на вооружении НОАК), совместное производство на территории Китая некоторых образцов вооружения (например, ракет PL-12 (SD-10) класса «воздух-воздух») и др. Весьма ценной для оценки перспектив российско-ки-

тайского военно-технического сотрудничества представляется предложенная авторами периодизация процесса и выявленная связь характера китайских закупок вооружений с попытками их копирования и освоения производства собственными силами в связи с ростом возможностей китайского ВПК.

Наряду с этим при рассмотрении значения военно-технического сотрудничества между двумя странами для модернизации китайского ВПК авторами допущены противоречивые оценки. Так, тезис о том, что даже при полном отказе РФ от сотрудничества с Китаем он был в состоянии осуществить масштабную модернизацию своих вооруженных сил, входит в противоречие с утверждением, что китайские закупки крупных партий авиационных двигателей в 2011–2012 гг. для истребителей и бомбардировщиков китайского производства свидетельствуют о нерешенности проблем в области двигателестроения, систем наведения, радиотехнических средств⁷.

Большой интерес для читателя представило бы более полное освещение актуального в нынешней ситуации вокруг России вопроса о путях преодоления Китаем эмбарго на поставку военной техники Китаю, введенного странами Запада после подавления студенческих беспорядков в Пекине в 1989 г. и не отмененного до настоящего времени. Стоит отметить, что предпринимаемые Китаем меры, наряду с упоминаемыми в книге, включают реализацию курса на превращение Китая в современное инновационное государство, что способствует росту научно-технического, технологического и производственного потенциала китайского ВПК. В 2007–2012 гг. среднегодовые темпы роста бюджетных ассигнований на образование составляли 21,6%, в 2012 г. их доля в ВВП достигла 4%; в 2013 г. ассигнования по этой статье достигли 4,2% ВВП (388,4 млрд юаней, или 62,6 млрд долл.). Темпы роста государственных расходов на науку и технику за тот же период составили 18%, при этом доля расходов на НИОКР в ВВП увеличилась с 1,4% в 2007 г. до 2,09% в 2013 г. Важно отметить, что доля расходов предприятий в общих расходах на эти нужды превысила 74%. Согласно проекту центрального и местных бюджетов КНР на 2014 г., представленному 2-ой сессии ВСНП КНР 12-го созыва

(март 2014 г.), расходы на образование в 2014 г. предусмотрены в объеме 4,17% ВВП (413,355 млрд юаней, или 66,6 млрд долл.); расходы на НИОКР — 2,17% ВВП (1,33 трлн юаней, или 214,5 млрд долл.)⁸.

В третьей главе приводится анализ присутствия Китая на мировом рынке вооружения в качестве экспортера, где в условиях деглобализации данной сферы на первом этапе (до 2000 г.) главными реципиентами китайской военной техники стали Пакистан, Иран и Ирак; второй этап (2001–2005 гг.) отмечен проникновением Китая на кувейтский рынок вооружения и активизацией присутствия в странах Латинской Америки и Африки, третий этап (2006–2012 гг.) — проникновением в Саудовскую Аравию, Марокко, Венесуэлу, Эквадор, Перу и Индонезию.

Политика «открытых дверей», открывшая Китаю возможности заимствования передовых достижений в области науки и технологий, несомненно, способствовала общему подъему данной сферы в стране и, на этой основе, — научно-технической и технологической модернизации китайского ВПК, что в свою очередь открыло возможности для производства и увеличения экспорта вооружения и военной техники, отвечающей современным требованиям (хотя в отдельных случаях — с использованием иностранных комплектующих и с невысоким качеством); это подтверждается приведенными в книге данными об объемах экспортных поставок: 1992–2000 гг. — 7 млрд долл.; 2001–2005 гг. — 5 млрд долл.; 2006–2012 гг. — 14 млрд долл.⁹

В связи с утверждением о том, что КНР ведет «разработку и массовое производство неядерных оперативно-тактических ракет, в том числе с целью создания эффективной угрозы Тайваню»¹⁰ следует отметить, что в материалах XVIII съезда КПК (2012 г.), так же как и в материалах предыдущего XVII съезда (2007 г.), отсутствовал тезис о возможности использования вооруженных сил в интересах решения тайваньской проблемы. Новым моментом здесь явилось заявление Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК о предложении Тайбэю обсудить заключение мирного соглашения между двумя странами посредством консультаций; одновременно был отмечен прогресс в отношениях между материковым Китаем и Тайванем за последние го-

ды, в частности установлены прямые почтовые, транспортные и торговые связи, подписано соглашение об экономическом сотрудничестве¹¹.

Все это дает основание полагать, что Китай заинтересован в решении тайваньской проблемы мирными средствами.

© 2015

*П. Каменнов,
кандидат политических наук*

1. Вэньти юй яньцзю. Тайбэй. 2000. Т. 39. № 3. С. 1–17.
2. The Chinese Armed Forces in the 21st Century, 1999 / US Army War College, Strategic Studies Institute, Carlisle, USA. P. 166.
3. Ляован. 1989. № 48. С. 20.
4. *Nodskov K.* The Long March to Power/The New Historic Mission of the PLA, 2009. P. 267.
5. *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / Центр анализа стратегий и технологий; Российский институт стратегических исследований. М., 2013. С. 27.
6. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2014 / Office of the Secretary of Defense, USA. P. 14–20, 37–43.
7. *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Указ. соч. С. 69, 81, 178, 193, 256.
8. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8172435.html>;
<http://russian.people.com.cn/31521/8566858.html>.
9. *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Указ. соч. С. 193–195.
10. Там же. С. 261.
11. URL: <http://www.novopol.ru/-hu-tszintao-pekin-predlagaet-taybeyu-obsudit-mehanizm-text136210.html>.

Головачев В.Ц., Молодяков В.Э. Тайвань в эпоху японского правления. Источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор. отв. ред. Э.В. Молодякова. М., 2014, 120 с.

Рецензируемая монография — это первая попытка рассмотреть русскоязычные материалы о Тайване. В ходе подготовки обзора авторы собрали и проанализировали более 100 публикаций российских авторов, а также целый ряд источников. Работа состоит из трех глав, в которых проанализирована литература 2-й половины XIX в. — начала XXI в., в том числе дореволюционные материалы, коминтерновская литература 1920–1930-х годов, также послевоенная и постсоветская историография. Свой аналитический материал авторы сопроводили введением, заключением, списком источников и литературы, именным указателем и, что немаловажно для зарубежных коллег, краткой аннотацией на китайском, японском и английском языках. Привлекает внимание и хорошее оформление обложки, для которой использован один из рисунков П. Ибиса, а также набор ярких высказываний о Тайване и японском присутствии на острове, опубликованных в разное время российскими путешественниками и учеными.

Авторы проделали долгую и трудоемкую работу, собрав большой объем историографического материала, включая российскую прессу и архивные документы тех лет. Характерно, что сведения отдельных российских визитеров об острове стали появляться лишь начиная с 1860-х годов. Авторы показывают, рост интереса российских исследователей приходится на период после вынужденного «открытия» Китая для западных держав, а также после того, как пережившая консервативную революцию *Мэйдзи исин* Япония начала обращать на Тайвань все более пристальное внимание.

Поначалу это были лишь разовые служебные визиты и частные поездки энтузиастов-одиночек. В качестве одного из первых источников авторы представляют рапорт В.А. Терентьева, командира российской канонерки «Горностай», посетившего остров в 1874 г. (С. 13–15). Далее, ценные сведения об острове содержат публикации молодого морского офицера

П.И. Ибиса (1852–1877), который посетил остров в 1875 г. и побывал в разных его частях (с. 15–24). Отметим, что работы Ибиса на целых 100 лет были забыты и лишь на рубеже 1980-х годов об одной из статей (на немецком языке в журнале *Globus*) и фигуре самого Ибиса напомнил М.Ф. Чигринский.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. вызвала новый всплеск интереса российской публики к Тайваню. Уже тогда российские авторы, прежде всего военные, обратили внимание на быстрое усиление Японии, на ее растущие колониальные притязания. Авторы книги упоминают, в частности, доклад 1895 г. российского военного агента в Китае и Корее К.И. Вогака, содержащий сведения о самых ранних планах японцев по «усмирению» своей первой колонии (С. 26–27). Они также проанализировали перевод очерков немецкого путешественника А. Фишера, совершенно не случайно опубликованный в российской печати в 1904 г., после начала русско-японской войны (с. 28–29). Ценными историческими и историографическими источниками являются публикации россиян, посещавших остров в начале XX в. Это и статьи дальневосточного журналиста И.С. Левитова, мечтавшего подкрепить «столыпинское» освоение Дальнего Востока опытом японских колоний (С. 32–35), и доклад А.К. Мольтрехта о проведенной им в 1908 г. этнологической работе среди «дикарей центральной и южной Формозы» (с. 35–37), и составленный в 1915 г. доклад о Формозе известного российского японоведа С.Г. Елисеева, который посетил остров зимой 1912–1913 гг. (С. 38–40). О наличии неопубликованной рукописи этого доклада в фондах ИВР РАН в свое время также напомнил М.Ф. Чигринский.

После Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны «живописное обозрение» Формозы, как отмечают авторы, уступает место классовым марксистским подходам. С середины 1920-х годов начался так называемый

мый коминтерновский период в изучении Тайваня (С. 44–45). Один из первых докладов «О ситуации на Тайване» представил в 1924 г. «из первых рук» тайваньский коммунист Сюй Найан, присланный в СССР для учебы в Коммунистический университет трудящихся Востока (С. 48–49). Оценивая вклад российских ученых тех лет в изучение Формозы, авторы пишут о своеобразном противостоянии «старого», классического, востоковедения в Петрограде и «нового» востоковедения в Москве, ориентированного на марксизм и политические интересы Коминтерна. В результате изучение Тайваня в 1920-х годах стало практически монополией «нового» востоковедения в Москве (С. 52). При этом, как верно заключают авторы, большая часть советских публикаций о колониальном Тайване имела в те годы скорее пропагандистский, чем научный характер (С. 58).

Вместе с тем наряду с публикациями в русле «коминтерновского мэйнстрима», вроде статей М.И. Лукьяновой (Асагири) о рабочем и национально-освободительном движении на Формозе и «борьбе за единый фронт трудящихся масс Формозы» (С. 61, 65–66), в СССР появлялись и более академичные обобщающие статьи о колониальном Тайване. Авторы этих статей («Никкель», Т.С. Юркевич, Г. Гастов) отмечали материальный прогресс на Тайване, анализировали геополитическое и экономическое значение острова, попутно признавая отсутствие точных данных о тамошнем коммунистическом движении (С. 64), а также тот факт, что «корейцы и тайваньцы слишком слабы и малочисленны, чтобы одними своими силами дать отпор чужеземному господству» (с. 69). Итогом этих сдержанных и даже далеких от политики научных оценок стали репрессии против лучших востоковедов, зачисленных в «японские шпионы» и уничтоженных в конце 1930-х годов. Авторы пишут о годах «Большого террора», невинными жертвами которого стали Н.А. Невский, Д.М. Позднеев, М.М. Абрамсон, Т.С. Юркевич и другие советские востоковеды, а также посещавшие Японию академик Н.И. Вавилов и писатель Б.А. Пильняк.

С нашей точки зрения, важной заслугой авторов книги является именно то, что в своем историографическом обзоре они вспомнили забытые имена советских востоковедов, слишком редко упоминающиеся в отечественной ли-

тературе последних десятилетий — Г.А. Астахов (Г. Гастов), М.А. Фортус (П. Миф), Т.С. Юркевич, К.Б. Радек, Г.Н. Войтинский и др. Чрезвычайно интересен материал о работах Н.А. Невского, Н.И. Вавилова, В.Д. Позднеевой, объективно фиксировавших факты культурно-цивилизационного влияния Японии на Тайвань.

Во 2-й главе авторы новаторски и при этом «овелерно» анализируют перевод на русский язык книги японского автора (Янаихара Тадао «Формоза под властью японского империализма»). К середине 1930-х гг., в условиях дефицита сведений о положении на Формозе перевод этой книги стал большим научным событием и фундаментом для последующей критики японского империализма. Между тем, сохранив русское издание с текстом японского оригинала, авторы неожиданно, но, судя по всему, справедливо оценивают этот перевод как тенденциозную и бесцеремонную «компликацию, переходящую в фальсификацию». По их мнению, русскоязычное издание 1934 г. можно использовать как источник статистических данных и фактических сведений о колониальном Тайване, но не следует цитировать его как мнения, выводы и оценки Янаихара (С. 84–89).

В заключительной 3-й главе отмечается, что в послевоенный период Тайвань, к сожалению, выпал из поля зрения советских исследователей. До рубежа 1990–2000-х годов в России не появилось практически ни одной специальной работы об эпохе японского колониального правления на острове.

Особое и заслуженное внимание в этой главе авторы уделили монографии Фанни Александровны Тодер «Тайвань и его история (XIX в.)» (М., 1978). В ее основу была положена кандидатская диссертация, которая ждала публикации 30 лет. В.Ц. Головачев и В.Э. Молодяков, на наш взгляд, справедливо считают, что монография Ф.А. Тодер сохраняет свою ценность и в наши дни (С. 96). И хотя помещенный в книге Ф.А. Тодер материал о начальном периоде японского колониального правления на Тайване (1895–1905 гг.) авторы признают во многом устаревшим, тем не менее, они отмечают, что соответствующий раздел книги до сих пор представляет собой едва ли не единственное специальное исследование на эту тему.

Как известно, новый подъем интереса российских исследователей к данной теме при-

шелся на середину 1990-х и особенно начало 2000 годов, когда отечественные исследователи получили возможность лично посещать Тайвань, вести полевые исследования, работать в тайваньских библиотеках и архивах. Благодаря этим позитивным переменам появились труды академика Б.Л. Рифтина, монография К.М. Тertiцкого и А.Э. Белогуровой, статьи В.Ц. Головачева, В.Э. Молодякова, В.Ф. Сорокина, В.А. Перминовой и др. Итогом общих усилий стало расширение тематики и углубление исследований, введение в научный оборот новых документов. Авторы намечают направления для последующих ис-

следований. Это — русская эмиграция на Тайване, миссионерская деятельность Русской православной церкви на острове.

В заключение вполне можно согласиться с выводом авторов о том, что изучение колониального Тайваня можно считать особой страницей в истории отечественного востоковедения (С. 104).

Учитывая растущий интерес к проблемам развития Тайваня, авторы представили важную и очень нужную работу, которая представляет интерес не только для российской, но и для зарубежной научной общественности.

© 2015

*Ю.В. Чудодеев,
кандидат исторических наук*

Schiavone Camacho Julia María. Chinese Mexicans Transpacific Migration and the Search for a Homeland, 1910–1960. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012. 248 с., карт., ил., табл.

Книга американской исследовательницы Хулии Марии Скьявоне Камачо «Миграция китайских мексиканцев через Тихий океан и поиски родины, 1910–1960» имеет китайское параллельное заглавие, отличное от английского титула: «В крови и слезах Китая мексиканские матери пересекают океан». Указано оно, впрочем, только на суперобложке, рядом с репродукцией иконы Богородицы Гваделупской из церкви св. Терезы в Гонконге.

В этих двух разных по стилю названиях — строго научного английского и пафосно-публицистического китайского отражается многоплановая структура самой книги: это и диссертационное исследование, и хорошее познавательное чтение. Действие разворачивается на двух континентах — Американском (США и Мексика) и Азиатском (Китай, Макао, Гонконг). Каждая страница монографии вызывает к эмоциям читателя. Со многими людьми, о судьбах которых она рассказывает, автор знакома с детства, основой книги стали исполненные драматизма устные истории китайских мексиканцев.

Скьявоне Камачо — специалист в области гендерных исследований, работает на соответствующем факультете Колледжа Сары Лоуренс (Faculty of Gender in the Global South, History, and Global Studies at Sarah Lawrence College). Более всего ее волнуют судьбы мексиканок, вышедших замуж за китайцев и высланных вместе с ними из Мексики в 30-х годах прошлого века.

Китайское заглавие книги точнее передает ее суть, чем английское, речь идет именно о мексиканских матерях детей от смешанных браков, о том, как они оказались в Китае, какова была их азиатская жизнь, как они сохраняли свою национальную идентичность и боролись за возвращение на родину.

Книга состоит из разделенных на главы 4-х частей: две первые рассказывают о жизни китайцев в Мексике, две последние — о жизни мексиканок в Китае. О китайской диас-

поре в Мексике, как и в других странах Латинской Америки, существует обширнейшая литература, которой автор прекрасно владеет: библиография занимает более десяти страниц текста (С. 203–217). Привлеченные источники делятся на пять групп: неопубликованные материалы (архивные дела и устные истории); Интернет-ресурсы; диссертации и тезисы; книги и статьи; газетные публикации. Все это — только на европейских языках, китайским автор не владеет и использует только материалы из англоязычной китайской прессы.

Очевидно, что можно найти более фундаментальные исследования о китайской диаспоре в Мексике, о зарождении и особенностях мексиканского национализма, но о том, чем этот самый национализм обернулся для нескольких сотен мексиканок, первой рассказала именно Скьявоне Камачо.

Китайцы стали переселяться в Латинскую Америку из Гуанчжоу и других приморских провинций юга Китая с середины XIX в. В Мексике китайцы селились в основном в северных штатах, граничащих с США, политика которых в отношении китайцев определила очень многое в судьбе китайцев в Мексике. После принятия в 1882 г. беспрецедентного Федерального закона о высылке китайцев (Federal Chinese exclusion act) китайцы стали приезжать в Мексику и из США, селились, естественно, неподалеку от границы.

Мексиканские эмиграционные законы были благоприятны. Китайцам разрешали не только работать на тяжелых работах, но и заводить свое дело, жениться, получать либо гражданство, либо долгосрочные виды на жительство, креститься.

Китайцев в Мексике не было слишком много, поэтому они не образовывали большие коммун — чайна-тауны, а стремились интегрироваться в мексиканское общество благодаря бракам с мексиканками. За китайцев выходили замуж женщины из небога-

тых рабочих мексиканских семей, брак с китайцем был для них престижен. Китайцы в Мексике принадлежали к двум категориям: сельскохозяйственные работницы и низкоквалифицированные рабочие, занятые на шахтах и строительстве железных дорог, а также образованные состоятельные люди — торговцы, врачи, аптекари. Среди китайцев существовали различные формы взаимопомощи, в том числе и для поддержки вновь прибывающих соотечественников. Случаи участия китайцев в преступных бизнесах были единичны, в основном связаны с проституцией.

Китайцы стали принимать мексиканские имена, носили гибридные фамилии. Мужчины присоединяли к своей китайской фамилии, записанной в транскрипции, характерной для испанского языка, испанское имя, их мексиканские жены добавляли к имени отца имена мужа с частицей «дэ» между двумя фамилиями. Например, жена Felipe Chan звалась Rosa Murillo de Chan, а их старший сын — Ramón Felipe Chan Murillo (С. 9). В семьях складывалась причудливая языковая ситуация: человек мог говорить на кантонском, испанском, английском, языке местных индейцев яки (yaqui), смешивал слова и звуки. Появилась китайско-мексиканская домашняя кухня (С. 24).

Идиллия продолжалась до Мексиканской революции 1910 г. Изменение отношения к китайцам после революции в Мексике имеет ряд причин, как политических, так и экономических. Революция обострила многие социальные проблемы. Китайцы придерживались нейтральной позиции, не принимали никакого участия в революционных событиях и преуспевали, что было особенно заметно на фоне быстрого обнищания мексиканцев, всецело занятых революционной борьбой.

Высылка почти миллиона нелегальных мексиканцев из США в период Великой депрессии обострила ситуацию в Мексике. Вновь прибывшим стало казаться, что все рабочие места заняты китайцами. Особенно сильны антикитайские настроения были в северных штатах Сонора и Синалоа. К началу XX в. китайская диаспора была самой боль-

шой в Соноре, составляя при этом 1–2% от общего числа населения, максимальное количество китайцев было отмечено в 1927 г. — 3758 человек. То есть внимание, которое с некоторых пор привлекала эта весьма небольшая колония, было явно непропорционально ее численности (С. 23).

Антикитайская кампания имела различные аспекты, но ее острин с самого начала было направлено против мексиканских жен китайцев (Chinos), подчеркивалась опасность для мексиканской расы потомства от смешанных браков (mestizaje)*. Весьма красноречивы воспроизведенные в книге карикатуры на эту тему из сонорских газет того времени.

В 1919 г. к власти в Соноре приходят антикитайские силы — губернатор и мэры городов (С. 48). В 1923 г. был принят невыполняемый Закон 27 о создании чайна-таунов, 31-й закон запрещал браки с китайцами (С. 49). Должностные лица, оформлявшие нелегальные отныне браки, привлекались к суду (С. 59), в газетах печатались фотографии мексиканок, вышедших за китайцев (С. 60). Особый упор делался на то, что дети от смешанных браков — дегенераты, что они еще хуже самих китайцев; женщин обязали получать сертификаты на право иметь детей от китайцев (С. 66). Антикитайские активисты представляли китайцев как нечестных бизнесменов, лекарей-отравителей, насильников и педофилов. Все громче звучали призывы к бойкоту китайских предприятий. Высказывались опасения экономической зависимости от китайцев (С. 50), которые потом, после высылки китайцев, подтвердились, так как китайцы забрали из банков все свои деньги, и штат оказался на грани банкротства (С. 71).

В 1931 г. губернатор Соноры Франциско Элиас издал указ о закрытии китайского бизнеса и высылке тех китайцев, которые не подчинились этому закону. Нужно иметь в виду, что центральных мексиканских законов о высылке китайцев не было, инициатива всегда исходила от местных властей, методы в каждом городе были свои. Прибегали к арестам, угрозам, не гнушались устраивать погромы, городские власти устанавливали предельные

* Метисация, специфическое испанское слово, существует как термин и на английский обычно не переводится.

сроки, в которые китайцам необходимо покинуть подведомственные им территории. Только немногие богатые семьи сразу вернулись в Китай, остальные перебрались в другие мексиканские штаты или в США. Хотя массово изгоняли китайцев только из Соноры и Синалоа, китайцы уезжали из всей страны. Если в 1930 г. в Мексике было 18 тыс. китайцев, то через 10 лет — только 5 тыс. В Соноре же к 1940 г. осталось только 92 китайца. Некоторых спрятали их мексиканские жены и друзья-мексиканцы, несколько китайцев прожили самые трудные годы в пещерах. Кто-то сумел отсидеться в отдаленных деревнях, убрав из своего гибридного имени его китайскую часть и став по документам просто мексиканцем. Однако некоторым людям власти разрешили остаться: среди них были известные врачи, ремонтники, некоторые сохранили хорошие личные отношения с представителями властей. Устные истории людей, не захотевших покинуть Мексику, также приведены в книге.

Мексиканки поехали вместе со своими китайскими мужьями и детьми, что казалось естественным: браки были действительными, они жили на родине в атмосфере травли и боялись за себя и детей, им казалось, что едут они недалеко — в США и, возможно, ненадолго. Но устроиться в США на нелегальном положении не удалось никому: американцы свозили всех китайских мексиканцев в Сан-Франциско и отправляли в Китай. Американские власти выслали китайскую семью как отдельную единицу, не обращая внимания на гражданство мексиканок. Это важно для понимания того, что произошло с женщинами потом.

Новая китайская жизнь мексиканок была тяжела. Канву исторических событий в Китае в 30-х–60-х годах прошлого века мы себе представляем. Мексиканкам пришлось пройти через все это, но первая и главная проблема, с которой они столкнулись по прибытии, заключалась в том, что у большинства их китайских мужей на родине уже были жены и дети. Мексиканки оказались на положении вторых жен, и китайские законы не признавали их семейного статуса. Многие женщины сообщили автору книги, что их мужья в Китае резко изменили свое к ним отношение, нарушили прежние обещания, например, не отдали сыновей учиться, а отправили в деревню. Ки-

тайское общество плохо отнеслось к мексиканским женам и детям-метисам (С. 109). Большинство мексиканок стали хлопотать о возвращении на родину. И тут выяснилось, что выйдя замуж за иностранца в Мексике, они оказались лишены мексиканского гражданства, то есть въехать на родину без визы они не могли, а с получением визы были большие сложности. Женщинам, которые не оформили брак с иностранцем официально, было значительно проще. Скъявоне Камачо приводит удивительные случаи, например, китайский муж-бизнесмен вернулся в Мексику, а его мексиканская жена потеряла паспорт и осталась в Китае еще на 5 лет, ибо ни мексиканцы, ни китайцы не давали ей новый (С. 107). Получившим право на въезд в Мексику зачастую было сложно найти деньги на возвращение, так, одна дама вернулась, оставив пятерых детей в Гонконге при церкви (С. 126).

К 1933 г. в Гуандуне и соседних провинциях было 600 мексиканок и их детей (С. 108). Большое участие в их судьбе принимал шанхайский бизнесмен и почетный вице-консул Мексики Маурисио Фреско. Мексиканки уходили от китайских мужей, пытались устроить самостоятельную жизнь, образовывали союзы по возвращению на родину. Разведенные мексиканки старались жить неподалеку друг от друга, вместе воспитывали детей, писали письма в различные дипломатические представительства, боролись за изменение мексиканских законов о браке и въезде/выезде (С. 113).

В ожидании решения своей судьбы мексиканки компактно селились в больших городах, в Шанхае и Нанкине, Макао и Гонконге, здесь было больше экономических возможностей, женщины работали служанками в домах и при церквях и их институтах. Особенно привлекателен был Макао с его космополитизмом и католическими традициями. Сюда перебрались не только многие разведенные мексиканки, но и нераспавшиеся китайско-мексиканские семьи.

Активность мексиканских консульств в Азии, а также стремление Мексики улучшить свой международный имидж постепенно привели к некоторому улучшению ситуации. В 1933 г. правительство продекларировало, что не давало разрешения на высылку китайцев, антикитайские активисты из Соноры вынуждены

были оправдываться, но высылка продолжалась до 1934 г. Начавшаяся японская агрессия в Китае заставила правительство Мексики предпринять реальные усилия для спасения своих соотечественниц (С. 121).

Первая официальная кампания по репатриации китайских мексиканок связана с именем мексиканского президента Ласаро Карденаса дель Рио (Lázaro Cárdenas del Río; 1895–1970, президент в 1934–1940 гг.). Мексиканское правительство спонсировало возвращение разведенных мексиканок, т.е. не был разрешен въезд мужей-китайцев в тех случаях, когда они хотели ехать вместе с женам. Некоторые семьи предпочли остаться в Китае, чтобы не быть разделенными, женщины говорили, что не вернутся, пока живы их мужья.

Мексиканскому консулу в Йокогаме было выделено 94 000 песо для репатриации 400 женщин и сотен детей к весне 1937 г. (С. 129). О программе репатриации женщины узнавали из китайских газет, в консульстве Мексики им нужно было только рассказать свою историю и назвать имя президента Мексики на момент отъезда из страны (С. 130).

В марте 1937 г. первая группа из 89 женщин и сотни детей покинули Гонконг, в Мексике их встретил иммиграционный делегат. Долгожданное возвращение обернулось сложностями: не всех женщин и их детей охотно принимали оставленные ими родительские семьи и общины (С. 129). Существовало подозрение, что репатриантки являются носителями азиатских болезней, их подолгу держали в карантинах.

Репатриацию Карденаса Х. Скьявоне характеризует как неполную и ограниченную. Возможность продолжить борьбу за возвращение у китайских мексиканок появилась вновь после Второй мировой войны. Чем дольше мексиканки жили в Китае, тем прекраснее им казалась Мексика. В союзах китайских мексиканок детей обучали испанскому языку и культуре. Идеализируя образ оставленной родины, мексиканки никогда не обвиняли народ в высылке китайцев, а только правительство. После войны появилась возможность восстановить связи с мексиканской родней.

В 50-х–60-х годах прошлого века инициатором и координатором движения за возвращение в Мексику стал Рамон Лай Мазо (Ramón

Lay Mazo). Он покинул Синалоа маленьким мальчиком, долго жил в уезде Тайшань в Гуандуне, после Второй мировой войны, как и многие, перебрался в Макао, работал при католической церкви. Им была проведена перепись китайско-мексиканского населения в Макао в 1959 г., ее результаты Скьявоне Камачо обобщила в таблице (С. 140–141): 121 человек, 24 домохозяйства от трех до девяти человек в каждом. Социальное положение и уровень материального благосостояния этих людей в среднем были невысоки, не случайно в конце 50-х годов в Макао выражение «быть как мексиканец» значило быть бедным и не иметь статуса (С. 144).

Лай Мазо переписывался с мексиканскими инстанциями различных уровней, собирал сведения обо всех соотечественниках, особенно тех, кто остался в КНР. О тяжелом положении этих людей, особенно в период Культурной революции, Мазо знал не понаслышке. Восстановление мексиканского гражданства осложнялась тем, что многие китайские мексиканцы в КНР не имели документов, известны случаи уничтожения мексиканских паспортов коммунистами, по поводу таких людей велась переписка с родственниками в Мексике.

Благодаря активности Мазо различные благотворительные организации в Мексике начали принимать участие в судьбе китайских мексиканок, в Мехико-сити в конце 50-х годов возникают женские организации, пишущие письма президенту Лопесу Матеосу о необходимости спасения одиноких мексиканских женщин в Китае. Упор делался на их мексиканский патриотизм, вечную мечту о возвращении в сочетании с бедностью и бесправием. Благотворительным организациям удалось на первых порах вывезти из Макао 69 семей без документов. После этого в 1958 г. была создана комиссия по репатриации. Некоторые мексиканки боялись, что мексиканские власти вновь не позволят им вывезти своих китайских мужей, таких полных семей в Макао оказалось девять, в Гонконге — немногим больше, мужчинам было уже за шестьдесят, и Мексика разрешила им въезд в страну (С. 162). Всего, по разным данным, при Л. Матеосе вернулось от 250 до 350 китайских мексиканцев.

Как и во времена первой официальной репатриации, реинтеграция возвращенцев в мексиканское общество происходила тяжело, осо-

бенно это касалось детей, не помнящих Мексику, родившихся в Китае или вывезенных младенцами. Китайские мексиканки писали в письмах президенту, что их сыновья не могут найти работу (С. 164). Однако трудности оказались преодолены при помощи мексиканцев и китайских мексиканцев, вернувшихся ранее. Интеграции способствовала мексиканская идентичность, не утраченная за годы жизни в Китае.

После возвращения Масо в Мексику борьбу за репатриацию людей из Гуандуна возглавил в Макао испанский иезуит Луис Руис. Коммунистические власти не разрешали своим китайским мексиканцам выезд из Макао. В результате деятельности разного рода организа-

ций по помощи таким людям проблема была наконец решена, и все китайские мексиканцы, желавшие уехать, после тридцатилетней борьбы вернулись на родину.

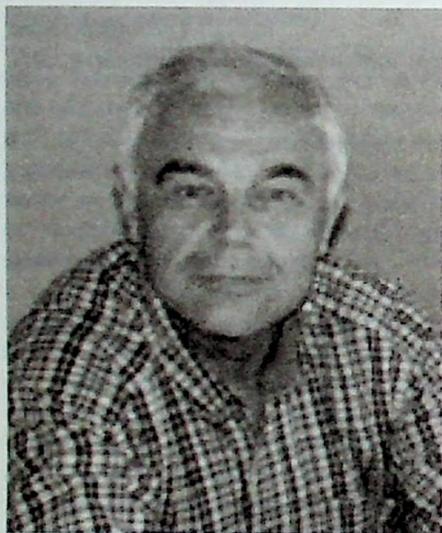
Книгу Скьявоне Камачо можно рекомендовать китаистам, историкам, специалистам по межнациональным отношениям и диспорам. Собранные в ней архивные материалы и устные истории непосредственных участников событий едва ли смогут оставить кого-нибудь равнодушным. Победа китайских мексиканок в многолетней борьбе за свои права с двумя бесчеловечными государственными машинами — мексиканской и китайской, вызывает искреннее восхищение.

© 2015

*Т. Виноградова,
заведующая отделом Библиотеки Академии наук РАН.*

Юбилей ученого

75-летие А.А. Козлова

Свой 75-летний юбилей отмечает ученый секретарь ИДВ РАН Анатолий Алексеевич Козлов. Он родился 15 июня 1940 г. в городе Бахмач Черниговской области в рабочей семье. После окончания средней школы работал грузчиком, проводником, два года учился в медицинском институте. В 1959–1963 гг. служил в Советской Армии, а затем поступил в Институт восточных языков при МГУ им. М.В.Ломоносова, где изучал индонезийский язык. В 1969 г. Анатолий Алексеевич окончил институт, в 1973 г. — аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Проходил стажировку в «Университете Малайя». Позже работал представителем Союза советских обществ дружбы и культурных связей (ССОД) в Индонезии, заведующим курсами русского языка. С 1989 г. А.А. Козлов ра-

ботает в Институте Дальнего Востока РАН, с 1991 г. по настоящее время — в должности ученого секретаря.

Скупые строки автобиографии. А за ними — человек, который во многом держит в своих руках рычаги, обеспечивающие бесперебойный ритм работы Института Дальнего Востока. На нем замыкаются практически все научно-организационные аспекты деятельности института. Чем только не приходится заниматься ему в качестве одного из его ответственных сотрудников: составлением планов научной деятельности, отчетами о работе научных Центров и подразделений, поддержанием оперативной связи с Президиумом и Отделением РАН, другими научными учреждениями, организацией работы диссертационных советов, подготовкой заседаний Ученого совета, составлением планов научных изданий. И многим другим, без чего невозможно нормальное функционирование такого сложного организма, как научный институт...

При этом Анатолий Алексеевич не оставляет и научную деятельность: он участвует в коллективных монографиях и журнальных публикация статей по проблемам международных отношений в странах Азии и вопросам политического развития КНР, рецензировании рукописей и подготовке сборников докладов ИДВ РАН.

Ко всем этим делам он относится заинтересованно и ответственно, но с неизменной принципиальностью и требовательностью к себе и коллегам. Скромность и выдержка, спокойствие, уверенность и корректность Анатолия Алексеевича по отношению к коллегам помогают в разрешении самых непростых проблем, обеспечивают порядок и четкость в работе института. Когда, пытаясь решить какой-либо трудный вопрос, обращаешься к ученому секретарю и встречаешь внимание, неподдельное желание помочь и добрую улыбку — раздражение и негативные эмоции улетучиваются, превращаясь в радость взаимопонимания...

Уважаемый Анатолий Алексеевич!

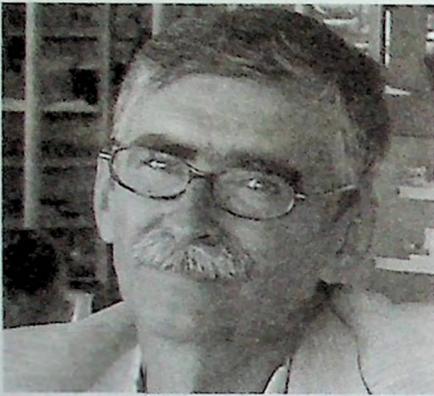
Вы заслуженно пользуетесь высоким авторитетом и симпатией Ваших коллег, сотрудников института, которые любят и ценят Вас не только как высокопрофессионального специалиста, но и, может быть, в большей степени как товарища, искреннего и доброжелательного, заботливого и готового поддержать в трудную минуту.

От души желаем крепкого здоровья, душевных и физических сил, радости и благополучия Вам и Вашим любимым и близким.

Вновь напомним слова директора Института Дальнего Востока РАН академика М.Л. Титаренко, сказанные пятнадцать лет назад, в год Вашего 60-летия: «Как говорят на Востоке: «Бесконечного Вам долголетия! Пусть счастье и удача сопутствуют Вам!»

*Коллектив сотрудников ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Александр Игоревичу Салицкому — 60 лет

8 июня 2015 г. исполнилось 60 лет известному российскому китаеведу, доктору экономических наук Александру Игоревичу Салицкому.

А.И. Салицкий закончил в 1977 г. факультет международных экономических отношений МГИМО МИД СССР, получив квалификацию экономиста-международника со знанием китайского и английского языков.

Вся трудовая жизнь А.И. Салицкого связана с фундаментальными исследованиями экономики Китая и других азиатских стран, работой в институтах Академии наук СССР, а затем России, где

он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника.

После окончания аспирантуры при Институте востоковедения АН СССР и защиты в 1981 г. кандидатской диссертации по теме: «Внешнеэкономическая политика КНР по отношению к азиатским развивающимся странам (70-е гг.)» А.И. Салицкий поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР. Его основательное знакомство с Китаем произошло еще в 80-х гг. прошлого столетия, когда он дважды, в 1985–1986 гг. и 1989–1990 гг., прошел научную и языковую стажировку в Пекинском народном университете.

В 1987 г. А.И. Салицкий, наряду с другими сотрудниками Института востоковедения, перешел в отдел тихоокеанских исследований Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, решение об укреплении которого было принято по инициативе директора Института, академика Е.М. Примакова. В тот период в ИМЭМО вышла первая монография А.И. Салицкого «Открытая политика Китая: опыт 80-х годов».

В 1992 г. А.И. Салицкий вернулся на работу в Институт востоковедения РАН. В сложные для ученых 1990-е гг. он остался преданным делу науки, продолжил исследования внешнеэкономической деятельности КНР, места и роли Китая в мировой экономике. В 2000 г. в Институте востоковедения РАН им была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему: «Взаимодействие КНР с мировым хозяйством в 80–90-е годы». На ее основе в 2001 г. вышла в свет монография «Взаимодействие КНР с мировым хозяйством».

В 2001 г. по приглашению директора ИМЭМО РАН, академика Н.А. Симонии А.И. Салицкий вернулся в Институт мировой экономики и международных отношений, где и работает по сей день главным научным сотрудником Центра проблем развития и модернизации. Ряд лет он являлся по совместительству главным научным сотруд-

ником Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

За последние 15 лет значительно расширился круг научных интересов и исследований А.И. Салицкого. В него вошли проблемы мирохозяйственных связей, соотношение процессов глобализации и регионализации, экономическое развитие азиатских стран, поиск модели развития Китая, пути китайских экономических реформ, вопросы энергетики КНР, проблемы присоединения Китая к ВТО и многие другие темы. С его непосредственным участием, в соавторстве с М.А. Потаповым и А.В. Шахматовым, были изданы интересные исследования по азиатской экономике: «Возрождение Азии: горизонты модернизации» (2007) и во многом новаторский учебник «Экономика современной Азии» (2008). Его второе переработанное и дополненное издание вышло в свет в 2011 г.

Публикации А.И. Салицкого неизменно встречают повышенный интерес, отличаются нестандартным взглядом на исследуемые темы, дискуссионным подходом, зачастую носят «провокационный» характер, призывая читателей к открытому обсуждению и диалогу. При этом Александр Игоревич относится с большим уважением и вниманием к другой точке зрения, с удовольствием работает совместно с коллегами-востоковедами по разным темам исследований, активно участвует в коллективных монографиях ИМЭМО, ИВ РАН, ИДВ, МГИМО. Его многочисленные публикации в журналах «Проблемы Дальнего Востока», «Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность», «Мировая экономика и международные отношения», «Азия и Африка сегодня», «Вестник РАН» и многих других хорошо известны научной общественности, как и выступления по радио, телевидению, на интернет-сайтах.

На сегодняшний день А.И. Салицкий является автором более 140 научных публикаций общим объемом около 150 п.л., включая восемь монографий.

Нельзя не отметить активную заинтересованную деятельность профессора А.И. Салицкого в подготовке научной смены. Многие годы Александр Игоревич преподает мировую экономику и экономику Китая, руководит аспирантами в ряде высших учебных заведений Москвы.

Коллеги-востоковеды, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» от всей души поздравляют Александра Игоревича Салицкого с юбилеем и желают ему здоровья, благополучия и долгих лет плодотворной работы на ниве востоковедения.

Contents

DOCUMENTS

Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Deepening the Comprehensive Partnership and Strategic Interaction and Promoting Mutually Beneficial Cooperation

Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in the Pairing Construction of the Eurasian Economic Union and the Economic Belt of the Silk Road

Greeting of the President of Russia Vladimir Putin to the Participants and Guests of the Russian-Chinese Conference "The Role of the USSR and China in the Achievement of Victory over Fascism and Japanese Militarism in World War II"

Greeting of the President of PRC Xi Jinping to the Participants and Guests of the Russian-Chinese Conference "The Role of the USSR and China in the Achievement of Victory over Fascism and Japanese Militarism in World War II"

POLITICS

M. Titarenko, A. Lomanov. Political and Cultural Aspects of Strategy of Formation China as a Great Power

V. Kistanov. Foreign Policy of Japan in 2015: Where Will It Restart?

A. Voloshina. Sino-Japanese Relations in XXI Century: Problems and Prospects

G. Lokshin. The Ideas of Ho Chi Minh in the Foreign Policy of Vietnam

A. Kurmazov. Arctic Policy of Japan and Russia's Interests

ECONOMY

O. Borokh. "The New Normality" with Chinese Characteristics

V. Balakin. The Build-Up of China's Comprehensive National Power: the American Factor

M. Aleksandrova. The Policy of Reviving the Old Industrial Base in Northeast China

N. Koledenkova, A. Paleev. Chinese-Latin American Economic Cooperation

STATE AND SOCIETY

V. Portyakov. Shenzhen: Social Processes and Problems

A. Karneev. "Glasnost" with Chinese Characteristics: Some Current Trends in Chinese-Speaking Information Areal

HISTORY

B. Gorbachev. External Assistance to China during the War with Japan (1937–1945)

D. Kuznetsov. "All Are Subject to Be Arrested": Political Repressions in the USSR and the Fate of the So-called "Harbin"

SCIENTIFIC EVENTS

Russian-Chinese Conference "The Role of the USSR and China in the Achievement of Victory over Fascism and Japanese Militarism in World War II
The Address by Honorary Chairman of Russian-Chinese Friendship Society Academician S. Tikhvinsky to the Participants of the Conference
All-Russian Round Table
Scientific Conference of the Center for Socio-Economic Research of the IFES RAS "China at a New Stage of Economic Reform"

BOOK REVIEW

V. Myasnikov. Dialogue of Cultures Proven by History. N. Samoilov. Russia and China in XVII — the Beginning of XX Century: Trends, Forms and Stages of Socio-Cultural Interaction
P. Kamennov. M. Barabanov, V. Kashin, K. Makienko. Defense Industry and Arms Trade in China
Yu. Chudodeyev. V. Golovachev, V. Molodyakov. Taiwan in the Era of Japanese Rule
T. Vinogradova. Schiavone Camacho J.M. Chinese Mexicans Transpacific Migration and the Search for a Homeland

SCHOLAR JUBILEE

The 75th Anniversary of A. Kozlov
A. Salitsky — 60 years

Contents
Summary

Summary

M. Titarenko, A. Lomanov. Political and Cultural Aspects of Strategy of Formation China as a Great Power

The article discusses the characteristics and specific features of the behavior of China as a new great power. In diplomacy China pays great attention to the creation of a new paradigm of relationship with neighboring countries, the elaboration of a meaningful concept of joint development. The transformation of the methodology of Chinese politics leads to the increasing role of traditional culture and values, an increasingly prominent place is occupied by the ethical categories of early Confucianism.

Key words: China, politics, diplomacy, traditional culture, Xi Jinping.

V. Kistanov. Foreign Policy of Japan in 2015: Where Will It Restart?

In 2015 the Prime Minister of Japan Shinzo Abe would address a number of difficult problems in order to improve relations with its Asian neighbors. Their solution has been complicated by the attempts of Abe to revise estimates of Japanese aggression in Asia in the middle of the last century. One of the main directions of Tokyo's foreign policy is the strengthening of military-political alliance with the United States, the increased importance of military factors in foreign course of the country.

Key words: Shinzo Abe, the Second World war, territorial disputes, the "comfort women", self-defence forces, active pacifism.

A. Voloshina. Sino-Japanese Relations in XXI Century: Problems and Prospects

The author examines the current state of Sino-Japanese relations and the prospects for their development, defines the main factors affecting the bilateral relations and analyses the efforts by Peking and Tokyo for their settlement in the light of the mutual agreement to resume political, diplomatic and security dialogue reached on November 7, 2014.

Key words: China, Japan, security, territorial disputes, cooperation, crisis management.

G. Lokshin. The Ideas of Ho Chi Minh in the Foreign Policy of Vietnam

The article discusses the activities of the founder of the Communist party of Vietnam, the leader of the August revolution, the first President of the Democratic Republic of Vietnam, Ho Chi Minh, his efforts to defend the country's sovereignty and the fight against colonial domination. The author traces how ideas of Ho Chi Minh are implemented in foreign policy of modern Vietnam.

Key words: August revolution of 1945, the French intervention in Indochina, the U.S. aggression in Vietnam, foreign policy of Vietnam, "policy update".

A. Kurmazov. Arctic Policy of Japan and Russia's Interests

The interest of Japan to the use of potentials of the Arctic has been significantly increased recently. The scope of Japanese Arctic interests include the Northern Sea Route, scientific research of the Arctic, competition with neighboring Asian countries in the development of Arctic resources, territorial dispute with Russia in the epoch of the Northern Sea

Route. Analysis of these trends shows that Japan seeks to increase its relevance in the Arctic Council.

Key words: Arctic, Japan, Russia, the Northern Sea Route, the Arctic Council, scientific research, development of resources.

O. Borokh. "The New Normality" with Chinese Characteristics

The article examines the economic concept of "new normality" elaborated by the leadership of the PRC in 2014. The author traces its main sources and key stages of formation, reveals its specific features that make Chinese version of the "new normality" different from Western approaches to post-crisis trends in global economy.

Key words: "the new normality", Xi Jinping, Li Keqiang, economic growth, structural adjustment, macroeconomic control.

V. Balakin. The Build-Up of China's Comprehensive National Power: the American Factor

In the last decade the American factor plays a significant role in promoting China's efforts to build comprehensive national power. The U.S. are not able today to deal effectively with China's geopolitical aspirations because of weakening of their economic position in East Asian region and the physical inability to accumulate there sufficient military superiority. In this context East Asia became the arena of fierce rivalry between the PRC and the U.S. allied with Japan that is leading its own strategic game.

Key words: China, USA, Japan, East Asia, comprehensive national power, geopolitical aspirations.

M. Aleksandrova. The Policy of Reviving the Old Industrial Base in North-east China

The article describes the situation, that prevailed in the northeast part of China in the early 2000's. The detailed analysis is focused on the steps taken by Chinese leadership for economic revival of the region. The publication for the first time in the scientific literature contains detailed analysis of the Plan for development of the PRC North-East during the 12th five-year plan period.

Key words: the PRC State Committee for Development and Reforms Affairs, mid-wealth society, depressive industries, state property, cross-border trade.

N. Koledenkova, A. Paleev. Sino-Latin American Economic Cooperation

The article discusses Sino-Latin American economic cooperation in trade, investment and development of raw material resources, analyzes the export of capital in the form of China's direct investment in the economy of Latin America.

Key words: natural resources, trade and economic cooperation, foreign trade turnover, foreign investments of China.

V. Portyakov. Shenzhen: Social Processes and Problems

The article analyzes the peculiarities of demographic situation in Shenzhen, shows the ways to overcome local residents' "status gap", briefly discusses the issues of labor, wages and social security of citizens. Rather high activity of trade unions and non-governmental organizations in Shenzhen has been marked.

Key words: China, Shenzhen, social policy, demography, labor, wages, education, health care, trade unions, community organizations.

A. Karneev. "Glasnost" with Chinese Characteristics: Some Current Trends in Chinese-Speaking Information Areal

The author explores the gradually changing landscape of public debate in Chinese-speaking information areal, which with the development of new information technologies is becoming more global. He analyzes the role of some Chinese language foreign media, that became widely known at the time of scandal related to Bo Xilai.

Key words: foreign media, sites and publications in Chinese, the fight against corruption, Xi Jinping, Bo Xilai, Zhou Yongkang, the ideological and political struggle, censorship in the PRC.

B. Gorbachev. External Assistance to China during the War with Japan (1937-1945)

The author stressed the importance of military aid to China from the USSR and the USA during the war against Japan in 1937-1945. He analyzes forms of Soviet military assistance to the struggle of Chinese people against Japanese aggression at different stages of the Second World War, as well as US military supplies to China under lend-lease.

Key words: military assistance, China, the war against Japan (1937-45), the USSR, the USA, lend-lease.

D. Kuznetsov. "All Are Subject to Be Arrested": Political Repressions in the USSR and the Fate of the So-Called "Harbin"

The article deals with the problem of political repressions against the so-called "Harbin". It identified three key stages in which "Harbin" were persecuted by the Soviet authorities. In the situation where the scale of repression was becoming wider, "Harbin" who lived on the territory of foreign State, could not be left out, and their fate had been actually determined.

Key words: East China Railroad, "Harbin", emigration, re-emigration, repatriation, deportation, political repressions in the USSR.

Поправка

В статье: С. Кузьмин: "О деятельности Панчен-ламы IX в Маньчжурии и Внутренней Монголии" ("Проблемы Дальнего Востока", № 6, 2014, с. 132, строки 11–13 снизу) напечатано: "Согласно им, Панчен-Богдо родился будущим 25-м царем Шамбалы Рэгдэндагвой, а монгольский первоиерарх Богдо-гэгэн — полководцем Шамбалы Ханумандой" следует читать: "Согласно им, Панчен-Богдо родится будущим 25-м царем Шамбалы Рэгдэндагвой, а монгольский первоиерарх Богдо-гэгэн — полководцем Шамбалы Ханумандой"

Николай Сергеевич Тихонов
31.03.1935 — 18.05.2015

Отечественное китаеведение, журнал «Проблемы Дальнего Востока» понесли тяжелую утрату. 18 мая с.г. после тяжелой продолжительной болезни скончался ответственный секретарь редакции, член редколлегии журнала Николай Сергеевич Тихонов. Совсем недавно, 31 марта с.г. мы отметили его 80-летний юбилей.

Окончив в 1958 г. Восточный факультет МГИМО, Николай Сергеевич более двух лет работал в Институте китаеведения АН СССР. В 1960 г. после закрытия Института китаеведения Н.С. Тихонов перешел на журналистскую работу в Гостелерадио, где прошел все ступени радиожурналиста (был редактором, корреспондентом, комментатором, обозревателем, ответственным секретарем Редакции вещания на Китай). В качестве корреспондента Н.С.Тихонов неоднократно выезжал в командировки по странам Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии: в Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Таиланд, Малайзию, Индию.

В 1976 г. Николай Сергеевич завершил работу на радио в должности заместителя главного редактора радиостанции “Мир и прогресс”. Перейдя в Агентство печати “Новости”, трудился обозревателем АПН по проблемам Китая: его материалы публиковались в прессе Японии, Индии, Индонезии, Филиппин, Бирмы, Шри Ланки и других стран. В 1981–1986 гг. был на дипломатической и журналистской работе в Малайзии, занимая посты пресс-атташе, первого секретаря Посольства СССР и представителя АПН. В 1988 г. он занял должность ответственного секретаря в редакции журнала “Проблемы Дальнего Востока”, в котором проработал более четверти века.

Его богатый жизненный опыт, широкий научно-политический кругозор, вкус к журналистской работе, прекрасные личные качества благотворно влияли на жизнь и работу редакции. Среди коллег в журнале и в Институте Дальнего Востока РАН Николай Сергеевич пользовался большим уважением как человек редкой трудоспособности, высокой ответственности за свое дело.

За многолетний труд на благо отечественного востоковедения, развитие редакционно-издательской деятельности Н.С. Тихонов был награжден Почетными грамотами Президиума Российской академии наук и Института Дальнего Востока РАН.

Светлая память о Н.С. Тихонове навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал, уважал и любил.

Редколлегия и редакция ПДВ, сотрудники ИДВ РАН

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 03.06.2015 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 493 экз. Зак. 200. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras

Оригинал-макет © 2015 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.